

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны»

**БЕЛАРУСЬ У ГІСТАРЫЧНАЙ РЭТРАСПЕКТЫВЕ
XIX–XX СТАГОДДЗЯЎ:
ЭТНАКУЛЬТУРНЫЯ
І НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНЫЯ ПРАЦЭСЫ**

Матэрыялы Рэспубліканскай
навуковай канферэнцыі

(Гомель, 3 кастрычніка 2019 г.)

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2019

УДК 94:39:316,7:32(476) “18/19”

Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў : этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, (Гомель, 3 кастр. 2019 г.) / рэдкалегія А. Р. Яшчанка (гал. рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2019. – 183 с.
ISBN 978-985-577-596-7

Разгледжаны разнастайныя аспекты сацыяльна-эканамічнай, палітычнай і канфесійнай гісторыі Беларусі, асвятляюцца праблемы нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва і сучасныя этнакультурныя працэсы.

Адрасаваны навукоўцам, аспірантам, студэнтам, краязнаўцам, настаўнікам.

Матэрыялы канферэнцыі выдаюцца ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй, пры ўдзеле выдавецтва.

Рэдкалегія:

А. Р. Яшчанка (гал. рэд.), С. А. Чаропка, С. Ф. Верамееў,
А. Дз. Лебедзеў, А. В. Марчанка, М. І. Старавойтаў

ISBN 978-985-577-596-7

© Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны», 2019

1 ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

УДК 94(477.74)''192''

А. М. Бабков

(Гомель, УО «Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины»)

СЕБЕЖСКОЕ УЕЗДНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В 1920 ГОДУ

В результате отступления Красной Армии на польско-советском фронте в конце 1920 г. в Западной области прекратили свою работу эвакуационные органы Центрэвака РСФСР и приостановилась отправка за границу беженцев и военнопленных Первой мировой и Гражданской войн. Управление Главноуполномоченного по Западной области (Главэвакзап) во главе с Л. И. Розенгаузом временно размещалось в Орше, где продолжало свою деятельность по возобновлению эвакуационной работы на территории Беларуси. В 1920 г. в западных губерниях скопилось более 32 тыс. беженцев. Неурожай в центрально-европейских губерниях России вызвал несанкционированный отъезд беженцев на родину.

Плановая реэвакуация беженцев, военнопленных и других контингентов населения в Прибалтику и Польшу возобновилась во второй половине 1920 г., когда правительство РСФСР в дополнение к мирным договорам с прибалтийскими республиками заключило договоры о реэвакуации беженцев с Латвией от 12 июня 1920 г., с Литвой – от 30 июня 1920 г., соглашение от 19 августа 1920 г. с Эстонией по вопросу беженства.

Согласно договорам стороны согласились «поскорее ликвидировать бедствия мировой войны, дать возможность беженцам обеих сторон, вынужденным покинуть свои домашние очаги, немедленно вернуться в свое отечество, не дожидаясь заключения мира между договаривающимися сторонами». Понятие «беженец» распространялось на лиц, «оставивших места своего постоянного проживания по распоряжению военных или гражданских властей во время мировой войны или во время гражданской войны», а также на пленных мировой войны [1, с. 569–570].

На северо-западном направлении советского государства беженцы и военнопленные возвращались в Прибалтику через Смоленскую,

Псковскую и Витебскую губернию, которая с февраля 1919 г. входила в состав РСФСР. Согласно советско-латвийскому договору от 12 июня 1920 г. «пунктами передачи беженцев на границе установлены станции Розеновская бывшей Виндаво-Рыбинской железной дороги и станция Жогово бывшей Петроградо-Варшавской железной дороги», в дальнейшем допускалась возможность по взаимному согласию сторон изменить пункты пропуска. По договору Россия должна была «доставлять на русско-латвийскую границу не менее двух тысяч беженцев еженедельно». Что касается правил провоза беженцами своего багажа, его общий вес «сверх ручного не должен превышать 8 пудов для главы семьи и одиноких, 5 пудов для каждого члена семьи и 2 пуда для детей моложе 10 лет» [1, с. 570–571]. Был установлен перечень запрещенных к вывозу предметов. Резэвакуацию беженцев следовало «начинать с районов, наиболее для них неблагоприятных в продовольственном и жилищном отношениях» [1, с. 572]. Среди общего потока беженцев в приграничной полосе значительным было перемещение латвийских беженцев. Их численность увеличилась в Западной области летом 1919 г., когда после свержения советской власти в Прибалтике часть населения Латвии вынуждена была переселиться в западные губернии советской страны.

Исключительно важным пропускным пунктом беженцев и военнопленных в Латвию и сопредельную Литву являлся пограничный пункт Себеж, через который они направлялись на станции Розеновская. В Себеж беженцы, пленные и другие контингенты населения следовали со стороны Москвы и Петрограда по железнодорожной линии Ржев – Великие Луки – Новосокольники, а также частично из Витебска, хотя транспортная связь последнего с Себежем была затруднена. Договором был определен порядок «отправки беженцев и их имущества в передаточные пункты эшелонами или отдельными вагонами» [2, л. 156].

Предвидя массовый приток беженцев и пленных к западной границе, в марте 1920 г. управлением Витебского губэвака был командирован заведующий административным отделом в район Новосокольники – Себеж для решения вопроса об устройстве на этом участке пропускного пункта для беженцев и военнопленных. Предпочтение было отдано Себежу, который находился в 3–4 верстах от железнодорожной станции, но располагавший неразрушенными жилыми помещениями, четыре из которых занимал развернутый здесь Наркомздравом изоляционно-пропускной пункт. В связи

с планировавшимся его переездом в Невель, освобождающиеся помещения намечалось передать в распоряжение Себежского уездэвака. В городе функционировал заразный госпиталь и больница, которые способны были взять на себя нагрузку по медико-санитарному обслуживанию проходивших контингентов населения. Поскольку бывшие беженские бараки на станции пришли в ветхость и стали непригодными для жилья, намечалось увеличить количество жилых помещений пропускного пункта за счет «освобождения от жителей, находившихся близ станции частных домов» [3, л. 50–51].

Военные и гражданские власти поддержали план открытия пропускного пункта в Себеже. Ревком обещал оказать содействие в переселении жителей из домов, расположенных около станции. Особый отдел дислоцировавшейся здесь дивизии предлагал размещать беженцев в синагогах.

Начальник Себежского эвакуационного управления С. Эпштейн в докладной записке на имя Главноуполномоченного Центрэвака по Западной области Л. И. Розенгауза обратил внимание на возросший приток в конце лета – осенью 1920 г. беженцев и военнопленных в Себеж. Только в августе – сентябре Себежским эваком было направлено за границу свыше 35 тыс. беженцев и военнопленных в РСФСР свыше 6 тыс. беженцев и военнопленных. При недостаточной вместимости беженских барачков, следующие через Себеж эшелоны с беженцами задерживались на минимальное время, необходимое для проверки документов беженцев и осмотра их вещей. «Что же касается беженцев, прибывающих в Себеж без соответствующих разрешений органов Центрэвака, то таковые в Себеже не регистрировались и не принимались на попечение эвака, а отправлялись как прибывшие незаконно в Смоленск и Великие Луки для зачисления там в очередные эшелоны» [3, л. 63].

Питание транзитным беженцам предоставлялось питпоездом, находившимся в распоряжении Себежского эвака. Положение с обеспечением беженцев и военнопленных продовольствием улучшилось осенью 1920 г., когда при эваке был открыт свой питпункт и оборудована столовая. При питпункте работала небольшая хлебопекарня, которая не успевала выпекать хлеб в достаточном количестве. Поэтому эваку приходилось производить выпечку хлеба в частной хлебопекарне. После установления второй печи в своей хлебопекарне значительно увеличилась выпечка хлеба. Две хлебопекарни поставляли эваку ежедневно 50 пудов хлеба.

Пропускная способность питпункта и питпоезда при двух варках составляла 6 тыс. порций в день [4, л. 31].

Эффективной работе по продовольственному обеспечению беженцев и пленных мешала несогласованность в действиях заведующих питпункта и питпоезда. В ходе проверки представителями контролирующих органов работы питпоезда выявились нарушения при раздаче питания, в частности, отсутствовала порционная доска, по которой была бы видна закладка продуктов и количество едоков. На замечание контролера о допущенных злоупотреблениях заведующий питпоездом заявил, что «он сам был государственным контролером, и поэтому его учить не придется». Он отказал контролеру управления эвака «присутствовать при закладке и раздаче пищи», а также ознакомлению с раздаточными ведомостями, мотивируя свое поведение тем, что он сам отвечает за раздачу продуктов [4, л. 32]. На сложившиеся ненормальные отношения между управлением Себежского уездэвака и заведующим питпоездом обратил внимание в своем докладе на имя Главноуполномоченного Главэвакзапа начальник эвака М. Е. Зельдин: «Питпоезд, прикомандированный Центрэваком считает себя неподотчетным Себежэваку, ввиду чего последний лишен возможности контролировать его работу, наём штата работников, производство расходов... производится без ведома Себежэвака. Заносчивая самостоятельность заведующего питпоездом дошла до того, что он отказался допускать в поезд контролера». Поэтому М. Е. Зельдин предложил «для пользы дела подчинить питпоезд Себежэваку, зачислить штат питпоезда на время нахождения его в Себеже на службу при эваке... Заведующий питпоездом, не имея ни малейшего понятия о работе по питанию контингентов, абсолютно не соответствует своему назначению и, передав все дела питания бывшему заведующему товарищу Шерашевскому, занимается политикой, тормозящей работу не только питпоезда, но и Себежэвака» [4, л. 32].

По данным М. Е. Зельдина с 1 апреля по 9 декабря 1920 г. на довольствии Себежэвака состояло 4440 человек. Более масштабную продовольственную помощь проходившим через Себеж контингентам населения оказал действовавший с июня на станции питпоезд Центрэвака. К концу года он выдал 82333 рациона, в т.ч. 1106 человек были удовлетворены продуктами на дорогу на два дня [4, л. 31].

Себежский эвакуационный пункт как приграничный выполнял ответственную задачу по медико-санитарному обслуживанию

беженцев, военнопленных и других категорий населения. Для организации изоляционно-пропускного пункта в Себеж приезжал представитель Петроградского отделения Наркомздрава. После согласования с заведующим медико-санитарным отделом Главэвакзапа доктором Кантором было принято решение об открытии данного пункта вместимостью на 50 коек [3, л. 63]. Петроградским районным отделением Наркомздрава была прикомандирована к эвакуационно-санитарной летучке. В октябре 1920 г. управление эвакуации открыло свой медико-санитарный отдел, который оборудовало в отдельных помещениях амбулаторию и изолятор вместимостью на 30 коек. Эти лечебные учреждения обслуживали врач, 2 лекпома, 7 санитаров, 5 медсестер, сестра-хозяйка и кухарка. Как потом выяснилось, не все из них соответствовали своим профессиональным требованиям [4, л. 30, 31 об.].

Возникли трудности с медицинским инвентарем. В изоляторе не было ванной. Из-за отсутствия прачечной и дезинфекционной камеры не производилась дезинфекция и стирка белья. Начавшееся строительство бани с пропускной способностью на 400 человек было приостановлено [13, л. 30]. Поэтому медико-санитарный отдел не смог развернуть свою работу в полном объеме. Начальник управления Себежэвака вынужден был признать, что за время работы с октября по декабрь 1920 г. медико-санитарным отделом была оказана помощь всего 656 больным, в т. ч. 43 из них прошли стационарное лечение [4, л. 31 об.].

Большое внимание уделялось агитационно-пропагандистской работе среди беженцев, красноармейцев и военнопленных. Начальник Себежского уездэвака М. Е. Зельдин подверг критике «культурно-просветительскую и политическую работу столь необходимую в Себеже, как пограничном пункте, ежедневно встречающем эшелоны с возвращающимися военнопленными, красноармейцами, эмигрантами и беженцами». Он отмечал, что «последние прибыв на первый пункт советской территории не встречают того приема, который им надлежит быть оказан» [4, л. 32]. На обращение Себежэвака в уездный комитет большевистской партии с просьбой содействовать «постановке культурно-просветительской и политической работы путем выделения из своих рядов нескольких партработников, могущих выступать на встрече прибывающих контингентов, последняя, за отсутствием соответствующих работников, категорически отказала». Что касается агитпункта и объединенной комячейки, то они были не в состоянии выполнить эту работу.

М. Е. Зельдин обвинил заведующего агитпунктом товарища Сергеева в том, что он не соответствовал своему назначению и «занимался чем угодно, но лишь не своими прямыми обязанностями». Поэтому он обратился в Главэвакзап с просьбой прикомандировать в агитпункт более ответственного работника, который совместно с Себежэваком смог бы организовать должным образом культурно-просветительную и агитационную работу путем распространения брошюр, газет и литературы, организации театра или кинематографа, вывешиванием плакатов, устройства частных собеседований на политические и научные темы и организации библиотеки при станции Себеж» [4, л. 32].

В целом, по данным начальника Себежского эвака М. Е. Зельдина за период с 1 апреля до 9 декабря 1920 г. через пропускной пункт Себеж проследовало 78438 человек, из них было отправлено в Латвию 55337 беженцев, а вместе с другими контингентами 63496 человек, в Литву – 5032 беженца. Кроме того, на родину направилось 2971 австрийских и германских военнопленных. В то же время через Латвию в Себеж возвратилось домой 14942 человека. Половину из них (7676) составили военнопленные Первой мировой войны и 2038 беженцев. Кроме того, из Латвии и Литвы возвратилось на родину 3081 пленных Гражданской войны, а также реэмигранты и заложники [4, л. 31].

Из отчета Главэвакзапа следует, что в течение 1920 г. через Себеж прошло 60401 латышских беженцев и 5033 литовских беженцев [5, л. 65]. Сравнительно небольшое количество пропущенных через Себеж литовских беженцев объясняется тем, что «после принятия нескольких эшелонов с беженцами-литовцами Латышское правительство прекратило их прием». Только после продолжительных переговоров ответственных работников советских и латвийских эмиграционных служб латвийская сторона согласилась возобновить приём беженцев-литовцев [6, л. 65].

Наиболее интенсивное движение беженцев и других контингентов населения через Себежский пункт наблюдалось с конца лета 1920 г.

После заключения в июне 1920 г. конвенции РСФСР с Германией был возобновлен обмен военнопленными, которые стали более регулярно прибывать небольшими партиями в Себеж, откуда направлялись по месту их постоянного жительства. В октябре – ноябре начали прибывать большие группы интернированных красноармейцев и эмигрантов из Америки.

Таким образом, на северо-западном направлении советского государства основная нагрузка по реэвакуации из РСФСР и Украины беженцев и военнопленных Первой мировой войны в прибалтийские республики легла на приграничный пункт Себеж.

Список использованных источников и литературы

- 1 Документы внешней политики СССР. – М. : Госиздат политич. лит., 1958. – Т. II. – 803 с.
- 2 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 39. Оп. 1. Д. 447.
- 3 НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 39.
- 4 НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 445.
- 5 НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 155.
- 6 НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 155.

УДК 94(476) «15/19»

А. Е. Веремейчик

(Минск, Белорусский государственный университет)

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ ЧАСТНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Земельные отношения являются одним из стержневых элементов характеристики общества. Эволюция форм собственности на землю стала отражением внутриполитического развития на белорусских землях со всеми его противоречиями и проблемами. Однако, в отечественной исторической науке практически отсутствуют комплексные исследования о функционировании частной земельной собственности на территории Беларуси и ее правовой сферы в период Российской империи.

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг. коренным образом изменило институт владения землей на территории Беларуси.

В период Речи Посполитой в ВКЛ существовали две основные формы владения землей: вотчина (соответствовала понятию

«аллодиальные владения» в западноевропейском законодательстве) и ординация (майорат). Первая из них стала самой древней формой распоряжения и наследования имений на белорусских землях. Вотчинные владения впервые были прописаны в сборнике правовых норм «Русская Правда» в середине XI в. В документ были включены статьи об организации и владении имуществом, передаче собственности по мужской и женской линиям семьи (стст. 86, 88–89, 95, 92–93, 94–100) [3, с. 25].

На белорусских землях в IX–XI вв. владеть вотчинами могли только члены династии князей Рюриковичей. Бояре и дружинники получали земли в условное владение, что свидетельствовало о слабом развитии вассалитета. Постепенно, к XII в. по мере наделения дружинников иммунитетными привилегиями на местах, они из представителей государственной власти стали превращаться в феодалов.

Новый период развития частной собственности на землю начался в первой половине XIII в. Произошло укрепление удельных княжеств за счет массовой миграции населения в связи с войнами с крестоносцами и монголо-татарами. Укреплению мелких княжеств способствовало и образование в середине XIII в. Великого княжества Литовского. Великие князья Миндовг (1253–1263) и Войшалк (1264–1267) попытались укрепить политические союзы с представителями династии Рюриковичей и сохранили полное властвование удельных князей в своих отчинах.

Шляхетские вотчины нашли правовое закрепление в ряде привелеев великих князей ВКЛ после заключения Кревской унии в 1385 г. Именно этот период стал окончательным в формировании вотчин. Вотчины владения на белорусских землях представляли европейскую юридическую форму позднего аллода, введенную еще эдиктом короля франков Хильпериком I в конце VI в. Вотчины были свободными, подлежащими неограниченному распоряжению владельца земельной собственностью. Они могли быть предметом завещаний, дарений и купли-продажи. К моменту издания первого Статута 1529 г. на белорусских землях накопился богатый правовой опыт функционирования поземельных отношений, который был доработан и прописан в Статутах 1566 г. и 1588 г. [2, с. 243–244].

Ординации на территории Беларуси появились только в 1586 г. Все они принадлежали князьям Радзивиллам. Однако данная форма владения и наследования земли не была упомянута в Статуте 1588 г. Ординации функционировали на базе законов Священной Римской империи. Главным преимуществом ординаций перед вотчинами была

их полная неприкосновенность. Земли ординации не могли быть секвестрированы или конфискованы государством ни при каких условиях. Они также не могли быть переданы другим владельцам за долги. В истории земельной собственности ординации стали самым сильным шляхетским правовым иммунитетом. В таком виде частое земельное владение на белорусских землях просуществовало до их включения в состав Российской империи в конце XVIII в.

Виды собственности на землю в Российской империи отличались от ВКЛ. На протяжении XVIII в. российское правительство активно реформировало сферу частной земельной собственности. 23 марта 1714 г. царь Петр I (1682–1725) подписал указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», закрепивший дворянскую собственность на землю и уравнивший в правах владельцев поместий и вотчин. Опубликованию указа предшествовало изучение законодательства о наследовании имущества дворянами в других странах. Закон защищал неделимость владений и устанавливал запрет на продажу имений, кроме случаев «нужды».

В 60-е гг. XVIII в. правительство Российской империи стало уделять больше внимания формирующимся буржуазным отношениям. Вместе с реформами в земельном праве последовало освобождение дворян от обязательной госслужбы. Указ Сената от 11 октября 1762 г. отнес к недвижимости заводы, дворы, фабрики, мануфактуры, медные и железные рудники [1, с. 485–486].

В 1767 г. императрица Екатерина II (1762–1796), издав Наказ генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому, ввела в законодательный оборот термин «собственность». В общем владении находились земля, вода, сенокосы, пастбища и леса.

В Манифесте 1782 г. вновь были устранены ограничения на распоряжение лесами, сельскохозяйственными угодьями, мельницами и пчельниками [6, с. 405–406]. Частную собственность освободили от правовых ограничений. В указе значительное внимание уделялось земле. Был уточнен статус земельной собственности. Ее разделили на дворцовые, казенные, церковные и частные земли.

Особый интерес вызывает регулирование векселей, закладных и акций [10, с. 101]. В Российской империи, в том числе и на белорусских землях, такой вид имущества приобретал все большее значение, что являлось следствием развития буржуазных отношений. Именно через такие формы часто оценивали земельное имущество при получении кредитов в банках.

В таком виде законодательство о частной собственности, включая сферу земельных отношений, пришло на территорию Беларуси в конце XVIII в. и просуществовало в первой половине XIX в. Оно предполагало иное функционирование распространенных в ВКЛ форм собственности на землю: вотчин и ординаций. Данные формы были юридически ликвидированы и в соответствии с новыми законами получили статус «недвижимость», как вид собственности.

Вхождение белорусских вотчин в правовую сферу Российской империи на протяжении первой половины XIX в. было более мягким по сравнению с ординациями. В Российской империи до начала реформ в XVIII в. также существовали вотчины. Поэтому их правовой статус был наиболее приближен к новому законодательству.

Значительно изменился правовой статус ординаций. В Российской империи земли ординаций признавались крупной земельной недвижимостью, которая могла быть продана или конфискована за долги. Доказательством этого стало положение Несвижской ординации князей Радзивиллов в Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. К 1790 г. в Несвижской ординации накопились значительные долги, что поставило под угрозу право владения майоратом его собственником пятилетним Домиником Радзивиллом, управлявшим имениями при помощи опекунов [12, л. 34, 93–100]. Большие задолженности могли привести к конфискации владений.

Императрица Екатерина II 3 мая 1793 г. издала Указ о разных распоряжениях касательно устройства Минской губернии [9, с. 26]. В документе упоминалось о долгах белорусского дворянства (шляхты). Упомянуты в документе были и долги владельца Несвижской ординации Доминика Радзивилла.

7 февраля 1799 г. Павел I (1796–1801) распорядился наложить секвестр на владения Доминика Радзивилла [11, л. 48]. Сумма долга составила 1 589 220 червонцев [5, л. 36]. После чего были секвестрированы некоторые имения [5, л. 13 об.]. 4 июня 1801 г. последовал Указ царя Александра I (1801–1825) о погашении некоторых долгов. Сумма долга составила 2 333 333 червонца [11, л. 145].

В 1804 г. Доминик Радзивилл направил прошение императору Александру I с просьбой спасти его от разорения и отложить уплату долгов на 2 года. [11, л. 146–147]. Чтобы помочь Доминику Радзивиллу, император Александр I издал Указ от 9 июня 1805 г., где приказал Виленскому подкоморному суду разобраться с владениями князя, финансовое положение которых было неудовлетворительным. В 1810 г. правительство потребовало от Доминика Радзивилла

немедленно погасить долги в 386 000 червонцев. Исполнение Указа возлагалось на минского гражданского губернатора Г. И. Радинга [4, л. 51 об.]. Доминику Радзивиллу сделали строгое предупреждение через министра полиции А. Д. Балашова. Было решено заложить земли ординации в посессию государству, которая позволяла бы без посредников получать доходы с земель ординации [11, л. 1, 8].

Война с Наполеоном 1812 г. принесла новые изменения в законодательство о праве владения землей. В соответствии с Указом императора Александра I от 12 декабря 1813 г. виленским губернским прокурором К. Любоцинским была учреждена комиссия для конфискации и секвестрирования имений местных помещиков, выступивших на стороне Наполеона I [7, с. 34]. В ходе работы данной комиссии Несвижская ординация была секвестрирована у Радзивиллов [8, с. 19–20]. Такое развитие событий было невозможно во времена ВКЛ. Однако в Российской империи в соответствии с законодательством понятие «ординация» показывало историческое происхождение земель, а не их юридический статус в государстве.

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. произошли значительные изменения в сфере частной земельной собственности на землю. Существовавшие на территории Беларуси в период ВКЛ такие виды собственности как вотчина и ординация перестали существовать. Существовавшие до этого иммунитеты прав шляхты в сфере владения землей, обеспечивавшие их неприкосновенность, были ликвидированы. Все виды земельной собственности стали называться «недвижимость». Земельные владения могли быть секвестрированы или конфискованы правительством Российской империи за долги или измену государству.

Список использованных источников и литературы

- 1 Законодательство Екатерины II / отв. ред. : О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. Т. 2 / [В. М. Клеандрова и др.]. – 2001. – 981 с.
- 2 Каун, С. Б. Привилей 20 февраля 1387 г. как исторический источник / С. Б. Каун // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 9 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2014. – С. 240 – 246.
- 3 Наиболее подробное издание: Правда Русская / Под ред. академика Б. Д. Грекова. В 3 томах. Том I / Подгот. к печати В. П. Любимов. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1940–1963. – 1940. – 505 с.
- 4 Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. Оп. 1. Д. 94. Указы сената, циркуляры департамента полиции за 1811 г.

- 5 НИАБ. – Ф. 694. Оп. 4. Д. 161. Указы Сената об опекунстве над Домиником Радзивиллом. Судебные постановления и заявления об имущественных претензиях между князьями Радзивиллами и другими лицами. Первая половина XIX в.
- 6 О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах: Указ 23 марта 1714 г. // Российское законодательство X–XX вв. – М., 1986. – Т. 4. – 450 с.
- 7 Папко, В. Нясвіжская ордынацыя князёў Радзівілаў у XIX стагоддзі / В. Папко // Беларус. гіст. часоп. – 2006. – № 1. – С. 30–36.
- 8 Папко, В. М. Прынцыпы наследвання ардынацый князёў Радзівілаў у XIX ст. / В. М. Папко // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія і сацыялогія, культуралогія, мастацтвазнаўства, педагогіка, псіхалогія, правазнаўства, філалогія. – 2009. – № 1. – С. 16–21.
- 9 Смородский, А.П. Столетие Минской губернии, 1793–1893 : ист.-стат. зап. / сост. секретарь Мин. губерн. стат. ком. А. П. Смородский. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Типолитограф. Р. Дворжец, 1893. – 90 с.
- 10 Тимофеева, А. А. История предпринимательства в России: монография / А. А. Тимофеева. – Владивосток : Издательство ВГУЭС, 2005. – 218 с.
- 11 Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). – Archiwum Radziwiłłów (AR). – Dz. XI. – Koperata 84. – Nr. 362. Zebranie sumatim wszystkich dochodów imion niektórych Jasnie Oswięconego Xiazecia Pana Mikolaja Chrystopha Radziwiłła.
- 12 AGAD. – Archiwum Radziwiłłów z Nieborowa. – Sign. 35. Michał Hieronim Radziwiłł. Opieks nad Dominikiem Radziwiłem. 1814–1824 r.

УДК 631.174.4(476) “1910–1941”

И. В. Гребенчук

(Минск, ГУО «Институт пограничной службы
Республики Беларусь»)

ВИЛЕНСКАЯ (БЕНЯКОНСКАЯ) СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОПЫТНАЯ СТАНЦИЯ В 1910–1941 ГОДАХ

В 2020 г. исполняется 110 лет со дня основания старейшего в Беларуси научно-исследовательского института сельскохозяйственного профиля – Республиканского унитарного научного предприятия «Гродненский зональный институт растениеводства Национальной академии наук Беларуси» (РУНП «ГЗИР НАН Беларуси»). В данном докладе изложены предварительные результаты проведенной

мною работы по сбору материалов для издания юбилейной книги, посвященной этому событию.

Событие, положившее начало истории современного РУНП «ГЗИР НАН Беларуси», произошло 15 октября 1910 г. В тот день во владениях графа Л. С. Путткамера около села Бенькони Лидского уезда Виленской губернии была основана небольшая опытная станция. Тогда она называлась так: «Ботаническо-Сельско-Хозяйственная Опытная Станция, учрежденная при Виленском Обществе Сельского Хозяйства» [1, 2]. Учредители главную цель ее деятельности сформулировали следующим образом:

«Направление работ ботаническо-сельскохозяйственной опытной станции должно быть строго применено к местным условиям сельскохозяйственной культуры и предъявляется нуждам местного земледелия. Рядом с теоретическими трудами, имеющими в виду будущность сельского хозяйства края, труды опытной станции должны быть, главным образом, направлены к научно-практической деятельности. Связь ее с практическим сельским хозяйством должна быть самой тесной, и прямая обязанность ее давать земледельцу указания, основанные на точных данных науки и на результатах собственных опытов, имея в виду способствовать увеличению производительности земли» [3, с. 2].

Ключевую роль в создании Виленской сельскохозяйственной опытной станции сыграл ее первый директор – известный селекционер Вацлав Стефанович Ластовский (1880–1954), окончивший в 1905 г. Институт сельского и лесного хозяйства в Пулавах. В 1906–1908 гг. он управлял собственным имением Казаровщина, где основал опытное поле. В течение 1909–1911 гг. В. С. Ластовский совершил научное путешествие, в ходе которого посетил опытные хозяйства в Австрии, Чехии, России и Германии [4]. Таким образом, опытную станцию в Беньконях возглавил высокообразованный для своего времени человек, владевший большим запасом теоретических знаний и практических навыков.

Опытное поле станции было организовано по плану В. Ластовского, одобренному Сельскохозяйственным департаментом Российской империи. Его площадь составляла всего 16 гектаров. Здесь проводились опыты по воздействию удобрений на различные сорта растений, а также исследовались севообороты. Станция занималась акклиматизацией растений. В 1911 г. ее директор В. Ластовский начал селекцию ржи, позже названную Беньконской, а спустя некоторое время – ячменя и овса. В течение 1913 – 1915 гг. он организовал на территории Виленской губернии сеть опытных полей, сотрудничавших с новой опытной станцией. В Беньконях

действовали химическая лаборатория и метеорологическая станция. Последняя результаты своих наблюдений ежемесячно высылала в обсерваторию в Санкт-Петербург и Центральное метеорологическое бюро в Варшаве.

Активная деятельность Виленской ботаническо-сельскохозяйственной опытной станции была замечена в обществе, о ней стали писать в средствах массовой информации. Так журнал «Саха» в 1912 г. в одном из своих номеров поместил небольшую заметку о проводимой станцией работе, отметив ее несомненную пользу для развития сельского хозяйства в Беларуси [5]. Любопытный факт: тогда журнал «Саха» редактировал однофамилец и тезка основателя станции в Белянках – Вацлав Юстинович Ластовский (1883–1938), выдающийся деятель белорусского национального движения, будущий премьер-министр Белорусской Народной Республики в 1919–1923 гг. [6, с. 336].

Первая мировая война и оккупация Виленского края кайзеровскими войсками прервали научно-исследовательскую работу в Белянках. В конце лета 1915 г. русско-германский фронт приблизился к западнобелорусским землям. Для станции в Белянках и ее сотрудников наступило время тяжелых испытаний. Перед отправлением в эвакуацию В. С. Ластовский составил акт оценки движимого и недвижимого имущества Виленской ботаническо-сельскохозяйственной опытной станции. Из этого документа мы узнаем, что все имущество станции (без учета посевов и лесных угодий) было оценено на сумму в 33 944 рубля. Предполагаемый урожай посевов выражался следующими цифрами: 762 пуда зерна, 1300 пудов соломы, 250 пудов корм и 5200 пудов корнеплодов [7, л. 1].

За время германской оккупации хозяйство станции было разграблено и разрушено. Приход большевиков к власти в октябре 1917 г. и последовавшие затем социальные потрясения, также не создавали благоприятных условий для восстановления ее работы. Однако, несмотря на все трудности, техник Станислав Иванович Войшнис смог сберечь семенные материалы селекционных образцов. Благодаря ему вернувшийся из эвакуации профессор В. С. Ластовский в 1921 г. получил возможность возобновить исследования [2].

Во время нахождения Западной Беларуси в составе Польши опытная станция в Белянках постепенно развивалась. В 1927–1929 гг. были осуществлены дренажные работы на новом опытном поле, приобретенном в имении Больценики. При станции действовала сельскохозяйственная инспекция, которая осуществляла помощь 23 мелким крестьянским хозяйствам. В Белянках в 1920–1930-х гг. ежегодно проходили встречи сельских хозяев,

имевшие характер конференций по обмену опытом, читались лекции, в которых освещались результаты проводимых здесь научных экспериментов. Станция принимала активное участие в различных выставках. Например, на Национальной универсальной выставке в Познани в 1929 г. она была награждена малой золотой медалью [8, s. 2-3].

25 сентября 1929 г. Виленскую сельскохозяйственную опытную станцию в Беньяконях посетил президент Польши Игнаций Мосцицкий. Он был известен не только как политик, но и как ученый-химик, изобретатель, один из создателей химической промышленности Польши. Президента информировал о работе станции ее директор Вацлав Ластовский. Наибольшую заинтересованность у И. Мосцицкого вызвали результаты исследований отдела растениеводства и опытов по внесению удобрений. Также он принял участие в торжественном заседании Новогрудской воеводской сельскохозяйственной комиссии [8, s. 1].

Приведенные факты свидетельствуют, что Виленская сельскохозяйственная опытная станция в период между двумя мировыми войнами приобрела известность и авторитет в общегосударственном масштабе Польши. По подсчетам современных белорусских ученых-аграриев в Беньяконях с 1929 по 1939 гг. было испытано 76 сортов овса, ячменя, озимой ржи, 46 сортов картофеля. Начата работа по усовершенствованию сорта озимой ржи Беньяконская, скороспелых сортов люпина, картофеля [9, с. 3-4].

Однако 1939 год круто изменил не только судьбу станции, но и судьбы целых народов. Вторжением в Польшу 1 сентября 1939 г. нацистская Германия развязала Вторую мировую войну, а 17 сентября того же года начался поход Красной Армии в Западную Беларусь и Западную Украину. Польское государство прекратило существование, в Беньякони, как и во все западнобелорусские земли, пришла советская власть. Начался новый период в истории опытной станции.

После событий 1939 г. в правовом статусе Виленской сельскохозяйственной опытной станции произошли существенные изменения. Во-первых, она была подчинена Народному комиссариату земледелия (Наркомзему) БССР. Во-вторых, в марте 1940 г. был назначен новый директор – Н. И. Иванов В-третьих, в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров БССР № 1374 от 7 октября 1940 г. Виленская сельскохозяйственная опытная станция была переименована в Беньяконскую сельскохозяйственную опытную станцию.

В отчете Беньяконской сельскохозяйственной опытной станции за 1940 г. сказано, что «неукомплектованность станции специалистами предусмотренным планом повлияло на развертывание углубленной научно-исследовательской работы станции» [10, л. 4]. Очевидно, что смена политической власти вызвала уход со станции работавших там ранее специалистов. Из прежних работников в 1940 г. остались только два техника – Войшнис Станислав Иванович и Лисовский Иосиф Болтроевич. Первый, как уже говорилось выше, спас селекционные фонды Виленской ботаническо-сельскохозяйственной опытной станции в Беньяконях в годы Первой мировой войны. Аналогичная миссия во время Великой Отечественной войны выпадет на долю Иосифа Лисовского. А в 1939 г., оставшись на станции вместе с директором В. Ластовским, они полностью сохранили сортовой материал до приема ее советской властью.

Что же касается судьбы первого директора станции, то трудно однозначно сказать о его местонахождении после смещения с должности в марте 1940 г. В «Польском биографическом словаре» сказано, что в 1941–1944 гг. В. С. Ластовский проживал в Вильне [4]. Возможно, именно туда он сразу и отправился, потому что Польша в 1940 г. уже была оккупирована Германией. Нет сведений о том, что его затронули сталинские репрессии.

В 1940 г. территория Беньяконской сельскохозяйственной опытной станции расширилась. Обычно в литературе говорится: до 350 га [9, с. 4]. Но это площадь бывшего помещичьего имения Подворишки со всеми земельными угодьями и постройками, переданное ей в марте 1940 г. по решению Барановичского облисполкома. А в отчете за 1940 г. вполне определенно сказано сколько было земли у станции до установления в Беньяконях советской власти: «Земельный участок опытной станции состоит из 76 гектар земли, с них около 30 га, купленные станцией в 1938 г. у крестьян чересполосного пользования...» [10, л. 1]. Следовательно, всего у Беньяконской сельскохозяйственной опытной станции в 1940 г. имелось 426 га земельных угодий.

Народный комиссариат земледелия Белорусской ССР ассигновал на научно-исследовательскую работу станции 120883 руб., в том числе на оборудование лаборатории 10161 руб. и приобретение библиотеки 1500 руб. Отсутствие должным образом оборудованной агрохимической лаборатории не позволяло проводить качественное исследование почвы и удобрений [10, л. 4].

Хозяйственные и жилые постройки опытной станции находились в удовлетворительном состоянии и в начале 1940-х гг. обеспечивали

нужды хозяйства. Однако одной тягловой силы уже было недостаточно для своевременного выполнения всех сельскохозяйственных работ, поэтому для нормальной работы хозяйству Беньяконской опытной станции крайне необходимы были грузовая автомашина и трактор со всем прицепным инвентарем [10, л. 4].

Таким образом, в истории Виленской (Беньяконской) сельскохозяйственной опытной станции на протяжении ее первых 30 лет можно выделить несколько этапов:

1) 1910–1915 гг.: возникновение и быстрое развитие ботаническо-сельскохозяйственной опытной станции в Беньяконях, когда в обществе возник устойчивый интерес к интенсивным методам ведения сельского хозяйства и внедрению в него достижений аграрной науки;

2) 1915–1920 гг.: период германской оккупации в Первую мировую войну, последующих гражданской и советско-польских войн, разрушения и разграбления хозяйства опытной станции, борьбы за сохранение довоенных наработок;

3) 1921–1939 гг.: возрождение и дальнейшее развитие Виленской сельскохозяйственной опытной станции в Беньяконях, работа по внедрению результатов научных исследований в практику сельского хозяйства, широкая известность в обществе.

4) 1939–1941 гг.: изменения в содержании работы станции в связи с установлением нового политического режима, укрепление ее материально-технической базы и кадрового потенциала советской властью.

Список использованных источников и литературы

- 1 Виленская сельскохозяйственная исследовательская станция в Беньяконях [Электронный ресурс] // Офиц. сайт ГУО «Беньяконская средняя школа». – Режим удаленного доступа: <http://www.benschoolcountry.grodno.unibel.by/stoned/letopis/Zal%203%20Kulturnye%20i%20istoriczskie%20pamiatniki/vopytnaia%20stancia.pdf> Дата доступа – 19.08.2019.
- 2 Кондратович, М. Опытная станция Ластовского, или как в Беньяконях зарождалась наука [Электронный ресурс] / М. Кондратович // Воранаўская газета (офиц. сайт). – Режим удаленного доступа: <http://www.voran.by/?p=87610>; Дата доступа – 19.08.2019.
- 3 Гродненский зональный институт растениеводства Национальной академии наук Беларуси – 100 лет: [буклет]. – Щучин : Гродненск. типография, 2010. – 28 с.

- 4 Łastowski Waclaw // Polski słownik biograficzny. Tom XVIII / Polska Akademia Nauk, Instytut Historii im. Tadeusza Manteuffla. – Wrocław – Warszawa – Kraków, 1973. – S. 258-259.
- 5 С практыкі пробнай станцыі у Беняконях // Саха. – 1912. – Кн. 5. – С. 14.
- 6 Янушкевіч, Я. Ластоўскі Вацлаў Юстынавіч / Я. Янушкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 336-337.
- 7 Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 1346. Оп. 1. Д. 5.
- 8 Łastowski, W. Sprawozdanie z działalności Wileńskiej Rolniczej Stacji w BIENIAKONIACH za rok 1929 / W. Łastowski. – Warszawa : Druk. R. Olesiński, W. Merkel i S-ka, 1930. – 112 s.
- 9 Сорты и технологии: инновации в растениеводстве: материалы международной научно-практической конференции / редкол. : В. В. Курилович (гл. ред.) [и др.]. – Щучин : Гродн. зональн. инст. растениеводства НАН Беларуси, 2010. – 195 с.
- 10 ГАГр. – Ф. 2525. Оп. 1. Д. 2.

УДК 94 (476.25) “18/19”

И. А. Грищенко

(Гомель, УО «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого»)

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА НИКОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В ГОМЕЛЕ

22 октября 1904 г. по благословению епископа Могилевского и Мстиславского Стефана при большом стечении народа была освящена гомельская Николаевская церковь. Церковь была построена по инициативе рабочих и служащих Полеских железных дорог, отсюда ее второе название Полесская церковь или железнодорожная. Закладка храма состоялась в день Святителя Николая Мирликийского 9 мая 1902 г. Этому событию предшествовала кропотливая, осложненная рядом обстоятельств, работа Попечительства по постройке храма.

Первое общее собрание Попечительства состоялось 28 мая 1900 г. В состав Попечительства записалось 120 человек [1, л. 19 – 20 об.]. Председателем Попечительского совета был избран начальник Мозырского отделения Минского жандармского полицейского управления подполковник Н. П. Касаткин. Среди почетных членов

Попечительства епископ Могилевский и Мстиславский Мисаил, протоиерей Иоанн Сергиев (Кронштадтский), князь Ф. И. Паскевич с супругой, князь Хилков, Могилевский губернатор Н. А. Зиновьев, начальники Полесских и Либаво-Роменских железных дорог, министр путей сообщения [1, л. 14 об., 30–31, 45–46, 50, 66].

Попечительский совет, в обосновании необходимости строительства храма на станции «Гомель-Полесский», указал количество православных, проживающих около станции и в ближайших деревнях. Служащих на Полесских железных дорогах насчитывалось 702 мужчин, 399 женщин и 436 детей. С учетом жителей деревень Старая и Новая Мильча, Лещинец, Титенки, всего – 6051 человек [1, л. 1–2]. При станции «Гомель-Полесский» существовала церковно-приходская школа (81 учащийся) и техническое училище, обеспечивавшее Полесские и Либаво-Роменские железные дороги специалистами (80 обучающихся, 75 % составляли православные) [1, л. 4]. Железнодорожные рабочие и служащие по удаленности городских храмов, при отсутствии городского транспорта, из-за специфики работы не могли регулярно посещать богослужения [1, л. 11–12 об.].

Н. П. Касаткин составил устав Попечительства, а также заручился поддержкой министра путей сообщения и начальства Полесской и Либаво-Роменской железных дорог. Князь Ф. И. Паскевич под постройку храма пожертвовал 1200 кв. сажень земли. Попечительство не располагало достаточными средствами и искало возможность сэкономить. Получить финансирование от Святого Синода на постройку храма можно было только по ходатайству епархиального начальства и по предоставлению проекта и сметы. Начальник Полесских железных дорог еще в феврале 1900 г. посоветовал Н. П. Касаткину обратиться к епархиальному архитектору в Вильно, так как в Управлении не было такого инженера, который бы составил план и смету по постройке храма. Попечительство обращалось к архитектору В. П. Семячкину, который проектировал церковь для Сияжского мужского монастыря Саранского уезда Пензенской губернии [1, л. 27–27 об.]. Из Минска пришел ответ от специалиста А. Страшкевича, согласного взяться за составление проектно-сметной документации. По его расчетам храм на тысячу человек обойдется в 45–50 тысяч рублей, что для заказчика было довольно дорого [1, л. 40–40 об.]. Попечительский совет обращался за помощью к руководству Конотопского отделения Московско-Киевских железных дорог. Смета и план привокзальной церкви станции Конотоп могли бы ускорить и удешевить процесс

составления проектно-сметной документации гомельской привокзальной церкви. Но документы не были обнаружены или их не захотели обнаружить [1, л. 81–81 об.]. Затянувшийся процесс составления необходимой документации привел к тому, что 30 тысяч рублей, выделенные для привокзальной церкви Гомеля, были перенаправлены хозяйственным управлением Святого Синода на постройку храма на месте упраздненного в Гомеле Преображенского кладбища [1, л. 48–48 об.]. В конечном итоге князь Ф. И. Паскевич предложил Попечительству воспользоваться услугами местного гражданского инженера Станислава Даниловича Шабуневского. За составление плана и сметы Николаевского храма С. Д. Шабуневский получил 350 рублей [2, с. 34]. Впрочем, до сих пор нет уверенности, что С. Д. Шабуневский был автором проекта.

Каждая железная дорога Российской империи имела свой индивидуальный художественный стиль. В декоративно-художественном оформлении Никольской церкви присутствовали детали, встречавшиеся в других постройках Полесских железных дорог (крупные ниши, зубчатый фриз). В целом, архитектура храма шатрового типа была выдержана в псевдорусском стиле.

Попечительский совет проделал большую организационную работу по сбору средств на строительство, по поиску недорогого строительного материала, получении льготного тарифа на доставку по железной дороге строительного материала, по оформлению купчей на землю для прилегающей улицы и дарственной на землю под строительство храма. Управляющий гомельским имением князя Ф. И. Паскевича уведомил Попечительство, что дарственная не может быть оформлена на имя Попечительства, так как это временное учреждение. В результате дарственная была оформлена на правление Полесских железных дорог. Все документы держали при правлении до окончания строительства и образования приходского братства [1, л. 28–29, 60].

С появлением нового храма возникала проблема планировки новой улицы. Земля, прилегающая к строящейся церкви, принадлежала гомельским крестьянам. Могилевский губернатор предупредил Попечительство, что он лишен возможности оказывать содействие в безвозмездном отчуждении земли под улицу и переулок для строящейся привокзальной церкви. Крестьяне готовы были уступить землю за умеренную плату [1, л. 33, 52–52 об., 102–102 об.].

После того как от Могилевской Духовной Консистории и епископа Могилевского и Мстиславского Мисаила было получено разрешение на сбор пожертвований на строительство привокзальной

церкви, 17 января 1901 г. Управление Полесских железных дорог распорядилось разместить две кружки для добровольных пожертвований. Одна должна была находиться в станционном здании, другая в мастерских депо [3, л. 5, 7]. Среди жертвователей представители всех сословий Российской империи: рабочие, служащие, крестьяне, купечество, духовенство, дворяне. К 14 февраля 1901 г. было собрано 3 тысячи рублей [3, л. 17–17 об., 53]. Обер-прокурор Святого Синода В. К. Саблер проявил заинтересованность в своевременном финансировании строительства церкви для железнодорожников, и Св. Синодом было выделено 30 тысяч рублей [1, л. 16]. К подготовительным работам по закладке Николаевской привокзальной церкви приступили 31 мая 1901 г. К этому времени сменился председатель Попечительского совета. Поскольку Н. П. Касаткин перевелся на службу в Санкт-Петербург, Попечительский совет возглавил инженер Покровский [3, л. 53–54].

Из страховых документов 1910 г. известно, что фундамент в полтора аршина под строением церкви был из дикого камня. Стены от фундамента до купола кирпичные, купол деревянный, покрытый железом. Крыша церкви железная. Длина церкви, считая и колокольню 14 сажень. Наибольшая ширина церкви 7,5 сажень. Высота до деревянного купола 6,5 сажень, а высота купола 4 сажени. Полы цементные из плиток. Церковь имела печное отопление. Колокольня была в три яруса [4, л. 2–2 об.]. Частично потребность в богослужебных принадлежностях, утвари, иконах была удовлетворена за счет перераспределения имущества других церквей Гомеля, в том числе и закрытых. [3, л. 33–33 об.]. В 1911 г. утвари в церкви было еще недостаточно [5, л. 1].

Стараниями прихожан в 1904 г. был построен дом для псаломщика и сторожа, для хозяйственных нужд – сарай. Судя по описанию в страховом деле, сторожка была построена основательно: деревянные стены на кирпичном фундаменте, железная крыша, окрашенная зеленой масляной краской. Отапливался дом русской печкой и голландкой [4, л. 2]. Вплоть до закрытия Полесской церкви в 1929 г. храм и прилегающие строения находились в хорошем состоянии, о чем свидетельствуют страховые документы 1920-х гг. и акт передачи церкви правлению Западной железной дороги [6, л. 124–125; 7, л. 9; 8, л. 50].

При Полесской церкви имелись мужская и женская церковно-приходские школы. Школы были на содержании Управления Полесских железных дорог. В 1915 г. там обучалось 300 мальчиков и 150 девочек, на что было выделено 4118 рублей [9, л. 45–46 об.].

До революционных событий 1917 г. в Полесской церкви сменились три настоятеля. Первый настоятель Николаевской церкви священник Даниил Федотович Окиншевич – 1868 г.р., сын священника, окончивший Могилевскую духовную семинарию, – 7 декабря 1904 г. согласно прошению был перемещен к Полесской церкви г. Гомеля. К 1909 г. он отец семерых детей [5, л. 3 об. – 4]. Священник Д. Окиншевич в 1897 г. был награжден за участие в переписи населения, имел также награды за усердное священническое служение. С 1 января 1905 г. он состоял законоучителем мужской и женской церковно-приходской школы Полесских железных дорог. В 1912 г. возник конфликт с учителем мужской школы Полесских железных дорог Осипом Андреевичем Сухим (отцом известного конструктора Павла Осиповича Сухого) [10, л. 3, 9]. В чем суть конфликта – неизвестно, но очевидно этот инцидент повлиял на перемещение священника Даниила Окиншевича, с 1914 г. он был настоятелем Свято-Успенского храма в м. Городец Рогачевского уезда Могилевской губернии.

Короткое время (с 1910 г.) служил в Николаевской церкви протоиерей Владимир Бутомо, клирик Свято-Успенской церкви Либаво-Роменских железных дорог. В 1912 г. в Николаевскую церковь был переведен священник Константин Леплинский, 1865 г.р., сын диакона. В 1888 г. он окончил полный курс Могилевской духовной семинарии, а по окончании курса состоял законоучителем в Жлобинской железнодорожной церковно-приходской школе. В 1890 г. Константин Леплинский был рукоположен епископом Сергием в сан священника и назначен в Покровскую церковь в Сенно. С 1891 г. по 1908 г. он служил в Речковской церкви Гомельского уезда, затем был перемещен к Городецкой церкви Рогачевского уезда и исполнял обязанности благочинного третьего округа Рогачевского уезда. В 1911 г. священник Константин Леплинский был утвержден в должности благочинного Рогачевского уезда. Будучи настоятелем Николаевской Полесской церкви, Константин Леплинский с 1914 г. состоял законоучителем Гомельских Полесских церковно-приходских школ. За особые труды по благоустройству прихода, ревностное и аккуратное исполнение пастырских обязанностей Константин Леплинский неоднократно отмечался наградами правящего архиерея. В качестве законоучителя в 1913 г. он был награжден Библией от Святого Синода. В 1915 г. сын священника К. Леплинского Константин служил поручиком 15-го артиллерийского полка. Другой сын Николай обучался в морском гардемаринском училище.

Младшие дети Елена, Ксения и Юрий учились в гомельских гимназиях [9, л. 47–47 об.].

Приход Полесской железнодорожной церкви отличался большой сплоченностью, что впоследствии помогло сохранить приходскую жизнь в непростых условиях 1920-х гг.

Список использованных источников и литературы

- 1 Гомельское попечительство по постройке привокзальной церкви г. Гомель Могилевской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3051. Оп. 1. Д. 1.
- 2 Чернатов, В.М. Станислав Шабуневский / В.М. Чернатов. – Минск : Беларусь, 2005. – 95 с.
- 3 НИАБ. Ф. 2415. Оп. 1. Д. 62. Дело о постройке церкви при станции Гомель.
- 4 НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 260. Дело о страховании Гомельской Полесской Николаевской церкви.
- 5 НИАБ. – Ф. 2936. Оп. 1. Д. 1. Клировая ведомость за 1911 г. Гомельская Николаевская церковь при станции «Гомель-Полесский».
- 6 Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 9. Оп. 1. Д. 261. Переписка с губкоммуналделом, отделениями милиции г. Гомеля. 1925.
- 7 ГАГО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 502. Переписка с отделениями милиции Гомеля о санитарном состоянии гостиниц, общежитий и других помещений. 1925.
- 8 ГАГО. – Ф. 296. Оп. 1. Д. 297. Материалы об отчуждении земельных участков. 1932.
- 9 НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 693. Клировая ведомость церквей г. Гомеля Гомельского уезда за 1915 г.
- 10 НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 542. Дело священника Даниила Федотовича Окиншевича.

УДК 070:330.341:37(476)(091)"1920/1930"

Р. В. Дерюжин

(Минск, Белорусский государственный университет)

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БССР 1920–1930-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛОВ ГОСПЛАНА И НАРКОМЗЕМА)

Важным фактором экономического развития государства является обеспечение народного хозяйства высококвалифицированными

кадрами. Значительные преобразования в сферах промышленности и сельского хозяйства, происходившие на протяжении 1920–1930-х гг., с особой остротой поставили вопрос о подготовке специалистов для данных отраслей. Вопросы образования как одного из важнейших факторов экономического развития разрабатывались на страницах журналов «Советское строительство» (в 1924–1925 гг. орган ЦИК и СНК БССР, в 1926–1937 гг. – орган Госплана БССР; с 1930 г. назывался «Сацыялістычнае будаўніцтва»), а также «Шляхі калектывізацыі» (в 1929–1933 гг. – орган Наркомзема БССР).

Журнал Госплана подчёркивал, что подготовка высококвалифицированных специалистов является одним из важнейших факторов создания и реконструкции предприятий, освоения новой техники, интенсификации производства. Анализируя характерные для системы образования БССР недостатки, журнал подчёркивал, что одной из важнейших проблем являлось балансирование потребности экономики республики в специалистах и возможности по их удовлетворению со стороны учреждений образования (ВУЗов, рабочих факультетов, техникумов, фабрично-заводских училищ, а также различных краткосрочных курсов). Отмечалось, что учреждения образования не должны осуществлять деятельность без укомплектованности профессорско-преподавательским составом, наличия стабильной материально-технической базы, а также возможности осуществить набор установленного количества абитуриентов. Особое значение придавалось связи образования и производства: негативно оценивались как отсутствие стабильных учебных программ, так и недостаточная работа по их адаптации для той или иной специальности, что приводило к отсутствию чётко очерченных профилей подготовки кадров, следовательно, недостаточным компетенциям выпускавшихся специалистов («Да пытання аб плане кадраў БССР», 1930, № 4; «Выгнаць самацёк са справы падрыхтоўкі кадраў», 1934, № 1).

В ходе проведения индустриализации промышленные предприятия массово оснащались сложными машинами и агрегатами, работа с которыми требовала значительного количества квалифицированных работников, причём функционировавшая система образования не могла удовлетворить возрастающие запросы развивавшейся промышленности в кадрах. Существенная часть рабочих, формировавших коллективы созданных предприятий, представляла собой уроженцев сельской местности, а также небольших населённых пунктов, и для данной категории работников

вопросы овладения необходимыми знаниями и навыками приобретали особое значение. Журнал Госплана отмечал, что «...пытанне аб уздыме тэхнічнага ўзроўню... новых людзей ператвараецца ў вялікую праблему...» [1, с. 36]. Рассмотренный вопрос не мог оставаться без внимания со стороны руководства СССР, поскольку недостаточный уровень технической грамотности людей, занятых на производстве, мог стать значительным фактором сдерживания экономического роста. В 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление, закреплявшее обязательную техническую учёбу (непрерывное повышение профессиональных знаний работников без отрыва от производственной деятельности), а также сдачу технического минимума всеми рабочими, занятыми на производстве. Массовая техническая учёба была развёрнута и в БССР, причём наибольших успехов в данной области добились предприятия лёгкой промышленности. Журнал информировал о конференциях рабочих, сдавших технический минимум и получивших значок «ЗОТ» – «За овладение техникой», причём значительное содействие движению «ЗОТовцев» оказывал ЦСПС БССР, при котором на протяжении 1932–1935 гг. функционировал совет обществ «ЗОТ». Активизации и совершенствованию деятельности в области технической учёбы способствовала критика на страницах «Сацыялістычнага будаўніцтва» недостаточной работы в данной области как отраслей в целом (в частности, промышленности строительных материалов), так и конкретных предприятий, например, Кричевского цементного завода.

Издания республиканских Госплана и Наркомзема значительное внимание уделяли подготовке сельскохозяйственных кадров – как организаторов производства, так и технических работников. В соответствии с постановлением СНК СССР от 17 февраля 1928 г. развёртывалась работа по повышению квалификации кадров, занятых в колхозном строительстве [3, с. 116]. «Советское строительство» и «Шляхі калектывізацыі» подчёркивали, что для организации и обеспечения функционирования «обобществлённого сельскохозяйственного предприятия» требовалась теоретическая подготовка «управляющего хозяйством» и указывали, что обучение «новых работников» для сельского хозяйства является неотъемлемой частью колхозно-совхозного строительства и должно приобрести значительные масштабы. В практику, как отмечал журнал Госплана, входило временное, при содействии ЦСПС БССР и Белколхозцентра, направление рабочих в колхозы с целями как управления «палітычна бядняцка-батрацкімі і сярдняцкімі групамі», так и оказания

технической помощи в перестройке сельского хозяйства на «фабрично-заводскі лад». В журнале указывалось, что обучение организаторов колхозного строительства велось посредством организации на местах двухнедельных курсов, состоявших из лекций-бесед, а также самостоятельной работы, подробно описывались компетенции рабочих, направляемых в колхозы, а также подчёркивалась необходимость дальнейшего повышения образовательного уровня данных работников посредством краткосрочных курсов и школ. Журнал обращал внимание на социальную защищённость подготовленных организаторов коллективных хозяйств: сохранение за ними, в период работы в колхозе, рабочего места на предприятии, заработной платы и жилья, содействие в переезде к месту временной работы, предоставление права на внеочередное поступление в ВУЗ («Сельскохозяйственные коллективы БССР», 1927, № 6; «Да пытання аб падрыхтоўцы пралетарскіх кадрў для калгасаў», 1929, № 11–12).

Журнал «Шляхі калектывізацыі» содержит сведения, что в обучении, основой которого являлись лекционные занятия, необходимо существенно расширить практическую составляющую, сделав её важнейшей частью образовательного процесса, причём дипломную работу теоретического характера предлагалось заменить отчётом обучавшегося о деятельности на производстве. Подчёркивалось, что значительная часть обучения должна осуществляться непосредственно в колхозах и совхозах, позволяя, с одной стороны, повышать квалификацию без отрыва от работы в хозяйстве, с другой – оперативно применять на практике полученные знания. Журналы обращали внимание на необходимость укрепления связи между образовательными учреждениями и заказчиками кадров, а также на совершенствование механизма распределения выпускников по местам работы. Значительное внимание уделялось расширению целевой подготовки специалистов, поскольку при создании колхозов и совхозов имело большое значение знание организаторами хозяйств региональных особенностей сельского хозяйства («Як будзе праводзіцца падрыхтоўка кадрў па калгаснаму будаўніцтву» 1929, № 1; «Падрыхтоўка тэхнічных кадрў для сельскай гаспадаркі», 1929, № 5; «Пра падрыхтоўку сельскагаспадарчых кадрў», 1930, № 1).

Вопросы реформирования образования также нашли отражение на страницах журнальных статей. В материале журнала «Советское строительство», опубликованном «в порядке обсуждения», отмечалось, что функционировавшая система сельскохозяйственного

образования не отвечала новым формам организации производства: учебные заведения аграрного профиля, в частности, Горецкая сельскохозяйственная академия, «...индифферентно относятся к проблемам строительства крупного обобществлённого хозяйства...» [2, с. 77], что, как подчёркивалось, выражалось в подготовке специалистов-теоретиков с недостаточными практическими навыками, причём значительной проблемой считалось незнание выпускаемыми специалистами местной сельскохозяйственной специфики. Отмеченные недостатки предлагалось устранить посредством перестройки системы сельскохозяйственного образования БССР, причём рассмотрение изложенных идей приобретает актуальность в наше время, в условиях реформирования системы образования Республики Беларусь.

Указывалось, что система учебных заведений, с целью преодоления теоретического уклона и максимального увязывания обучения с потребностями сельского хозяйства, может состоять из 3 типов: институт (научно-теоретическое направление), техникум (научно-практическое направление), профессиональная школа (практическое направление).

Подчёркивалось, что в задачи института должна входить подготовка агрономов-специалистов и агрономов-организаторов коллективных хозяйств, понимающих специфику функционирования крупного механизированного сельскохозяйственного предприятия, причём значительное внимание при обучении предлагалось уделять экономическим дисциплинам. Основным учреждением сельскохозяйственного образования предлагалось сделать техникум, задачей которого должна стать подготовка инструкторов по отдельным отраслям сельского хозяйства, причём отмечалось, что в программу данного учебного заведения не следует включать социально-гуманитарные дисциплины, а естественнонаучному знанию предлагалось придать утилитарный характер, увязав его содержание с практической деятельностью. Указывалось, что непрерывная производственная практика, отмеченная как важнейшая составляющая обучения, должна проходить на базе учебного хозяйства, при этом срок обучения в техникуме предлагалось сократить до 2–3 лет вместо действовавших 4. Профессиональная школа, задачей которой предлагалось сделать подготовку мастера или монтажера, во многом повторяла техникум, однако указывалось, что обучение должно быть строго практическим, причём отсутствие общеобразовательных дисциплин позволяло сократить срок обучения до 1,5–2 лет. Для поступавших в профессиональные школы

предлагалось сделать обязательным наличие опыта работы в области сельского хозяйства. «Советское строительство» подчёркивал необходимость создания учебных заведений, готовивших специалистов для приоритетных направлений сельского хозяйства, например, садово-огородного техникума («Главные обоснования создания садово-огородного техникума в Белоруссии», 1924, № 2), поскольку развивавшееся садоводство являлось экспортно ориентированной отраслью, способной приносить значительный доход.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. изданиями органов управления экономикой актуализировались вопросы образования, признанного одним из важнейших факторов хозяйственного развития. Рассмотрение деятельности системы образования, дополненное анализом выявленных проблем, способствовало совершенствованию деятельности учебных заведений. Особое значение придавалось ориентации образования на текущие потребности экономики.

Список использованных источников и литературы

- 1 Балцін, А. БССР павінна стаць рэспублікай суцэльнай тэхнічнай граматынасці / А. Балцін // Сацыялістычнае будаўніцтва. – 1934. – № 7–8. – С. 36–40.
- 2 Токмачёв, С. К вопросу о системе с.-х. образования в БССР / С. Токмачёв // Советское строительство. – 1929. – № 9. – С. 77–86.
- 3 Ходзін, С. М. Беларуска вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939) / С. М. Ходзін. – Мінск : БДУ, 2014. – 240 с.

УДК 94:322:351.857(476.2)"194/196"

О. В. Друзенюк

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В СЕРЕДИНЕ 1940-Х – СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГОДОВ

В середине 1940-х – середине 1960-х гг. контроль за деятельностью неправославных религиозных организаций на

территории Гомельщины осуществлялся с помощью института уполномоченного Совета по делам религиозных культов. Данный орган был создан еще во время Великой Отечественной войны, в переломный период государственно-церковных отношений.

Функционирование института уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Гомельской области осуществлялось на основе соответствующей законодательной и правовой базы. Она же представляла собой комплекс законодательных актов, включающих в себя как специально изданные документы, так и общие документы, касающиеся религиозной политики.

Реализация большевиками их собственной программы, в первую очередь нашла отражение в основном законе государства. Исполняя свои непосредственные обязанности, уполномоченный по делам религиозных культов по Гомельской области был обязан соблюдать статьи Конституции БССР 1937 г. [1] и Конституции СССР 1936 г. [2].

Одним из основных документов, на который опирался уполномоченный в своей работе, выступала соответствующая Инструкция для уполномоченных Совета по делам религиозных культов. Она была утверждена 17 января 1945 г. и состояла из семи разделов. Инструкция также содержала в себе приложения с образцами документов, как для работы самих уполномоченных, так и для обращений верующих и духовенства религиозных объединений.

Кроме того, в данном документе был представлен перечень законодательных актов, являющихся обязательными к выполнению уполномоченным в процессе исполнения своих непосредственных обязанностей [3].

В первую очередь, уполномоченному по делам религиозных культов следовало опираться на содержание декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. Принятый большевиками одним из первых, он являлся в то же самое время и первым юридическим документом, специально посвященным отношениям государства и церкви. Именно этот декрет положил начало антицерковной политике, проводимой советским правительством [4].

Подробные разъяснения по вышеупомянутому декрету содержались в специальной инструкции Народного комиссариата юстиции РСФСР «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятой в августе того же года [5].

В процессе выполнения своих основных функций, а именно, регистрации религиозных объединений верующих и открытия соответствующих культовых зданий, уполномоченные по Гомельской области опирались на пункты Постановления СНК СССР от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов». Они принимали ходатайства верующих, проверяли обозначенную в документах информацию и определяли их соответствие требованиям указанного Постановления [6].

В своей работе уполномоченные также были обязаны опираться непосредственно и на пункты самой Инструкции. Данный документ предназначался только для служебного использования. Инструкция находилась в персональном ведении уполномоченных и подлежала обязательному хранению в сейфе [7].

Результаты своей работы и иную различную информацию касательно своей деятельности уполномоченные по Гомельской области отражали в соответствующих отчетных документах. Основной формой отчетности выступали информационные отчеты. Обязательные отчеты направлялись в соответствующие инстанции не реже одного раза в квартал. Отчет уполномоченного должен был содержать обязательные пункты. В первую очередь, сообщалась информация о ходатайствах верующих и регистрации религиозных общин. В случае отклонения последних следовало указать причины отказа. Также освещались вопросы, связанные с духовенством, заслуживающие внимания, по мнению уполномоченного. Отдельным пунктом информационных отчетов выступала информация о поступающих жалобах. Кроме того, уполномоченный был обязан незамедлительно сообщать о фактах нарушения советского законодательства, антисоветских акциях и мероприятиях, и иных незаконных действиях.

Уполномоченный мог освещать в своих отчетах факты, заслуживающие внимания по его собственным соображениям. Например, касательно слома или разрушения молитвенных зданий, ситуации в учебных заведениях и т.д. Отдельным пунктом отчетов уполномоченных выступали его собственные выводы и предложения, касающиеся процесса работы [3].

Вместе с очередным информационным отчетом уполномоченному следовало предоставлять на утверждение план работы на следующий квартал. План работы уполномоченного по Гомельской области предоставлялся на утверждение уполномоченному по БССР, его копия также отправлялась непосредственно в Совет [2].

Находясь в непосредственном подчинении Совету по делам религиозных культов и уполномоченному Совету при БССР уполномоченный по Гомельской области в своей работе также опирался на полученные из Москвы и Минска соответствующие распоряжения и указания различного характера и инструктивные письма.

Результатом очередного наступления на религию и ее институты в СССР в середине 1950-х гг. стали новые постановления КПСС, касающиеся государственно-церковных отношений – от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [8] и от 10 ноября 1954 г. [9].

В 1955 г. изменения коснулись процедуры открытия молитвенных зданий, о чем было издано соответствующее постановление от 17 февраля 1955 г. [10].

Всем уполномоченным в конце марта 1955 г. было направлено очередное инструктивное письмо, касающееся данных изменений. Документ содержал подробное описание изменений в процедуре открытия и регистрации молитвенных зданий. Смысл сводился к следующему: если ранее решение об открытии молитвенного здания принимал Совет по делам религиозных культов и представлял его на одобрение Правительства СССР, то согласно новому постановлению, решение об открытии возлагается на Совет Министров союзных республик, в нашем конкретном случае на Совет Министров БССР. Однако данная процедура проводилась с условием обязательного согласования с Советом по делам религиозных культов.

Что же касается уполномоченных, то они обязаны были проверить и определить необходимость открытия молитвенного здания в каждом отдельно взятом случае.

Согласно пункта второго нового постановления Совет по делам религиозных культов предоставлял право зарегистрировать фактически действующие религиозные общества, по тем либо иным причинам незарегистрированные ранее. Вопрос о регистрации мог быть поставлен только в том случае если общество имело молитвенное здание до выхода постановления от 17 февраля 1955 г. Уполномоченному по Гомельской области в данном случае необходимо было собрать всю нужную документацию и предоставить подробное заключение, обязательным пунктом которого являлось решение местных органов власти [11].

Продолжением очередного наступления на религию становятся следующие секретные документы – постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации

ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»» и Совета Министров СССР от 16 октября того же года «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» и «О монастырях в СССР» [12, с. 82–83].

Новый размах антирелигиозной кампании придало постановление ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» [13]. 3 февраля 1960 г. соответствующее постановление было принято и ЦК КПБ. Обращалось внимание, что данная неблагоприятная ситуация стала результатом того, что уполномоченные по делам РПЦ и по делам религиозных культов при Совете Министров БССР и облисполкомах ненадлежащим образом осуществляли контроль за соблюдением верующими и священнослужителями различных конфессий положений конфессионального советского законодательства [14, с. 269].

Следовательно, в процессе своей деятельности уполномоченные опирались не только на специально принятые в их отношении документы, такие как: распоряжения, инструктивные письма, различного рода инструкции, указания, но и на общую конфессиональную законодательную базу. К деятельности института уполномоченных Совета по делам религиозных культов имели отношения все юридические акты и другие документы, касающиеся вопросов религии в целом и непосредственно религиозных культов СССР, изданные государственными и местными органами власти, партийными организациями, правительством СССР и БССР.

Список использованных источников и литературы

- 1 Конституция 1937 года [Электронный ресурс] / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Беларусь. – Минск, 2003 – 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. - Дата доступа: 09.09.2019.
- 2 Инструктивное письмо заместителя председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР Ю. В. Садовского уполномоченным Советом по делам религиозных культов об указаниях и разъяснениях по отдельным вопросам работы Совета по делам религиозных культов при СМ СССР и его уполномоченных // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 18. Л. 20–24.
- 3 Инструкция для уполномоченных Совета по делам религиозных культов при Совнарком СССР // ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–10.
- 4 Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [Электронный ресурс] / Справочная правовая

- система «Консультант Плюс». – М., 1992 – 2019. - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1777#>. - Дата доступа: 10.09.2019.
- 5 Постановление Народного Комиссариата Юстиции РСФСР от 24 августа 1918 г. «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант Плюс». – М., 1992 – 2019. URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1877> – Дата доступа: 10.09.2019.
 - 6 Постановление СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» // ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1. Л. 23. – Опубл.: Старообрядцы на Гомельщине (1918–1991): документы и материалы / сост. : З. А. Александрович [и др]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск : А. Н. Янушкевич, 2017. – С. 97–99.
 - 7 Инструктивное письмо председателя Совета по делам религиозных культов при СНК СССР И.В. Полянского уполномоченному Совету по делам религиозных культов по Белорусской ССР П. Л. Маслову об использовании инструкции для уполномоченных // ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
 - 8 Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» 7 июля 1954 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955. – М. : Политиздат, 1985. – С. 428–431.
 - 9 Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [Электронный ресурс] / Сайт Российского Объединения Исследователей Религии. РФ. – М., 2002 – 2019. - URL: <http://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/>. - Дата доступа: 05.09.2019.
 - 10 Постановление СМ СССР от 17 февраля 1955 года «Об изменениях порядка открытия молитвенных зданий» // ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 4. Д. 9. Л. 37.
 - 11 Инструктивное письмо председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР И. В. Полянского уполномоченным Совету по делам религиозных культов об изменении порядка открытия молитвенных зданий // ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 4. Д. 9. Л. 35–36.
 - 12 Чумаченко, Т. А. Государство и Русская Православная Церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, церковью и верующими [Электронный ресурс] / Т. А. Чумаченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 19. – С. 82–90. - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-1958-1964-godah-novaya-politicheskaya-voyna-s-religiey-tserkovyu-i-veruyuschimi>. – Дата доступа: 06.09.2019.
 - 13 Крикун, В. Г. Советское государство и религиозные объединения в период развертывания антирелигиозной компании (октябрь 1958 –

март 1961гг.) [Электронный ресурс] / В. Г. Крикун, В. И. Подгорный // - URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer32/436.pdf>. - Дата доступа: 06.09.2019.

14 Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : ВП “Экаперспектыва”, 1998. – 340 с.

УДК 9:331.105(476)

А. А. Дубовік

(Мінск, УА «Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт»)

НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНАЕ І ПРАФСАЮЗНАЕ БУДАЎНІЦТВА Ў БССР У 1920-Я ГАДЫ

Ажыццяўленне задач удасканалвання сацыяльна-працоўных адносін і развіцця палітычнай сістэмы беларускага грамадства патрабуе абагульнення гістарычнага вопыту дзейнасці прафсаюзаў рэспублікі. Важным этапам станаўлення прафсаюзнага руху сталі 1920-я гг., калі ён арганізацыйна аформіўся. Мэта дадзенага артыкула – паказаць арганізацыйнае ўмацаванне прафсаюзаў БССР у час нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва 1920-х гг.

У пачатку 1920-х гг. БССР складалася толькі з 6 павеатаў Мінскай губерні – Мінскага, Барысаўскага, Бабруйскага, Слуцкага, Ігуменскага і Мазырскага. Віцебская і Гомельская губерні ўваходзілі ў склад РСФСР, а тэрыторыя Заходняй Беларусі была анексавана Польшчай. Вышэйшым кіруючым прафсаюзным органам БССР з’яўляўся Мінскі губернскі савет прафсаюзаў, які з лютага 1921 г. пачаў называцца Саветам прафсаюзаў Беларусі (Саўпрафбел). 7–13 мая 1921 г. адбыўся Першы Усебеларускі з’езд прафсаюзаў. Ён закончыў працэс арганізацыйнага афармлення прафсаюзаў рэспублікі, вызначыў іх канкрэтныя задачы ў перыяд пераходу да НЭПа, выбраў Прэзідыум Саўпрафбела на чале з Ш. Ш. Ходашам [1].

Выкананне складаных і адказных задач, якія паўсталі перад прафсаюзамі, патрабавала іх арганізацыйнага ўмацавання, перабудовы арганізацыйна-масавай работы. На 1 жніўня 1921 г. прафсаюзы БССР налічвалі 58160 членаў і аб’ядноўвалі 98,8 % рабочых і служачых 5659 прадпрыемстваў і ўстаноў [2, с. 151]. У гэты час яшчэ існавала ўведзенае ў перыяд «ваеннага камунізму» абавязковае калектыўнае членства – у прафсаюзы запісвалі ўсіх асобаў наёмнай працы. Дзейнічаў 21 галіновы саюз. Яны

ўзначальваліся Мінскімі губернскімі аддзеламі (пазней беларускімі аддзеламі) Усерасійскіх саюзаў. У паветах дзейнічалі аддзяленні галіновых саюзаў і міжсаюзныя органы – павятовыя прафбюро, а таксама валасныя і мястэчкавыя сакратарыяты.

У пачатку НЭПа колькасць членаў прафсаюзаў скарачалася. У мэтах ажыўлення працы прафсаюзных арганізацый, уліку іх сацыяльнага складу ў 1922 г. была праведзена перарэгістрацыя членаў прафсаюзаў і ажыццёўлены пераход на добраахвотнае членства. З прафсаюзных шэрагаў былі выключаны «непралетарскія элементы». У выніку колькасць членаў прафсаюзаў Беларусі некалькі скарацілася (з 48008 да 40080 чал., г.з. на 17,9 %). Але неўзабаве ў сувязі з аднаўленнем прамысловасці колькасць членаў прафсаюзаў зноў вырасла. Ужо ў чэрвені 1923 г. ў шэрагах прафсаюзаў БССР налічвалася 47,2 тыс. чал. [3, с. 13]. У Гомельскай губерні, якая ўваходзіла ў той час у склад РСФСР, у верасні 1922 г. налічвалася 54 тыс. членаў прафсаюзаў, а ў жніўні 1923 г. іх колькасць павялічылася да 66,8 тыс. [4, с. 119].

У снежні 1922 г. БССР увайшла ў склад СССР як адна з чатырох рэспублік-заснавальніц. У прафсаюзным будаўніцтве асаблівых змен не адбылося. Саўпрафбел па-ранейшаму падпарадкоўваўся на правах губернскага савета прафсаюзаў УсеЦСПС, які аднак стаў называцца Усесаюзным замест Усерасійскага. Галіновыя саюзы БССР падпарадкоўваліся свайму ЦК прафсаюза СССР у Маскве.

Буйной гістарычнай падзеяй у жыцці беларускага народа з'явілася першае ўзбуйненне БССР у лютым 1924 г. за кошт ліквідацыі Віцебскай губерні і далучэння яе, а таксама значнай часткі Гомельскай губерні і асобных воласцей Смаленскай губерні да БССР, у выніку якога тэрыторыя рэспублікі павялічылася больш чым у два разы, а насельніцтва – з 1,5 да амаль 4,2 млн чалавек. У сувязі з гэтым была праведзена рэарганізацыя прафсаюзных органаў. Для кіраўніцтва работай прафсаюзаў узбуйненай БССР па рашэнні УсеЦСПС у лютым 1924 г. было створана Часовае Цэнтральнае бюро (ЦБ) прафсаюзаў Беларусі ў складзе пяці прадстаўнікоў Саўпрафбела, трох прадстаўнікоў Віцебскага губернскага савета прафсаюза і аднаго прадстаўніка Магілёўскага павятовага савета прафсаюзаў Гомельскай губерні. На першым пасяджэнні Часовага ЦБ прафсаюзаў 16 лютага 1924 г. быў сфарміраваны яго Прэзідыум у складзе Ш. Ш. Ходаша (старшыня), А. Я. Калніна (сакратар, раней працаваў старшынёй Віцебскага губсаўпрафа) і Л. М. Буніна (загадчык тарыфна-эканамічнага аддзела). Дзейнасць Часовага ЦБ прафсаюзаў была накіравана на аб'яднанне саюзных арганізацый узбуйненай Беларусі,

вывучэнне стану прафсаюзнай работы ў далучаных раёнах, падрыхтоўку і правядзенне з'ездаў галіновых саюзаў і IV Усебеларускага з'езда прафсаюзаў. У сувязі з адкліканнем А. Я. Калніна ў сакавіку 1924 г. на кіруючую працу ў ВСНГБ сакратаром Часовага ЦБ прафсаюзаў стаў Л. А. Пахамовіч. У сакавіку былі арганізаваны часовыя праўленні ўсіх беларускіх аддзелаў саюзаў, а ў маі 1924 г. адбыліся ўсебеларускія з'езды і канферэнцыі галіновых прафсаюзаў [5, с. 3].

14–18 чэрвеня 1924 г. праходзіў IV Усебеларускі з'езд прафсаюзаў, у яго рабоце прынялі ўдзел 283 дэлегаты, якія прадстаўлялі 113,1 тыс. членаў прафсаюзаў. З'езд заслухаў справаздачы аб рабоце Часовага ЦБ прафсаюзаў і рэвізійнай камісіі, даклады аб бліжэйшых задачах прафсаюзаў, аб рабоце Народнага камісарыята працы і інш., выбраў Цэнтральны Савет прафсаюзаў Беларусі (ЦСПСБ) у колькасці 70 членаў і 15 кандыдатаў. На першым пленуме быў выбраны Прэзідыум ЦСПСБ (старшыня Ш. Ш. Ходаш) [6]. З сярэдзіны снежня 1924 г., пасля ад'езду Ш. Ш. Ходаша на вучобу ў Маскву, старшынёй ЦСПСБ стаў М. Е. Ендакоў, які ўзначальваў вышэйшы міжсаюзны орган рэспублікі да студзеня 1927 г. Адказным сакратаром ЦСПСБ у 1924 г. – ліпені 1926 г. працаваў В. Ф. Шаранговіч.

У сувязі з увядзеннем летам 1924 г. новага адміністрацыйнага падзелу БССР, стварэннем акруг і раёнаў, у жніўні 1924 г. у рэспубліцы замест павятовых пачалі функцыянаваць міжсаюзныя акруговыя і раённыя бюро прафсаюзаў. Мінскія губернскія аддзелы Усерасійскіх саюзаў сталі называцца цэнтральнымі праўленнямі (ЦП) прафсаюзаў Беларусі. Разам з тым апарат прафсаюзных органаў не павялічыўся, а нават скараціўся на 29 % у выніку перабудовы іх працы [7, с. 70].

Працэс аб'яднання прафсаюзных органаў праходзіў у цэлым гладка. Гэтаму садзейнічала і тое, што аплата працы ў БССР не саступала, а часта была вышэй, чым у былой Віцебскай губерні, а таксама на Магілёўшчыне. Але мелі месца і асобныя канфлікты. Так, замест Віцебскага губернскага аддзела прафсаюза хімікаў у 1924 г. было створана павятовае аддзяленне, якое аднак імкнулася паранейшаму падпарадкоўвацца ЦК саюза ў Маскве, а не ЦП саюза ў Мінску [8, арк. 222].

У ліпені 1924 г. на II сесіі ЦВК БССР і пленуме ЦК КП(б)Б была абвешчана беларусізацыя як агульнарэспубліканская дзяржаўная палітыка. Яна не магла не закрануць прафесійныя саюзы. Укараненне нацыянальных момантаў у практыку прафсаюзнай работы ішло па

лініі прыстасавання саюзных апаратаў да абслугоўвання асобных нацыянальных груп на іх роднай мове; правядзення ўсіх форм масавай работы на мовах, зразумелых для ўсіх нацыянальных груп членаў саюза; прывядзення складу выбарных прафсаюзных органаў у прапарцыянальныя суадносіны з нацыянальнымі складам абслугоўваемых імі членаў з дастатковым прадстаўніцтвам у іх усіх нацыянальных груп; шырэчай папулярызаты і растлумачэння сябрам прафсаюзаў асноўных прынцыпаў нацыянальнай палітыкі савецкай улады і значэння беларусізацыі. У сярэдзіне 1920-х гг. беларусы складалі 55,5 %, яўрэі – 27,7 %, рускія – 9,5 %, палякі – 3,9 % членаў прафсаюзаў Беларусі. У саюзах прамысловай групы ўдзельная вага беларусаў была трохі меншай – 41,1 %, амаль такая ж, як і яўрэяў (40,7 %). У той жа час у сельскім саюзе доля беларусаў была найбольш высокай – 77,1 % [9].

1–6 снежня 1925 г. адбыўся V Усебеларускі з’езд прафсаюзаў. Да яго прафесійныя саюзы рэспублікі прыйшлі значна ўзмоцненымі. Яны аб’ядноўвалі ў сваіх шэрагах 91,1 % усіх рабочых і служачых БССР. На з’ездзе прысутнічалі 427 дэлегатаў: 311 з рашаючым голасам, 116 – з дарадчым. Сярод іх – 283 рабочых. З’езд заслухаў даклады аб міжнародным і ўнутраным становішчы краіны, аб прафсаюзным руху ў СССР, справадзачу ЦСПСБ, аб бліжэйшых практычных задачах прафсаюзаў, справадзачу Наркамата працы, даклад ВСНГ Беларусі, аб стане сацыяльнага страхавання і інш., выбраў новы склад ЦСПСБ. У рэзалюцыі па справадзачы ЦСПСБ з’езд адзначыў рост колькасці членаў прафсаюзаў (толькі за апошні год яна вырасла на 24 тыс., ці амаль на 22%), высокую актыўнасць рабочых мас, поспехі ў правядзенні нацыянальнай палітыкі. Разам з тым звярталася ўвага на неабходнасць больш чулых, уважлівых адносін прафсаюзных арганізацый да паўсядзённых патрэб працоўных [10].

Пасля V Усебеларускага з’езда прафсаюзаў у мэтах эканоміі фінансавых сродкаў была скарачана сетка раённых міжсаюзных органаў. Замест 100 райпрафбюро ў БССР засталася толькі 26 (у раёнах са значнай колькасцю членаў саюзаў – звыш 500 чал. без уліку прафсаюзаў Працызмлесу і чыгуначнікаў), у астатніх раёнах выдзелены райупаўнаважаныя [11, арк. 4].

У выніку арганізацыйнай перабудовы, змянення форм і метадаў унутрысаюзнай работы дзейнасць прафсаюзаў у першыя гады НЭПа значна ажывілася. Умацавалася сувязь прафарганізацый з масамі, павысілася іх арганізатарская роля сярод працоўных. Рэгулярнае

правядзенне з'ездаў, канферэнцый, пленумаў прафсаюзаў садзейнічала развіццю прафсаюзнай дэмакратыі.

У канцы 1926 г. адбылося новае ўзбуйненне тэрыторыі БССР. Да яе былі далучаны Гомельскі і Рэчыцкі паветы, ператвораныя ў акругі. Гомельская губерня пры гэтым была ліквідавана, астатнія яе часткі адышлі да Бранскай губерні. Тэрыторыя рэспублікі дасягнула 125,9 тыс. кв. км з насельніцтвам амаль у 5 млн чалавек. Пашырэнне тэрыторыі БССР значна ўмацавала яе як саюзную рэспубліку, актывізавала гаспадарчае і культурнае будаўніцтва, удзел у ім прафсаюзаў. Гэта ўзбуйненне адразу павялічыла колькасць членаў прафсаюзаў да 215792 на пачатак 1927 г. [12, с. 7].

Прафсаюзная работа будавалася па тэрытарыяльна-галіновым прынцыпе. Вышэйшым органам у перыяд паміж усебеларускімі з'ездамі прафсаюзаў з'яўляўся ЦСПСБ. У гэты час ЦСПСБ узначальвалі І. М. Перапечка (студзень 1927 г. – чэрвень 1928 г.), І. П. Рыжоў (чэрвень 1928 г. – май 1932 г.). У Віцебскай, Магілёўскай, Бабруйскай, Барысаўскай, Калінінскай (акруговы цэнтр – Клімавічы), Мазырскай, Аршанскай, Полацкай, Слуцкай і са снежня 1926 г. Гомельскай і Рэчыцкай акругах працавалі міжсаюзныя органы – акруговыя саветы прафсаюзаў (акрпрафсаветы), Мінская акруга абслугоўвалася непасрэдна ЦСПСБ і яго ўпаўнаважанымі. Летам 1927 г. у мэтах скарачэння выдаткаў на дзяржаўны апарат 4 акругі (Слуцкая, Барысаўская, Калінінская і Рэчыцкая) былі скасаваны. У рэспубліцы дзейнічала 21 цэнтральнае праўленне (ЦП) галіновых саюзаў БССР, у тым ліку саюза швейнікаў у Віцебску, астатнія – у Мінску.

28 кастрычніка 1927 г. адкрыўся VI з'езд прафсаюзаў Беларусі, работа якога працягвалася да 2 лістапада. На з'ездзе прысутнічала 358 дэлегатаў, якія прадстаўлялі 223 тыс. рабочых і служачых – членаў прафсаюзаў. У рабоце з'езда ўдзельнічалі сакратар ЦК КП (б) Б В. Г. Кнорын, старшыня СНК БССР Н. М. Галадзед, іншыя кіраўнікі кампартыі і ўраду рэспублікі, а таксама замежныя госці. У парадак дня з'езда былі ўнесены пытанні: даклад аб міжнародным і ўнутраным становішчы СССР, справаздачы ЦСПСБ і рэвізійнай камісіі, даклады аб стане і перспектывах развіцця народнай гаспадаркі БССР, рабоце Наркамата працы, інфармацыі аб сацыяльным страхаванні і медыцынскім абслугоўванні членаў прафсаюзаў, аб масавай рабоце прафсаюзаў, выбары кіруючых органаў. З'езд вызначыў чарговыя задачы прафсаюзаў у розных галінах дзейнасці. У галіне арганізацыйнай работы перад ФЗМК была пастаўлена задача ўзмацніць сувязі з масамі, вывучаць іх пажаданні і настроі, паляпшаць

работу цэлавых прафбюро і ўпаўнаважаных, смялей уцягваць жанчын і моладзь у практычную дзейнасць прафсаюзных арганізацый [13].

У цэлым за 1921–1929 гг. колькасць членаў прафсаюзаў у БССР узрасла больш чым у 4 разы і перавысіла 251 тыс. чалавек [14, арк. 4]. Ахоп прафчленствам дасягнуў 94 % рабочых і служачых. Але асноўным фактарам іх далучэння да прафсаюзных шэрагаў служыла не абаронча-прававая дзейнасць прафсаюзаў, а прафсаюзныя ільготы, перш за ўсё пры працаўладкаванні.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

- 1 Дубовик, А. К. Первый Всебелорусский съезд профсоюзов и его историческое значение / А. К. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2011. – № 1. – С. 4–10.
- 2 Советская Белоруссия. – Минск : Гос. изд-во ССРБ, 1921. – 307 с.
- 3 Отчет о деятельности Президиума Совета профсоюзов Белоруссии (апрель 1922 – июнь 1923 гг.). – Минск: [б. и.], 1923. – 126 с.
- 4 Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905–1969 гг.). – Минск : Беларусь, 1970. – 474 с.
- 5 Отчет о деятельности Временного Центрального Бюро профсоюзов Белоруссии. – Минск : [б. и.], 1924. – 47 с.
- 6 Резолюции и постановления IV Всебелорусского съезда профсоюзов. – Минск : [б. и.], 1924. – 28 с.
- 7 История профсоюзного движения Беларуси. – Минск : ФУАинформ, 2005. – 416 с.
- 8 Нацыянальны архіў рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 275. Воп. 1. Спр. 11.
- 9 Дубовік, А. К. Ажыццяўленне палітыкі беларусізацыі ў прафсаюзах рэспублікі (20-я – сярэдзіна 30-х гг. ХХ ст.) / А. К. Дубовік // Труды БГТУ. Серия 5. Вып. 13.– Минск, 2005. – С. 45–49.
- 10 Резолюции 5-го Всебелорусского съезда профессиональных союзов. – Минск : Ред.-издат. отдел ЦСПСБ, 1926. – 80 с.
- 11 НАРБ. – Ф. 265. Воп. 1. Спр. 2140.
- 12 Отчет о работе Центрального совета профсоюзов Белоруссии за период декабрь 1925 г. – июнь 1927 г. К VI Всебелорусскому съезду профсоюзов. – Минск, 1927. – 117 с.
- 13 Постановления VI Всебелорусского съезда профессиональных союзов и доклад товарища Перепечко на собрании профактива города Минска. – Минск [б. и.], 1927. – 70 с.
- 14 НАРБ. – Ф. 265. Воп. 1. Спр. 2699.

С. А. Елизаров

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет
имени П. О. Сухого»)

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОРГАНЫ В БЕЛОРУССКОЙ ССР (1960-Е ГОДЫ)

Принятая на XXII съезде КПСС (1961 г.) программа строительства коммунизма предполагала «постепенное превращение органов государственной власти в органы общественного самоуправления», в которых «объединятся Советы, профессиональные, кооперативные и другие массовые организации трудящихся». В связи с этим предусматривалось расширение участия различного рода общественных организаций и объединений трудящихся в реальном управленческом процессе на местах. Через такие общественные формирования предполагалось «готовить поколение всесторонне развитых людей, которые будут жить, работать и управлять общественными делами при коммунизме». Первоочередной становилась задача «расширить участие общественных организаций в управлении учреждениями культуры, здравоохранения и социального обеспечения, передать в их ведение в течение ближайших лет руководство зрелищными предприятиями, клубами, библиотеками...расширять деятельность этих организаций по укреплению общественного порядка, особенно народных дружин, товарищеских судов» [1, с. 101, 108–109].

Высшим партийно-советским руководством строительство коммунизма в это время рассматривалось не как долгосрочная перспектива, а как текущая практическая задача. От партийных и советских органов требовалось ускоренным образом двигаться к коммунистическому идеалу, в том числе и в вопросах расширения самоуправленческих начал в государственном управлении. После XXII съезда КПСС (по словам тогдашнего заведующего отделом Президиума Верховного Совета БССР Никоновича) «как грибы после дождя начали расти различные общественные самодеятельные организации» [2, л. 138]. Спектр их был очень широк: на 1 января 1963 г. к общественным самодеятельным организациям в БССР относились постоянные комиссии местных Советов депутатов трудящихся (10202 единицы), внештатные отделы исполкомов городских и районных Советов (230), общественные советы при

управлениях и отделах областных, районных и городских исполкомов (906), наблюдательные комиссии при исполкомах Советов (24), административные комиссии при райисполкомах (157), общественные комиссии по распределению жилплощади (136), уличные комитеты (16979), общественные домовые комитеты (474), комиссии по трудоустройству детей и подростков (138), комиссии по контролю за торговлей и общественным питанием (1338), родительские комитеты школ и детских учреждений (11467), советы при учреждениях культуры и здравоохранения (6201), санитарные комиссии (1104), советы пенсионеров (243), женсоветы (3229), товарищеские суды (5775), народные дружины (5420), производственно-технические советы при райисполкомах (125) и др. По численности участников лидировали постоянные комиссии при местных Советах (166404 человека, из них 64 % – активисты, 36 % – депутаты Советов), народные дружины (129594), уличные комитеты (71829), родительские комитеты (60555). Менее всего насчитывали в своих рядах наблюдательные комиссии при исполкомах (190 человек), административные комиссии (701), комиссии по трудоустройству детей и подростков (994) [2, л. 4–5].

К концу 1963 г. официально насчитывалось общественных организаций (без постоянных комиссий местных Советов, исключенных из списка самостоятельных общественных организаций) в БССР 92028 единиц (771258 человек), в том числе в промышленной зоне – 20657 (274472 человек) и сельской зоне – 71371 (496781 человек). Значительно возросло число внештатных отделов исполкомов местных Советов – до 466. В перечне появились наблюдательные комиссии по местам заключения, комитеты за коммунистический быт, советы общественных автоинспекторов, группы и посты содействия партгосконтролю, советы бригад, постоянно действующие производственные совещания на предприятиях, общественные учреждения культуры (общественные библиотеки, кинотеатры, домашние библиотеки, передвижные библиотеки, народные музыкальные школы, народные книжные магазины), внештатные инспектора и инструкторы (в том числе по оргработе, народному образованию, охране природы, торговле, собесу, автоинспектора, по финансам, по госстатистике, по культуре, по соблюдению паспортного режима, по противопожарной безопасности, по квартирным вопросам), общественные участковые уполномоченные милиции [3, л. 103–105].

В 1963 г. отдел по работе исполкомов местных Советов депутатов трудящихся Президиума Верховного Совета БССР поддержал предложение о создании в поддержку сельсоветам в каждой деревне

особого конституционного органа деревенского самоуправления. Объяснялось это тем, что в БССР на территории сельсовета обычно располагалось 10–15 и больше деревень, многие из которых находились друг от друга и центра сельсовета на расстоянии 10–15 км. В таких условиях насущные ежедневные вопросы деревенской жизни в одних случаях решали колхозные бригадиры, в других – жившие здесь депутаты сельсовета, в третьих – уличные комитеты. Работники местных Советов и предложили превратить уличный комитет в конституционный орган – деревенский комитет, избираемый населением деревни открытым голосованием и подконтрольный исполкому сельсовета. Работать он должен был на общественных началах [4, л. 138].

Новые органы общественного самоуправления – сельские комитеты (селькомы) начали создаваться в Белорусской ССР с 1964 г. по примеру УССР и ряда областей РСФСР. В нашей республике они впервые появились в Лепельском районе Витебской области. К началу 1965 г. в БССР уже насчитывалось 8862 селькома с 49857 членами (в том числе в Витебской области – 3091, Гомельской – 2131, Минской – 2018, Могилевской – 1321, Брестской – 301, в Гродненской области их не было). Витебским облисполкомом было разработано специальное Положение о сельских комитетах, применявшееся и в других областях республики. Сельком определялся как общественная самодеятельная организация сельского населения, основная задача которого – «оказание помощи местным Советам в мобилизации общественности на решение задач хозяйственного, культурно-бытового строительства и коммунистическое воспитание трудящихся, привлечение граждан к управлению всей жизнью села». Административными правами селькомы не наделялись и работали под руководством сельсовета. Проводили свои заседания селькомы по мере необходимости, наиболее важные вопросы выносили на сельские сходы, а основной сферой их деятельности была работа по благоустройству, озеленению и улучшению санитарного состояния сельских населенных пунктов [3, л. 193–203].

Во второй половине 1960-х гг. в СССР задача непосредственного перехода к коммунистическому обществу теряет актуальность, ее постановка негласно признается «забеганием вперед». Тем не менее инерция прошлых решений о практическом строительстве коммунизма в СССР еще некоторое время поддерживает официальный и неофициальный интерес к развитию общественных самоуправленческих начал. Однако из множества различных общественных организаций и органов во второй половине 1960-х гг.

нормативное закрепление получает лишь их небольшая часть. Закон БССР от 19 июня 1968 г. «О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся Белорусской ССР» к самостоятельным общественным организациям на селе относил лишь общие собрания, сходы граждан в целом Совета или отдельных населенных пунктов, собрания представителей жителей села, деревни, поселка, а также сельские, уличные и квартальные комитеты [5].

Собрания, сходы граждан собирались для обсуждения вопросов благоустройства, коммунально-бытового и культурного обслуживания населения, охраны общественного порядка и заслушивания отчетов исполкомов Советов. Также сельские сходы обсуждали и решали вопросы самообложения сельского населения. Собрания и сходы населения могли избирать сельские, уличные и квартальные комитеты. Главной их задачей определялось выполнение решений сельского, поселкового Совета и его исполкома, прежде всего по благоустройству населенных пунктов, а также оказание помощи учреждениям культуры, образования, здравоохранения, торговли и бытового обслуживания. Они были подотчетны избравших их собраниям, сходо́м граждан, сельским и поселковым Советам. На практике же все эти органы общественного самоуправления так или иначе подчинялись именно исполкомам этих Советов. Да и инициатива созыва собраний, сходо́в населения принадлежала по Положению только исполкомам сельских и поселковых Советов.

В развитие этого Положения 1 сентября 1969 г. Президиум Верховного Совета БССР утвердил Положение об общих собраниях (сходах) граждан, общественных сельских комитетах, уличных и квартальных комитетах в селах, деревнях и поселках Белорусской ССР [6].

Ничего принципиально нового в сравнении с Законом о сельском и поселковом Совете здесь не содержалось. Повторялись уже ранее зафиксированные цели, задачи, формы работы сельских сходо́в. Закреплялось, что инициатива созыва этих сельских сходо́в принадлежала исполкомам сельсоветов. Определялась их периодичность: по мере необходимости, но не реже двух раз в год.

По такому же принципу строился раздел, посвященный общественным сельским, уличным и квартальным комитетам. И здесь инициатива их создания принадлежала не самому населению, а исполкомам сельсоветов. Руководство деятельностью таких комитетов также возлагалось на местные Советы и их исполкомы. Эти же исполкомы могли давать поручения общественным комитетам, главной задачей которых было «содействовать

претворению в жизнь решений сельских и поселковых Советов и их исполкомов». Конкретные направления деятельности комитетов фактически дублировали основные сферы ответственности сельских и поселковых Советов: организация участия населения в работе по благоустройству и улучшению санитарного состояния населенных пунктов, ремонту и строительству местных дорог, улиц, тротуаров, бань, колодцев, озеленению, поддержанию чистоты населенных пунктов. Также в их функции входили контроль за соблюдением правил застройки населенных пунктов, оказание помощи учреждениям культуры, образования, здравоохранения, предприятиям торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения, поддержание общественного порядка и т.п. Избирались общественные комитеты на срок в два года в составе от 5 до 7 человек открытым голосованием на общих собраниях граждан села, деревни, улицы или квартала поселка, села, деревни.

Таким образом, в 1960-е гг. органы общественной самодеятельности населения рассматривались как вспомогательные, действовавшие под непосредственным контролем официальных структур государственной власти и управления. В начале 1960-х гг. В рамках официального курса «развернутого построения коммунистического общества» общественные органы и организации достигают высшего уровня своего развития в советской истории как по своим масштабам, так и по интересу к ним и партийных и советских органов, а также самого населения. Появление во второй половине 1960-х гг. новой теоретической парадигмы развития – концепции развитого социализма – привело к затуханию интереса центральных партийных инстанций, а вслед за ними – и местных партийных и советских органов к вопросам повышения реальной роли общественных органов в системе управления общественными делами. К концу 1960-х гг. нормативно к ним относились лишь собрания граждан по месту жительства (сельские, поселковые, уличные, квартальные, домовые) и общественные комитеты. Вся остальная совокупность этих органов и организаций функционировала вне официальных правовых рамок.

Список использованных источников и литературы

- 1 Программа Коммунистической партии Советского Союза: Принята XXII съездом КПСС. – М. : Политиздат, 1976. – 144 с.
- 2 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 87.
- 3 НАРБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 1249.

- 4 НАРБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 683.
5 СЗ БССР. – 1968 – № 18. – Ст. 256.
6 СЗ БССР. – 1969. – № 25. – Ст. 373.

УДК 94(476+438.15)''1901/1913''

С. Б. Жихарев

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины»)

ВОЕННО-ТРЕНИРОВОЧНАЯ БАЗА КРЕПОСТИ ОСОВЕЦ: СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ (1901–1913)

Создание и развитие военно-тренировочной базы крепости Осовец относится к числу неисследованных аспектов темы. История строительства крепости и ее оборона в Первую мировую войну отделили подготовительный этап боевой подготовки гарнизона и войск крепости, начавшийся задолго до начала Великой войны. В данной статье пойдет речь о порядке временного отвода частных земель под стрельбище, а также полигон крепостной артиллерии Осовца и крепостного пехотного полка. Осуществленное в 1911 г. кардинальное расширение плаца для стрельбы, а также порядок проводившихся на нем тренировок позволяют охарактеризовать условия развития навыков крепостного гарнизона, оказавшихся востребованными в 1914–1915 гг. Не менее важно также определить место расположения и границы военно-тренировочной базы крепости относительно населенных пунктов и различных объектов Осовецкого крепостного района. При этом под военно-тренировочную базу крепостной артиллерии и подразделений пехоты отводились частные земельные угодья местных жителей, что налагало ограничения и вводило особый режим хозяйственной деятельности и ритм аграрных занятий населения Осовецкого крепостного района во время ведения стрельб. Пролить свет на эту пока неизученную проблему позволяют делопроизводственные документы архивного происхождения.

С 1901–1904 гг. начался ежегодный временный отвод у местных крестьян земель возле крепости (в количестве 647 кв. десятин) для нужд военного ведомства. Так, по экспликации из плана, снятого землемером Боярским в 1901 г., под стрельбище в Белостокском уезде Гродненской губернии было отведено 642 десятины 2376 кв. сажень, из которых под пехотное стрельбище отошло 245 десятин

1880 кв. саженой, а под артиллерийское – 401 десятина 395 кв. саженой [1, л. 11].

2 апреля 1904 г. штаб Осовецкой крепости сообщил Гродненскому губернатору самые общие границы стрельбища в районе Центрального (местность Соколий-Гронд – деревня Кулеши-Косовка) и Шведского форта (деревня Вилямовка – деревня Устьянок). Отводимая здесь под стрельбище и полигон земля находилась в собственности 356 крестьян-землевладельцев деревень Довнары, Большая и Малая Крамковка, Овечки, Кулеши-Косовка, Вилямовка и Устьянок Притулянской волости. В отводе земли принимали участие уездный исправник Белостокского уезда Гродненской губернии А. А. Радецкий, исполняющий должность податного инспектора В. А. Цветаев, депутаты от военного ведомства подполковники Энглер, Буковский, Бакеев и представлявший интересы крестьян Притулянский волостной старшина [2, л. 1]. Составление акта о передаче крестьянских земель под стрельбище состоялось 15 апреля 1904 г. в присутствии депутатов Осовецкой крепостной артиллерии капитана Бухало и Осовецкого крепостного пехотного полка поручика Максимова [2, л. 1 об.].

Из акта следует, что из 647 кв. десятин (в 1901 г. были отведены 642 кв. десятины – С.Ж.) земли, находящейся под стрельбищем, только 2 десятины 500 кв. саженой – пахотная. За исключением смешанного и лиственного леса (52 кв. десятины) остальные занятые у крестьян угодья – низкого качества: болотный сенокос (297 кв. десятин), болотные пастбища (271 кв. десятина), под песками, дорогами и канавами 25 кв. десятин [2, л. 4].

С 15 апреля по 1 августа 1904 г. здесь уже велась практическая стрельба боевыми патронами из трех линейных винтовок крепостным пехотным полком и Осовецкой крепостной артиллерией [2, л. 1]. Приблизительно 1,5 версты – от полевого лагеря до стрельбища – солдаты преодолевали пешком [2, л. 4 об.]. В соответствии с графиком устанавливался следующий порядок использования стрельбища: с 15 апреля по 1 июля стрельба ведется ежедневно кроме воскресных и праздничных дней, а в течение следующего месяца – ежедневные артиллерийские стрельбы (кроме праздников) с 4.00 часов утра до 16.00 вечера. Местным жителям для уборки сена и выпаса скота на территории пехотного стрельбища отводилось только субботнее послеобеденное время и праздничные дни.

Тем ни менее распорядок стрельб не носил жесткий характер: Осовецкое крепостное артиллерийское управление пользовалось правом нарушать установленный график. В 1904 г. артиллерийские

стрельбы велись по четвергам с 20 мая по 8 июля. Затем огневая подготовка возобновилась с 19 июля по 1 октября (с 8.00 утра до 14.00), а 27 июля (с 21.00 до 4.00 утра) производились дополнительные ночные артиллерийские стрельбы [2, л. 10].

Примерно такая же площадь земли (647 кв. десятин) отводилась под стрельбище Осовецкой крепостной артиллерии и Осовецкому крепостному пехотному полку по актам от 28 апреля 1908 г. и 31 марта 1910 гг. [4, л. 7]. Распоряжение о передаче частных земель во временное пользование гарнизона крепости Осовец исходило от Гродненского губернатора. 24 марта 1910 г. Белостокский уездный исправник Покровский пригласил депутатов от войск гарнизона Осовецкой крепости штабс-капитана артиллерии Сиркса, подполковника Осовецкого крепостного пехотного полка Калашникова и поручика Палицына. При отводе земель присутствовали Притулянский волостной старшина, Гониондзский мещанский староста, Овечковский и Довнарский сельские старосты. Своих уполномоченных прислали жители деревень Большая Крамковка, Малая Крамковка, Кулеши-Косовка, Довнары, Овечки. Понятыми на отводе земли под стрельбище в 1910 г. от деревни Жодзь выступили Казимир и Павел Каленовские. Депутаты гарнизона очертили этот участок земли в следующих границах. Он занял пространство от шоссе из крепости в Кнышин (южный фронт крепости Осовец) до опушки Довнарского леса и крестьянского двора Пухальского, а также имения Соколий Гронд и дома лесника Брамулы. Заканчивался участок между деревней Устьянок и Ломженским шоссе [4, л. 7 об.]. Разрядность и качество отводимой земли существенно не изменились на протяжении всего рассматриваемого периода. В 1910 г. стрельбы пехотного полка производились с 24 апреля по 20 июля, а крепостной артиллерии с 5 марта по 1 октября. 23 сентября 1910 г. командир крепостной артиллерии и глава крепостного артиллерийского управления генерал-майор Шемшурин отрапортовал гродненскому губернатору об окончании артиллерийских учений [4, л. 9].

В 1911 г. возникла необходимость дополнительного отвода земли для увеличения площади имеющегося стрельбища Осовецкой крепостной артиллерии и 61-го пехотного Владимирского полка. Перелеты артиллерийских снарядов за зону оцепления создавали угрозу для дислоцировавшихся в 1,5 верстах от стрельбища пехотных частей. Поэтому решили дополнительно присоединить к стрельбищу участок, состоящий из двух частей.

Первая часть площадью 50 кв. десятин расположена слева от Ломжинского шоссе в следующих направлениях. С юго-запада от пересечения Ломжинского шоссе с дорогой и из фольварка Наддавок в деревню Устянок. С востока эта часть участка ограничена дорогой от деревни Устянок до Ломжинского шоссе, а с северо-запада – Ломжинским шоссе. Песчаная почва здесь покрыта редким молодым сосняком и можжевельником. Находится эта земля в собственности жителей г. Гониондза и деревень Гузы, Шафранки, Овечки и Довнары [3, л. 7].

Вторая часть отводимого участка (230 кв. десятин) на западе находится: 1) между рекой Бобр, фортом № 3 и фольварком Наддавок; 2) на южном направлении между дорогой от фольварка Наддавок до пересечения дорог из фольварка Наддавок в деревню Устянок; 3) от шоссе и Ломжинского шоссе до форта № 3 – на востоке. Земля эта делится в свою очередь еще на две половины: а) восточную – долина реки Бобр – сенокосный заливной луг и б) западную – от долины реки Бобр до шоссе и (песчаная, поросшая преимущественно можжевельником, а также редким молодым сосновым лесом). Восточная половина второго участка принадлежит жителям г. Гониондз и деревень Гузы, Шафранки, Довнары и Овечки на праве общего пользования. Западная половина луга – долина реки Бобр (120 кв. десятин) принадлежит жителям деревень Рыбаки, Гузы, Шафранки, Довнары, Овечки, Кулеши-Косовка, Милево, Богуши, Писанки и Мрочки, а также владельцу имения Мрочки Генриху Гарабурде (15 десятин). Кроме того, у проживающего в деревне Довнары Антона Заковича находится в собственности 5,5 десятин, у Савелия Жишковского 7 десятин, Феликс Гаевский владеет 3 десятинами, а у жителя деревни Овечки Антона Ксаверьева Жебульского – 9,5 десятин. Остальные владельцы размер принадлежащего им луга указать затруднились [3, л. 7 об.].

Законность производившегося отвода дополнительного участка земли под стрельбище в 1911 г. удостоверяли пристав 4-го стана Белостокского уезда Колбышевский, а также приглашенные согласно предписанию Белостокского уездного исправника 2 мая 1911 г. депутаты от войск гарнизона Осовецкой крепостной артиллерии подпоручик Н. М. Лозинский и капитан 61-го пехотного Владимирского полка П. Г. Антонович. На составлении окончательного варианта акта 18 мая присутствовали Притулянский волостной старшина, мещанские и сельские старосты Гониондзский, Шафранковский, Овечковский, Довнарский и Мало Крамковский, уполномоченные от деревень Кулеши-Косовка, Довнары, Богушки,

Гузы, Овечки, Рыбаки и Шафранки и понятые крестьян деревни Малой Крамковки Адам Казимиров Цибаровский и Иван Адамов Неславский [3, л. 7].

В 1912 г. списочный состав лиц, привлеченных Гродненским губернским распорядительным комитетом для процедуры отвода земли, существенно изменился. По предписанию губернатора, сделанного 4 апреля 1912 г., Белостокский уездный исправник Жигулин пригласил в качестве депутатов от войск гарнизона Осовецкой крепостной артиллерии поручика Кучеровского и от 61-го пехотного Владимирского полка капитана Антоновича, а также заведующего оружием коллежского регистратора Пирожкова. От крестьянского общественного управления присутствовал Притулянский волостной старшина Петр Яблонский. В отводе земли участвовали шафранковский сельский староста Антон Гибульский и малограмковский Матвей Иванчевский. Привлекли также уполномоченных от деревни Кулеши-Косовка Войтеха Кулеша, деревни Довнары Осипа Жишковского, Феликса Гаевского, деревни Гузы Константина Потоцкого, Адама Гадомского, деревни Овечек Андрея Митросевского, деревни Шафранки Осипа Гржимковского, деревни Большая Крамковка Владислава Крамковского, Франца Собочинского, Малой Крамковки Ивана Неславского, урочища Соколий-Гронд Болеслава Фельтовича и заштатного г. Гониондза Ивана Потоцкого и Антона Коссаковского [1, л. 2].

Общее расположение этого участка по акту 12 апреля 1912 г. было определено в следующих границах. Впереди южного фронта крепости Осовец, далее между шоссе из крепости в Кнышин и опушкой Довнарского леса, крестьянским двором Пухальского, Соколим Грондом, домом лесника Бромуды с одной стороны, деревни Устьянок, линией от деревни Устьянок на северную окраину фольварка Наддавен и реки Бобр до Шведского форта – с другой стороны. Общая площадь стрельбища в 1912 г. увеличилась до 1630 кв. десятин. Из общего объема временно отчуждаемых крестьянских угодий только 2 десятины 500 кв. саженей составляет пахотная земля. В целом преобладают болотные сенокосы 297 десятин 125 кв. саженей и пастбище плохого качества с торфяной кочковатой поверхностью – 271 десятина 1035 кв. саженей. Затем в структуре земли отводимой под стрельбище располагается смешанный лес (25 десятин 2015 кв. саженей) и лиственный (кустарниковый) лес 26 десятин 280 кв. саженей. Под песками и канавами находится 24 десятины 280 кв. саженей [2, л. 2 об.]. В границах 1912 г. под артиллерийским стрельбищем оказалось и т.н. «Довнарское болото» длиной

две версты и шириной примерно одну версту, занимающее территорию от Кнышинского шоссе до дома Пухальского и от Шведского форта до Довнарской дороги. Это болотно-торфяное пастбище принадлежит мещанам заштатного г. Гониондз, а также деревень Довнары и Овечки.

Боевые стрельбы 1912 г. оказались самыми продолжительными за всю историю наблюдений. Они велись в течение всей осени и в декабре 1912 г., захватив также январь 1913 г. 12 февраля 1913 г. Осовецкая крепостная артиллерия и 61-й пехотный Владимирский полк прекратили тренировки в условиях мирного времени [1, л. 9].

Таким образом, процесс формирования стрельбища и полигона крепости Осовец имел свою специфику: по свидетельству архивных источников он начался не в одно время с закладкой первых фортов, а значительно позже – в начале XX в. Если на начальном этапе (с 1901 по 1910 гг.) артиллерия крепости Осовец и гарнизонный пехотный полк вели стрельбы на пространстве в 647 кв. десятин, то с 1911 г. площадь полигона увеличилась примерно в 2,5 раза. Накануне Первой мировой войны (1912–1913 гг.) заметно выросла продолжительность и интенсивность артиллерийской и пулевой стрельб. Как известно, в сентябре 1914 и феврале 1915 гг. гарнизон крепости Осовец выдержал серьезные бомбардировки германской осадной артиллерии, более полугода защищался и контратаковал противника, пережил немецкую газовую атаку и, не капитулировав, в итоге был эвакуирован. Далекое не последнюю роль в повышении эффективности обороны крепости сыграло непрерывное развитие ее военно-тренировочной базы, а также совершенствование боевых навыков гарнизона в условиях мирного довоенного времени.

Список использованных источников и литературы

- 1 Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 93. Оп. 1. Д. 74. Дело об оценке убытков, причиненных размещением стрельбища Осовецкой крепостной артиллерии и 61-го пехотного Владимирского полка на землях крестьян Белостокского уезда.
- 2 НИАБ в Гродно. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 12. Дело об оценке убытков, причиненных размещением стрельбища Осовецкой крепостной артиллерии и пехотного полка на землях крестьян деревень Довнары, Малая и Большая Крамковка, Овечки, Кулеши-Косовка, Вилямовка и Устьянок Белостокского уезда.
- 3 НИАБ в Гродно. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 32. Дело об оценке убытков, причиненных размещением стрельбища Осовецкого гарнизона на землях

крэстьян деревень Гузы, Шафранки, Довнары, Большая и Малая Крамковка, Овечки Белостокского уезда и жителей заштатного города Гониондз того же уезда.

4 НИАБ в Гродно. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 43. Дело об оценке убытков, причиненных размещением стрельбища войск Осовецкой крепости на землях заштатного города Гониондз Белостокского уезда и крестьян деревни Овечки, Довнары и другие того же уезда.

УДК 94(476)

М. М. Кароль

(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

МІЖКАНФЕСІЙНЫЯ КАНВЕРСІІ Ў 60-Я ГАДЫ XIX СТАГОДДЗЯ: САЦЫЯЛЬНАЕ АБЛІЧЧА «ЎПАРТЫХ»

Пасля далучэння тэрыторыі Беларусі да Расійскай імперыі ў выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай перад расійскім урадам шмат разоў паўставала праблема поліканфесійнага характару насельніцтва далучаных тэрыторый. Працэс яе вырашэння не насіў строга сістэмнага характару, часта яго формы, стратэгія і інтэнсіўнасць залежылі ад палітыкі цэнтральнай улады, агульнай сітуацыі ў рэгіёне, дзейнасці генерал-губернатара або іншых прадстаўнікоў адміністрацыі на месцах. Аднак у агульным плане рэлігійныя супярэчнасці вырашаліся ў рэчышчы палітыкі ўніфікацыі насельніцтва ўсёй імперыі, якую ажыццяўляў расійскі імперскі ўрад.

Масавы перавод насельніцтва беларускіх губерняў у праваслаўе з'яўляўся складовай часткай гэтай кампаніі, найбольш значнай падзеяй у якой была канчатковая ліквідацыя ўніяцкай царквы ў 1839 г. Другая хваля масавых пераводаў пачалася пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. За перыяд з 1863 г. па ліпень 1866 г., калі пасаду віленскага генерал-губернатара займалі Міхаіл Мураўёў і Канстанцін фон Кауфман, толькі ў Мінскай губерні ў праваслаўе было пераведзена больш за 10 тыс. чалавек, а па ўсіх беларускіх губернях – больш за 42 тыс. [7, с. 63]. Паводле «Атласа народонаселення Западно-Русского края по исповеданиям» Аляксандра Рыціха, колькасць праваслаўных і рымска-каталіцкіх прыходаў па Мінскай губерні паводле стану на 1864 г. складала адпаведна 528 і 89 [2]. Нягледзячы на тое, што статыстычныя дадзеныя, сабраныя афіцэрамі Генеральнага штаба ў пачатку 60-х гг. XIX ст. і пакладзеныя ў аснову «Атласа народонаселення Западно-

Русского края по исповеданиям» былі не вельмі дакладнымі, можна прасачыць выразную тэндэнцыю змянення колькаснага складу веруючых. Калі ў пачатку 1860-х гг. на тэрыторыі беларускіх губерняў (Віцебскай, Гродзенскай, Магілёўскай, Мінскай) было 2383000 праваслаўных і 726200 каталікоў, то ў канцы XIX ст. прасочваецца відавочнае павелічэнне колькасці праваслаўных. У адпаведнасці з перапісам 1897 г., колькасць праваслаўных вернікаў павялічылася да 4766000 чалавек, а каталікоў налічвалася 1011800 чалавек [6, с. 180].

Нягледзячы на такія буйныя лічбы, расійскія ўлады і праваслаўная царква сутыкнуліся з актыўным супраціўленнем насельніцтва беларускіх губерняў пераводу ў праваслаўе. Асноўная праблема заключалася ў тым, што пры вонкавай згодзе на пераход, «новадалучаныя» (пераважна гэта тычыцца беларускага сялянства, на якое расійскім урадам ускладаліся асноўныя спадзяванні ў справе «абрусення краю») адмаўлялася выконваць сакральныя таемствы паводле праваслаўнага абраду, а ў некаторых выпадках нават падавала скаргі з абвінавачваннямі ўлад у прымусовым пераводзе з каталіцтва. У афіцыйных перапісках такіх людзей часта называлі «ўпартымі ў лацінстве».

Выпадкі супраціўлення насельніцтва беларускіх губерняў можна класіфікаваць у адпаведнасці з шэрагам крытэрыяў. Адзначым, што ў першую чаргу, сяляне выкарыстоўвалі негвалтоўныя формы супраціўлення, а не актыўныя, такія як арганізаванае непадпарадкаванне і ўзброеная барацьба.

Перадусім, такія выпадкі можна ўмоўна падзяліць паводле таго, хто з'яўляўся ініцыятарам прыцягнення ўвагі да рэлігійнага жыцця пераведзеных у праваслаўе. Часцей за ўсё ініцыятарамі справы аб вяртанні з праваслаўя ў каталіцызм выступалі самі «новадалучаныя», але напісаць скаргу на неналежнае выкананне абрадаў праваслаўнай царквы мог мясцовы святар або прадстаўнікі расійскай адміністрацыі на месцах.

Таксама справы аб супраціўленні могуць адрознівацца па колькасці ўдзельнікаў. Адпаведна маглі назірацца адзіночная нязгода, супраціўленне ў межах адной сям'і (як у сінхронным зрэзе – члены роду ў пэўны прамежак часу, так і ў дыяхраніі, калі некалькі пакаленняў адной сям'і адстойвалі ўласную рэлігійную ідэнтычнасць) або калектыўны пратэст, калі ў непадпарадкаванні былі задзейнічаны жыхары вёскі, асобнага прыходу ці нават цэлай воласці.

Па саслоўнай прыналежнасці склад жадаючых вярнуцца ў каталіцызм таксама быў разнастайным і неаднародным. Самай шматлікай групай было, зразумела, сялянства, але выпадкі

супраціўлення сустракаюцца ў той ці іншай ступені і з боку іншых саслоўяў. Гэта мяшчане, аднадворцы і дэкласаваная шляхта і, радзей, дваране.

Неабходна адзначыць яшчэ складаную канфесійную сітуацыю на тэрыторыі беларускіх губерняў у другой палове XIX ст., якая была абумоўлена ліквідацыяй уніі ў 1839 г. У выніку у фармальна адзінай праваслаўнай царкве ў Беларусі пасля 1839 г. ўтварыліся дзве выразна акрэсленыя плыні – новадалучаныя і «древлеправославныя». Недавер і нават варожасць паміж гэтымі групамі захоўваліся на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў. Генерал-маёр П. М. Меер яшчэ ў 1861 г. ацэньваючы надзейнасць праваслаўнага насельніцтва Мінскай губерні адзначаў: «Из 469 приходов – воссоединенных из унии 283, древлеправославных 186, то есть униатов более 427 тысяч, православных до 281 тысячи» [3, арк. 5].

Таму паводле рэлігійнай прыналежнасці і самасвядомасці нязгодныя далучацца да праваслаўя ў 60-ыя – 90-ыя гг. XIX ст. натуральна былі каталікамі, але да скасавання ўніі 1839 г. частка з іх (або іх продкаў) магла быць уніятамі, якія насуперак афіцыйнай палітыцы здолелі прыпісацца да каталіцкага, а не праваслаўнага веравызнання.

Па стратэгіі паводзін удзельнікаў руху за вяртанне ў каталіцызм умоўна варта падзяліць на «ахвяраў», актыўных праціўнікаў і падбухторшчыкаў. «Ахвяры» – гэта людзі, якіх прымуова перавялі ў праваслаўе, але яны спрабавалі вярнуцца ў ранейшае веравызнанне пры дапамозе прашэнняў, скаргаў, метадаў пасіўнага супраціўлення (ігнараванне набажэнстваў і таемстваў у царкве, таемнае наведванне касцёла, выкананне каталіцкіх абрадаў), але не ўступалі ў адкрыты канфлікт з прадстаўнікамі расійскай адміністрацыі. У сваю чаргу, актыўныя праціўнікі (іх было няшмат) выразна і адкрыта (часам у грубай форме) артыкулявалі ўласную нязгоду. Падбухторшчыкамі (нярэдка не столькі рэальнымі, колькі ўяўнымі – у вачах расійскай адміністрацыі) да супраціўлення пераводу ў праваслаўе меліся быць ксяндзы, памешчыкі, нават простыя мяшчане і сяляне, якія карысталіся павагай і аўтарытэтам у грамадстве, а таксама любыя адукаваныя людзі, здольныя скласці прашэнне з просьбай дазволіць вяртанне ў каталіцызм [4, с. 244].

Па абставінах супраціву ён мог быць рэакцыяй на закрыццё касцёла і перавод парафіі ў праваслаўе (разам з ксяндзом або без). Так адбылося пры закрыцці касцёла ў мястэчку Ляхавічы Слуцкага павета. Мясцовы ксёндз Анзэльм Гірдойн у 1866 г. прыняў праваслаўе і, не запытваючы меркавання сваіх парафіян, перавёў іх таксама ва ўсходні абрад [1, арк. 6]. Прадстаўнікі расійскай

адміністрацыі (у прыватнасці, апыкун Віленскай навучальнай акругі І. Карнілаў) імкнуліся падкрэсліць добраахвотныя памкненні ляхавіцкіх сялян да праваслаўя [5, с. 330], але наступная іх рэакцыя на далучэнне гаворыць аб адваротным. У будучым гэта выклікала вялікае незадавальненне вернікаў, якія на працягу дзесяцігоддзяў працягвалі пісаць скаргі і прашэнні на імя мінскага губернатара з просьбамі дазволіць ім вярнуцца ў каліцызм.

Яшчэ адной формай негвалтоўнага супраціўлення была нязгода заставацца ў праваслаўі пасля фармальнага яго прыняцця. Адзначым, што расійская адміністрацыя і праваслаўная царква пільна сачылі за асобамі, якія перайшлі ў праваслаўе. За «новадалучанымі» ўсталёўваўся пастырскі нагляд для праверкі належнага выканання абрадаў. Такі недавер праваслаўнай царквы да сваіх новых вернікаў быў выкліканы тым, што некаторыя новаахрышчаныя сяляне, нягледзячы на тое, што першапачаткова выказвалі намер далучыцца да праваслаўя, далей за вуснае жаданне не ішлі і не прымалі неабходных таемстваў: не з'яўляліся да святога прычасця і споведзі альбо адмаўляліся ад раней напісанай распіскі аб пераходзе ў праваслаўе, абгрунтоўваючы гэта тым, што распіска была імі падпісана пад прымусам і з пагрозамі з боку службовых асоб. Пад падазрэннем у парушэннях пры выкананні абрадаў знаходзіліся ўсе, хто перайшоў у гэты час з каталіцтва ў праваслаўе, незалежна ад таго, выконвалі яны праваслаўныя абрады альбо публічна адмаўляліся гэта рабіць. Пры гэтым афіцыйна праваслаўная царква прытрымлівалася пазіцыі, што перавод павінен быў праводзіцца выключна добраахвотным шляхам, аднак на практыцы гэта часта не выконвалася.

У сваім сацыяльным абліччы «ўпартыя» не з'яўляліся аднароднай супольнасцю. Нягледзячы на колькасную перавагу сялян сярод іх, нязгоду на ўмяшанне ў справы іх канфесійнай прыналежнасці выказвалі і прадстаўнікі іншых саслоўяў. Таксама дастаткова разнастайнымі былі спосабы і стратэгіі захавання ранейшай канфесійнай ідэнтычнасці ва ўмовах уціску з боку свецкіх і царкоўных улад – ад таёмнага выканання каталіцкіх абрадаў да адкрытага і дзёрзкага непадпарадкавання, якое, праўда, назіралася істотна радзей.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

- 1 Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 3695. Прашэнні розных асоб аб дазvole вызнаваць каталіцызм 19.08.1881 – 10.07.1882.

- 2 НГАБ. – Ф. 309. Воп. 2. Спр. 113. Атлас Северо-Западной Руси (по вероисповеданиям). 1864 г.
- 3 НГАБ. – Ф. 1418. Воп. 2. Спр. 1. Лісты генерала П. М. Меера да П. А. Валуева і мінскага архіепакапа. Адказы на яго лісты. Нататка аб працы камісіі. 1861 – 1863 гг.
- 4 Кароль, М. М. Супраціўленне пераводу ў праваслаўе каталіцкага насельніцтва беларускіх губерняў пасля паўстання 1863–1864 гг. : дзейнасць «падбухторшчыкаў» і рэакцыя улад / М. М. Кароль // *Архіварыўс : зб. навук. паведамленняў і артык.* – Вып. 15. – Мінск : НГАБ, 2017. – С. 233–247.
- 5 Пятчыц, А. Пашырэнне праваслаўя ў Беларусі ў сярэдзіне – другой палове XIX ст. / А. Пятчыц // *Беларускі гістарычны агляд.* – Т. 7. – Сш. 2 (13) – 2000. – С. 327–350.
- 6 *Гісторыя Беларусі : У 6 т. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)* / М. В. Біч [і інш.]; рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2005. – 519 с.
- 7 Самбук, С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / С. М. Самбук. – Минск : Наука и техника, 1980. – 221 с.

УДК 94(476)

Д. Г. Корсаков

(Могилев, УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАЗНОГО ОТРЯДА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ О СЛЕПЫХ В ПИНСКОМ УЕЗДЕ В 1900 ГОДУ

Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых (далее Попечительство – *Д.К.*) было первой в Российской империи благотворительной организацией, целенаправленно занимавшейся помощью слепым. Попечительство возникло в 1881 г. с целью оказывать помощь солдатам, потерявшим зрение на русско-турецкой войне 1877–1878 гг., но постепенно стало решать различные вопросы, связанные с помощью всем потерявшим зрение подданным империи [1]. Руководящим органом Попечительства был Главный комитет, который находился в Санкт-Петербурге. Во многих крупных городах империи создавались местные отделения. Своими главными задачами руководство организации считало лечение и предупреждение заболеваний глаз, а также обучение слепых, поэтому,

при местных отделениях открывались приюты, школы, больницы и другие заведения.

В белорусских губерниях Российской империи отделения Попечительства действовали в Минске, Гродно и Вильно.

Минское отделение начало работать в 1897 г. При нем действовала первая на белорусских землях школа для слепых мальчиков, в которой воспитанников обучали не только грамоте, но также ремеслам (плетение корзин, изготовление щеток, ремонт обуви) и пению, что позволяло им добывать средства к существованию после выпуска из училища [2, с. 8–12].

Также в 1897 г. открыло свою деятельность отделение в Гродно, однако оно не располагало средствами, достаточными для открытия какого-либо учреждения. Поэтому его руководство занималось только сбором пожертвований и выдачей пособий [5, с. 60–61].

Виленское отделение было открыто в 1898 г. Главной целью его руководство видело лечение и борьбу с распространением заболеваний глаз. Поэтому при отделении действовала глазная лечебница с амбулаторией и аптекой при ней. Врачи лечебницы оказывали медицинскую помощь жителям Виленской и сопредельных губерний [4, с. 4–5].

Еще одной формой работы Попечительства, направленной на борьбу с заболеваниями глаз, была отправка т.н. «летучих глазных отрядов» в сельские районы империи. В 1900 г. такой глазной отряд прибыл в Пинский уезд по ходатайству минского губернатора генерал-лейтенанта князя Н. Н. Трубетского. Анализ отчета о работе этого отряда дает нам представление о такой форме работы.

Первоначально отряд состоял из трех человек: доктора медицины Я. В. Зеленковского (руководитель), врача Н. К. Розенберга и студента Военно-морской академии И. И. Козаса (за время работы состав менялся, весь срок работал только Зеленковский). Основными пунктами деятельности отряда были город Пинск и местечко Любешов.

В Пинске отряд работал на базе местной больницы, где врачам предоставили помещения для организации операционной, офтальмологической и амбулатории, а также одной мужской на 25 мест и 2 женских по 22 места палат. Для нужд отряда были также предоставлены фельдшеры, сиделки, писари и сторожа. Кроме того, две местные еврейские больницы отвели у себя палаты для лечения евреев. Примечательно, что все стационарные больные обслуживались бесплатно, расходы на их содержание (3,5 копейки в сутки), медикаменты и перевязочный материал взяло на себя Попечительство о слепых.

Помощь в работе отряду оказывал заведующий больницей А. И. Шпилевский. В Пинск из разных уездов Минской губернии приехали многие вольнопрактикующие врачи, которые хотели получить новые знания и опыт в лечении глазных заболеваний.

Относительно количества принятых посетителей в отчете отмечено, что в первые дни работы отряда в Пинске принимали по 250–300 человек в день, затем посетителей стало меньше. Всего за время работы в Пинске (с 4 июня по 27 июля) врачами отряда было принято 3312 больных (из них 149 получили стационарное лечение), были проведены 381 крупных и 175 малых операций [3, с. 3–5].

30 июля отряд перенес свою деятельность в местечко Любешов в 100 верстах от Пинска (ныне территория Украины). Наплыв больных был здесь значительно меньше. Зеленковский связывал это с тем, что большинство желающих уже посетили отряд, когда он работал в Пинске, а также с тем, что в это время большинство крестьян было занято на полевых работах.

В Любешове помощь Зеленковскому оказывали местный сельский врач К. М. Благодосклонов и четыре фельдшера. В местной больнице были оборудованы амбулатория, офтальмологическая и палата для размещения стационарных больных. За время работы отряда в местечке (с 30 июля по 11 августа) было принято 294 человека, сделано 27 крупных и 5 малых операций.

Таким образом, за 67 дней работы отряда было принято 3606 больных. Большинство пациентов были уроженцами Пинского уезда, но были также выходцы из Минского и Слуцкого уездов Минской губернии и Кобринского уезда Гродненской губернии. По социальному происхождению большинство пациентов были выходцами из мещан (2317) и крестьян (1127), также были выходцы из дворян, духовенства и разночинцы. По вероисповеданию большинство пациентов составляли иудеи (2072), довольно большую группу составляли православные (1342), а также небольшое количество католиков (192) [3, с. 8–10]. Эти пропорции вполне соответствуют социально-конфессиональному составу населения Пинского уезда в то время.

Среди болезней, которые диагностировали врачи отряда, более всего были распространены заболевания век (трахома, воспаления, отеки, нарывы, ячмень), также были широко распространены заболевания роговой оболочки глаза, хрусталика (катаракта), зрительного нерва и глазных мышц. Во многих случаях врачам удавалось восстановить больным зрение до нормального состояния.

При этом Зеленковский указывает, что больше всего заболевания, связанные с воспалением век, распространены среди представителей

еврейского населения. Причину этого он видел в плохой гигиене, а также «племенной предрасположенности» евреев к этому виду заболеваний.

За время работы отряда были зафиксированы случаи необычных заболеваний глаз, например, один случай смещения зрачка, один случай двойственного зрачка и два случая врожденного безглазия (т.н. анофтальмический синдром) [3, с. 11–12].

Зеленковский отмечал, что в Пинском уезде нет ни одного врача (из тех, с кем он работал), кто бы специализировался на лечении и оперировании глазных заболеваний. Поэтому пациенты вынуждены ехать в соседние крупные города.

В Пинском уезде отрядом было выявлено 192 полностью слепых пациента, из которых только 116 были неизлечимы. При этом нередко причиной слепоты были перенесенные венерические заболевания, в частности, сифилис, который был широко распространен в Минской губернии. По мнению Зеленковского, это относительно небольшая распространенность слепоты, но при этом врач отмечает, что, вероятнее всего, не все слепцы уезда явились на осмотр. Причину этого он видит в недоверии к медицине вообще, а также невежестве и суевериях, широко распространенных среди местного населения.

В качестве яркой иллюстрации невежественности местного населения в отчете Зеленковского приводится убежденность крестьян в том, что можно «оттянуть» (отвлечь) одно заболевание, если у человека уже имеется какой-то иной недуг. Например, в Полесье распространено поверье, что можно «оттянуть» заболевания, в том числе и глазные, если завести у себя колтун: «заболевший крестьянин не стрижется и не моется, не чешет голову, а иногда специально смазывает голову липким веществом (например, медом), чтобы там образовался колтун. Колтуны в Полесье попадаются ужасающих размеров» [3, с. 16]. Зеленковский сообщает, что к нему на прием явилось не менее двадцати слепцов с колтунами, остричь которые ни один из них не согласился, ссылаясь на то, что это приведет к ухудшению здоровья. Двое, услышав о намерении врачей остричь колтун, вовсе отказались от дальнейшего медицинского обслуживания. С учетом этого фактора Зеленковский сделал вывод, что его данные едва ли отражают реальное состояние распространения слепоты в Пинском уезде и на самом деле слепцов гораздо больше.

В подтверждение своих слов он приводил выдержки из заметок о полесских слепцах, опубликованных в специализированных печатных изданиях: журнале «Слепец» и газете «Свет» за 1899 г. Согласно данным заметок, слепцы на Полесье «представляют собой особое

явление, которые вряд ли встречается где-то еще. Здесь есть целые поселки слепцов. Полесские слепцы не «жабруют», т.е. не нищенствуют, как в других местах, а живут своим хозяйством, занимаются земледелием и ручным трудом, в большинстве они семейные люди и ведут жизнь трезвую и порядочную. В свободное время развлекаются пением религиозных песен и игрой на бандурах. Отличаются нравственностью и религиозным усердием. В каждом поселке слепцов есть свои особо почитаемые святые, в честь которых устраиваются празднества. На празднества приглашаются и посторонние, т.е. зрячие крестьяне, которые, как правило, приносят им угощения и подарки, а слепцы взамен развлекают их пением и музыкой. Нередко крестьяне приглашают слепцов на свои праздники в качестве музыкантов, что является для последних еще и возможностью заработать. Иногда слепцы группами по три-четыре человека путешествуют по окрестностям, посещают ярмарки и базары, где развлекают людей» [3, с. 17–18].

Таким образом, возникала картина хорошо обустроенной жизни слепцов на Полесье, которые живут, «не особенно тяготясь своим несчастьем». Однако Зеленковский посчитал такую картину жизни слепцов на Полесье идеализированной, по его мнению, она как раз свидетельствовала о распространенности глазных заболеваний.

Деятельность Попечительства императрицы Марии о слепых заложила основы социальной помощи слепым в России и на белорусских землях. Деятельность глазных отрядов имела важное значение, поскольку позволяла получить медицинскую помощь жителям отдаленных регионов, а также способствовало популяризации медицинских знаний. Однако временно действующие летучие отряды не могли полностью обеспечить потребность населения в медицинских услугах и заменить собой постоянно действующие пункты медицинской помощи.

Список использованных источников и литературы

- 1 Левин Н. Ф. Попечительство о слепых / Н.Ф. Левин [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pskoviana.ru/istoriya/persony/142-85-let-n-f-levinu/1181-levin-n-f-popechitelstvo-o-slepykh> – Дата доступа: 17.03.2019
- 2 Отчет Минского отделения попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых за 1906 г. – Минск : типо-литография И. и В. Тасьман, 1907. – 23 с.
- 3 Отчет о деятельности глазного отряда попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых в Пинском уезде Минской губернии в 1900 г. – СПб. : типогр. И. Н. Скороходова, 1900. – 18 с.

- 4 Отчет о деятельности состоящего под Августейшим покровительством её императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны Виленского отделения попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых за 1901 г. – Вильно : типогр. «Русский почин», 1902. – 65 с.
- 5 Шимукович, С. Ф. Благотворительность в Беларуси в конце XIX–начале XX в. / С. Ф. Шимукович. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. – 188 с.

УДК 94:323.2(476.2)"192"

А. Д. Лебедев

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

СЛУХИ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В БЕЛОРУССКОМ СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1920–1930-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ)

Во всем многообразии исторических источников исследователи в последнее время все чаще и чаще обращают внимание на такой, казалось бы, экзотический тип источника, как слухи, циркулирующие среди населения разных эпох. Исследованием данного аспекта активно занимаются историки, фольклористы, социологи. Тому подтверждением обширная литература [1; 2; 3; 4].

В условиях советского тоталитарного режима, отсутствия реальной свободы слова и свободы прессы, слухи являлись не только своего рода «отдушиной», но и каналом свободной передачи информации, новостей, площадкой для обсуждения актуальных и злободневных тем. Понятно, что в условиях недостатка объективной информации о жизни в стране, люди были вынуждены многие вещи додумывать, фантазировать и как результат: слухи содержат порой нелепые досужие домыслы.

По мнению Ш. Фицпатрик «советская власть опасалась позволять гражданам бесконтрольно выражать на людях свое мнение по вопросам государственной важности. В то же время ей чрезвычайно хотелось знать, что думает народ» [5, с. 197]. Непосредственную работу по сбору и систематизации слухов проводила советская тайная полиция ГПУ-НКВД. Зафиксированные через осведомителей и доносчиков слухи в изобилии отложились в информационных сводках ГПУ-НКВД.

Исследуя слухи, исследователь неизбежно сталкивается с дилеммой: к какой же группе исторических источников их отнести? С одной стороны слухи по сути это фольклор. Но с другой стороны, слухи массово отложились в информационных сводках ГПУ-НКВД, а последние являются материалами делопроизводства и относятся к документальным источникам. Целые разделы сводок были озаглавлены как «настроения», «распространение провокационных слухов» и т.д.

Пожалуй, одной из самых часто обсуждаемых тем среди обывателей Гомельщины была война. Она равномерно присутствует на протяжении всего периода 1920-х – 1930-х гг. Ее появление было не удивительно, т.к. общество жило в состоянии войны с 1914 г. по 1920 г. Наконец, официальная партийная пропаганда даже в условиях мирного времени постоянно подогревала и муссировала тему войны, создавая образы «осажденной крепости», «враждебного капиталистического окружения», «мирового пожара» и пр.

Причем, местное население ожидало не просто войны, а смены существующей власти. Так в 1930 г. житель Березовского национального немецкого сельсовета в Мозырском округе «среди населения распространял слухи, что скоро должна быть война, а с нею и переворот существующего строя» [6, с. 271].

Подобные настроения были связаны с недовольством высокими налогами и, соответственно, низким уровнем жизни. Даже в 1925 г., в разгар относительно либерального НЭПа, по Гомельской губернии ГПУ фиксировало следующие настроения: «за 7 лет существования Советской власти крестьяне от неё кроме налогов ничего не видели», «Если положить на весы Николаевский [царский – А.Л.] режим и советскую свободу, то получится тяжелее. При Николае крестьянин платил налогу 7 рублей, а теперь платит 70 пудов ржи» [7, л. 65, 67, 75, 251].

Понятно, что после проведения насильственной коллективизации жизнь в деревне не улучшилась. В 1936 г., ударница колхоза «Белорусский коммунар» в Житковичском районе, Татьяна Черноголовая, обратилась к председателю «с просьбой оказать ей материальную помощь, т.к. у нее на иждивении 3 детей и она не имеет хлеба, кроме этого, Черноголовая просила произвести с ней расчет за 1935 г. <...> по трудодням». В ответ председатель сказал следующее: «Суши мох, кушай верес и корми этим своих детей» [8, л. 162-165].

Под впечатлением от жизни в колхозах крестьяне не просто ждали войны и смены власти, многие из них мечтали о новой социальной революции и о восстановлении старых порядков.

В 1926–1927 гг. Польское Бюро ЦК КП(б)Б изучив настроения польского населения БССР отмечало, что «что зажиточные элементы распространяли слухи, что возникновение войны и приход белополяков вопрос ближайших дней, в тоже время угрожая бедноте расправой за раздел земли в случае прихода поляков» [9, л. 35–38]. Встревоженные антисоветскими настроениями партийные чиновники приняли решение о необходимости «усиления среди польнаселения работы по всем линиям, а главным образом по линии экономической помощи бедноте, по линии разъяснения международной ситуации, роли Польши в подготавливаемой войне, внутреннего положения в Польше» [9, л. 35–38].

Аналогичная ситуация была зафиксирована ГПУ в Речицком районе Гомельского округа в 1929 г., где по данным спецслужб местное кулачество распространяло «всевозможные ложные слухи о перемене власти и приходе поляков, кем запугивали бедняцкую часть населения» [10, с. 249].

Так, если в 1920-х гг. на роль «вероятного противника» в ожидаемой войне слухи называли Польшу, то в 1930-х гг. к кандидатам на роль освободителя от советской власти прибавилась еще и Германия. В 1936 г. Мозырский окружной отдел НКВД в Наровлянском, Ельском и Лельчицком районах фиксировал распространение «провокационных слухов о войне и захвате Германией части СССР» [6, с. 281]. Как показали дальнейшие события 1941 г. слухи оказались пророческими.

Никак не поменялась ситуация и в 1938 г., когда в Речице НКВД арестовал местную жительницу Пчицкую Павлину. Ее обвиняли в том, что она «проводила контрреволюционную агитацию, распространяла провокационные слухи о скорой войне и что Советский Союз в войне потерпит поражение, клеветала на коммунистов, восхваляла существующий строй в Польше <...> распространяла провокационные слухи о войне и гибели Советской власти» [10, с. 398].

Причем крестьяне не просто пассивно ожидали войну, но и надеялись принять самое активное участие в последующих событиях. В 1936 г. в Житковичском районе НКВД фиксировало следующие разговоры: «скорей бы война, тогда был бы момент, чтобы разойтись из колхоза и вернуть свое имущество», «если будет война, то я знаю на кого поднимать оружие, ибо советская власть выносит невозможные постановления, а колхозники с голоду умирают» [8, л. 162–165]. В 1933 г. в Рогачевском районе во время празднования 1 мая один из жителей п. Стан Тихиничского сельсовета и вовсе заявил: «дай Бог, что бы только поскорее началась

война, то я думаю, что в эту войну никто не станет защищать этой власти» [11, л. 24].

У сельского населения, кроме темы войны, не последнее место занимали и слухи, связанные с коллективизацией, в первую очередь на почве недовольства раскулачиванием, ссылками и жизнью в колхозах.

В 1930 г. Гомельский Окружной Отдел ГПУ в разделе сводки посвященном настроениям зафиксировал, что по округу «распространяются всевозможные провокационные слухи о скором начале войны, развале колхозов и проч., как например: в деревне Дворище Хойникского района сестра высланного кулака Пинчук Парасковья, крепкая середнячка, в группе женщин из восьми человек говорила: «колхозов скоро не будет и все что они забрали у моего брата колхоз отдаст обратно вдвое ...» [12, л. 174, 176, 183].

В 1936 г. Мозырский окружной отдел НКВД в спецсообщении по Житковичскому району отмечал, что «бригадир колхоза Серговицкий распространяет провокационные слухи о войне, говоря: «Из колхозов ничего не будет, скоро все погибнет, т.к. в колхозе люди только голодают, вот будет война и поляки заберут всю нашу территорию» [8, л. 162–165].

Аналогичные мысли среди рядовых колхозников были зафиксированы агентами НКВД, но уже квалифицированные не как «слухи», а как высказывания в беседе, например: «колхозники с голоду помирают», «зачем нам быть в колхозе», «мы теперь не хотим работать в колхозах, т.к. большинство из нас ходит голодными и босыми» и т.д. Таким образом, в понимании работников советских спецслужб разница между слухами и разговорами на бытовые темы была, в сущности, невелика.

Нередко слухи о жизни в колхозах приобретали самые нелепые и порой фантастические очертания. Так, в 1930 г. «в колхозе «Мархлевск» Хойникского р-на имеются слухи о том, что вблизи деревни Стреличево того же района устроена крутелка [так в тексте – *А.Л.*] для колхозников, где всех их вешают – крутят, а потом бросают в яму и жгут. Такие слухи распространяются на мельнице <...> в деревне Поселичи» [12, л. 151, 156, 157].

В 1929 г. по Гомельскому округу партийные чиновники среди верующих католиков фиксировали разговоры, «что коллективы, это дьявольские организации, что там будут бить розгами крестьян, как было при крепостном праве, что праздники и воскресенья там велят работать и целого ряда других слухов» [13, л. 246–247].

В следующем 1930 г. «в селе Хизы Ветковского района крепкий середняк Лапицкий Василий распространяет слухи, что

в Шейковском колхозе женщинам подстригают волосы и все спят вместе, не разбираясь со своей женой, или с чужой». Характерно, что в данном конкретном случае, эти домыслы имели серьезные последствия. Под впечатлением от услышанного сразу 20 семей вышли из местного колхоза заявив «что мы в колхоз не идем потому, что там придется всем спать под одним рядом» [12, л. 46–52]. И это не единственный случай воздействия слухов на поступки людей. В 1927 г. в Лельчицком районе Мозырского округа антисоветски настроенные слои населения использовали «слухи о войне, как средство отпугнуть молодежь и детей от общественных организаций и комсомола <...> в Лельчицком районе, где под влиянием ксендза взрослое население побросало [членские – А.Л.] билеты МОПР» [6, с. 205].

Безусловно, власти не могли оставаться безучастными и вынуждены были реагировать, особенно если речь шла о миграционных настроениях. В 1929 г. секретарь Округного комитета КП(б)Б отмечал, что «несмотря на неоднократные разъяснения до сих пор все еще распространяются слухи о возможности эмиграции в Америку и о якобы хороших условиях жизни там, в результате чего имеются факты организации групп крестьян (Брагинский, Комаринский, Чечерский районы), принимающих решительные шаги к выезду». Вынужденные реагировать местные власти рекомендовали «провезти ещё раз широкую разъяснительную работу на селе, указав на ложность подобных слухов и крайне тяжелое положение, в котором оказываются эмигранты, не находя работы» [14, л. 27].

Пожалуй, самым нестандартным и из ряда вон выходящим, был слух о «появлении черта в Гомеле» в 1925 г. В очередной информационной сводке работники ГПУ зафиксировали буквально следующее: «28–29, 30 и 31 января с.г. по всем предприятиям г. Гомеля среди рабочих циркулировали слухи, что «черт» пойман и находится в Гомеле и за показ его милиция берет 10 коп. Вечером 31 января сего года некоторые рабочие направлялись в парк имени Луначарского куда якобы милицией был приведет «черт» и он показывался за плату 10 коп. В толпе рабочих раздавались крики «черта» ведут толпа бросалась к указанному месту и ничего не находила. 31 января днем в Гомеле у рабочего союза строителей собралось около 100 человек рабочих в это время по улице проходила милиция в строю с музыкой, кто-то крикнул «черта ведут», и рабочие бросились, давя друг друга – смотреть. 1 февраля сего года на базаре среди толпы тоже раздавались выкрики «черта ведут» и толпа бросалась то в одну, то в другую сторону, давя друг друга. Кем-то

был пущен слух, что черт сидит в Горсовете, где его будут показывать сверх программы кинокартин. Публика толпилась целый день у горсовета, где в это время происходил пленум Губисполкома, и только вечером публика была разогнана милицией. Кем впервые стали распространяться слухи, не установлено» [15, л. 80, 81, 82].

Еще одна группа слухов, постоянно циркулировавших среди населения, связана с советской антирелигиозной политикой. Как правило это была реакция на закрытие церквей, репрессии в отношении верующих и т.д. В 1930 г. в отдельных районах Гомельского округа ГПУ фиксировало «слухи о том, что если церковь заберут под клуб, то она сгорит», а также «распространились ложные слухи о том, что всех верующих будут обкладывать в индивидуальном порядке, что создало паническое настроение, приведшее верующих к вынужденному отказу от посещения и содержания церкви» [12, л. 114–118].

Наконец, уроженка Гомеля А. Фальковская уже находясь в заключении в Темниковском лагере в 1936 г., обвинялась в распространении «провокационных слухов», в частности, она говорила, что «после проекта новой Конституции стали много сажать в тюрьмы и подвалы людей, в особенности верующих, которые посещают церкви и костелы, судят таковых по ст. 58 УК» [10, с. 374].

Таким образом, приведенные выше примеры свидетельствуют, что слухи представляли собой не просто досужие разговоры. Они отражают состояние и настроение общества, которое жило в атмосфере постоянной тревоги, страха и надежды на скорые перемены. Содержание большинства циркулирующих слухов четко свидетельствует о массовом распространении антисоветских настроений среди населения Гомельщины и о неприятии диктатуры большевиков.

Список использованных источников и литературы

- 1 Егоров, А. К. Слухи как объект исторического исследования / А. К. Егоров // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 7–10.
- 2 Слухи в истории России XIX – XX веков. Неформальная коммуникация и крутые повороты российской истории: сб. ст. / Под ред. И. В. Нарского [и др.]. – Челябинск : Каменный пояс, 2011. – 368 с.
- 3 Голубев, А. В. Крестьянские слухи и толки: источник или исследование? (на примере внешнеполитических представлений первой трети XX века) / А. В. Голубев // Актуальные проблемы аграрной Истории

восточной Европы X–XXI вв. Источники и методология исследования. Тез. докл. И сообщений. – М., 2010. – С. 102–103.

- 4 Горбатов, Д. С. Слухи в зарубежной социологии и социальной психологии: теоретические подходы / Д. С. Горбатов, С. Н. Большаков // Социологические исследования. – 2015. – № 7. – С. 98–107.
- 5 Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. / Ш. Фицпатрик. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 336 с.
- 6 Конфессии на Гомельщине (20-е – 30-е годы XX в.) / М. А. Алейникова, А. Д. Лебедев [и др.]; под ред. В. П. Пичукова. – Минск: НАРБ, 2013. – 388 с.
- 7 Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 2750.
- 8 ГАООГО. – Ф. 69. Оп. 3. Д. 16.
- 9 ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 393.
- 10 Костел и власть на Гомельщине (20е – 30-е годы XX в.) / А. Лебедев, В. Пичуков, С. Лясковски. – Варшава–Люблин–Гомель: IPN-IESW, 2009. – 470 с.
- 11 ГАООГО. – Ф. 154. Оп. 2а. Д. 77.
- 12 ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 714.
- 13 ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 114.
- 14 ГАООГО. – Ф. 3340. Оп. 1а. Д. 18.
- 15 ГАООГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1938.

УДК 94:322(438):2-9-67:272/273:274/278(476-15)"1921-1939"

Т. В. Лісоўская

(Брэст, УА «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт»)

УЗАЕМААДНОСІНЫ КАТОЛІКАЎ І ПРАТЭСТАНТАЎ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939) У КАНТЭКСТЕ РЭЛІГІЙНАЙ ПАЛІТЫКІ Польшчы

Міжканфесійныя камунікацыі ў поліканфесійным грамадстве Заходняй Беларусі гістарычна будаваліся па лініі «праваслаўныя – каталікі», якія ўскладняліся існаваннем этнаканфесійнай дыхатаміі «беларус/рускі – праваслаўны» і «паляк – каталік» і прэтэнзіямі кожнай з гэтых этнаканфесійных груп на выключную ідэнтыфікацыю з дадзенай тэрыторыяй. Рэлігійныя меньшасці былі прадстаўлены пераважна нацыянальным «прышлымі» групамі: іўдзеі-яўрэі, мусульмане – татары, лютэране/кальвіністы – нашчадкі нямецкіх

і галанскіх перасяленцаў. У канцы XIX – на пачатку XX ст. у беларускім грамадстве з’явіўся новы суб’ект міжрэлігійных камунікацый – познія пратэстанцкія рухі.

У складаных геапалітычных, эканамічных, соцыякультурных умовах пачатку XX ст. у грамадскай свядомасці актуалізуецца працэс вызначэння ўласнай ідэнтычнасці, у сувязі з чым узмацняецца патрэба ў размежаванні з іншымі сацыяльнымі групамі грамадства (у нашым выпадку – з новымі рэлігійнымі дэнамінацыямі). Таму у міжваенны перыяд успрымання позніх пратэстанцкіх рухаў і іх прыхільнікаў мясцовым насельніцтвам трэба разглядаць праз прызму сацыяльных міжкультурных узаемаадносін у катэгорыі «Мы» і «Яны» і «свой – іншы – чужы».

Міжрэлігійныя камунікацыі ў Заходняй Беларусі характарызаваліся рознымі тыпамі пабудовы міжрэлігійных камунікацый у плоскасці «Свае» – «Чужыя» (у якасці якіх выступалі пратэстанты): ад ўспрымання «Чужых» як ворагаў да талерантнага стаўлення і спроб ўключэння пратэстантаў у групу «Свае». Узаемаадносіны прадстаўнікоў розных канфесій і рэлігій з прадстаўнікамі познепратэстанцкіх дэнамінацый у міжваенны перыяд залежалі аб шэрага аб’ектыўных і суб’ектыўных фактараў.

Трэбы адзначыць, што міжканфесійныя камунікацыі ў перыяд 1921–1939 гг. ўскладняліся палітычнай сітуацыяй – нацыянальнай палітыкай польскіх уладаў, накіраванай на нацыянальную асіміляцыю далучаных тэрыторый. Рэлігійны фактар у дадзеным працэсе меў значную ролю. Антаганізм паміж тытульнай польскай нацыяй і нацыянальнымі меншасцямі спалучаўся з супрацьстаяннем рыма-каталіцкага касцёла і рэлігійных меншасцяў. Фаварызацыя касцёла, яго роля ў палітыцы дзяржаўнай асіміляцыі вялі да фарміравання палітыкі «акаталічваньня» і яжыццяўленню захадаў па ўзмацненню яго пазіцыі ў грамадстве, што знайшло адлюстраванне ў міжканфесійных адносінах на беларускай землях. Польскія ўлады спрыялі прыярытэтнаму развіццю рымска-каталіцкай царквы, асабліва пасля падпісання 10 лютага 1925 г. Канкардату паміж Ватыканам і Польшчай. Таму з’яўленне новых рэлігійных рухаў у Заходняй Беларусі выклікала неабходнасць суаднесці чыннік з’яўлення новага суб’екта рэлігійных адносін з інтарэсамі рыма-каталіцкага касцёла і дзяржаўнымі інтарэсамі.

Было зазначана, што рост нэапратэстанцкіх суполак праходзіў за кошт праваслаўнага насельніцтва, што адпавядала палітыцы памяншэння ўплыву праваслаўя ва ўсходніх ваяводствах. У той жа час, рост рэлігійных меншасцяў мог стаць фактарам узмацнення

нацыянальных меншасцяў. Аднак цеснае ўзаемадзеянне польскага ўрада з РКК, канцэпцыя нацыянальнай асіміляцыі, у якой прынцып «акаталічваньня» граў вырашальную ролю, не спрыялі дзяржаўнай падтрымцы рэлігійных меншасцяў.

У пачатку 1923 г. амбасадар Польшчы ў Ватыкане звярнуўся ў Міністэрства замежных спраў з просьбай падаць дадзеныя «аб прапагандзе пратэстанцкіх сектаў ў Польшчы». Праз некаторы час ў Сакратарыят замежных спраў Ватыкана быў перададзены Мемарандум «Сектанцкі рух у Польшчы» [1, КК. 70, 80–88]. Па выніках аналізу сітуацыі пазіцыя каталіцкага касцёла была дваістая.

З аднаго боку, у рамках распаўсюджання ўплыву рыма-каталіцкага касцёла і зніжэння вагі праваслаўнай царквы ў Заходняй Беларусі, актыўнае распаўсюджанне пратэстанцкіх дэнамінацый сярод праваслаўнага насельніцтва садзейнічала паслабленню праваслаўнай царквы, і, адпаведна, ўспрымалася каталіцкім клірам пазітыўна.

З другога боку, спробы рэалізацыі дзяржаўнага прызнання пратэстанцкіх дэнамінацый у пачатку 1920-х гг. выклікалі незадавальненне Ватыкана. З 1921 г. у Міністэрстве рэлігійных канфесій і грамадскай асветы пачалася праца над законапраектам аб юрыдычным прызнанні непрызнаных рэлігійных арганізацый [2, с. 288]. Першапачатковы праект быў разпрацаваны прадстаўнікамі Польскага народнага каталіцкага касцёла, арганізацыяй метадыстаў, баптыстаў і евангельскіх хрысціян і прадстаўлены пасламі К. Чапінскім і Е. Станпінскім для абмеркавання ў Сейме ў сакавіку 1921 г. У чэрвені 1927 г. Міністэрствам рэлігійных канфесій і грамадскай асветы сумесна з Міністэрствам справядлівасці быў разпрацаваны праект уласны праект [3, КК. 1, 26-27, 68]. Праекты прадугледжвалі перавядзенне непрызнаных талераваных дэнамінацый (да якіх адносіліся познепратэстанцкія арганізацыі) у статус прызнаных пры рэгістрацыі рэлігійнай арганізацыі (мінімум 50 членаў) у Міністэрстве рэлігійных канфесій і грамадскай асветы. У сакавіку 1927 г. звесткі пра законапраект дайшлі да Ватыкана, і прадстаўнікі вышэйшых колаў рыма-каталіцкага касцёла пачалі супрацьдзеянне зацвярджэнню праекта: нунцый Ларэнца Лаўры паслаў тэрміновую дэпешу ў Ватыкан, а 10 чэрвеня 1927 г. адбылася сустрэча пасла В. Скрынскага з кардыналам Р. Гаспарам, падчас якога кардынал выказаў незадавальненне польскай рэлігійнай палітыкай і падкрэсліў, што касцёл «змагаўся і павінен змагацца з такога рода законапраектамі» [4, л. 1–2]. У пачатку 1929 г. праект распараджэнняў аб рэлігійных арганізацыях быў уключаны ў групу законапраектаў

для разгляду ўрадавай камісіяй па выкананню ўмоў Канкардату, і ў выніку дзеяння па легалізацыі непрызнаных веравызнанняў былі афіцыйна прыпынены да 1939 г. [5, с. 254].

Да складанай сітуацыі адносін каталіцкага касцёла да позніх пратэстанцкіх рухаў ў Заходней Беларусі спрычыніўся фактар пашырэння беларускай грамадскай і нацыянальна-культурнай дзейнасці ў рымска-каталіцкім касцёле ў пачатку 1920-х гг. У каталіцкіх колах у рамках пошуку «беларускага шляху» абмяркоўвалася ідэя беларусізацыі каталіцкага касцёла з мэтай «рэлігійнага і нацыянальнага сінтэзу» [6, с. 13]. Адзін з ініцыятараў беларусізацыі каталіцкай царквы ў Заходняй Беларусі ксендз А. Станкевіч прытрымліваўся ідэі, што неабходна імкнуцца да этнаканфесійнага і культурнага адзінства беларускага народа, да гарманічнага нацыянальнага і рэлігійнага суіснавання беларусаў-католікаў і праваслаўных, да талерантнасці і супрацоўніцтва з іншымі хрысціянскімі коламі [7, с. 178–179]. Ідэя рэлігійнай талерантнасці папулярывалася ў каталіцкіх і ў грамадска-палітычных колах на беларускіх землях і ўвайшла ў праграмныя дакументы Беларускай хрысціянскай дэмакратыі (БХД). БХД (затым БНА) выступала за свабоду веравызнанняў, што адлюстроўвалася ў станоўчых адносінах да іншых крысціянскіх канфесій [8, с. 70]. Гэта падцвярджае той факт, што з сярэдзіны 1920-х гг. беларускія ксяндзы разам з праваслаўнымі і пратэстанцкімі святарамі перакладалі Біблію на беларускую мову, хаця потым займаліся перакладамі ўжо самастойна. Аднак беларускі каталіцкі грамадска-царкоўны рух, які быў у першай палове 1920-х гг. адчувальным фактарам нацыянальна-культурнага жыцця ў мясцовасцях, дзе пераважную колькасць складала беларускае каталіцкае насельніцтва, не набыў масавага характару з-за шэрагу аб'ектыўных, суб'ектыўных фактараў і быў згорнуты ў канцы 1920-х гадоў [9, с. 1–2]. У выніку шчыльныя адносіны беларускіх каталіцкіх колаў з познепратэстанцкімі арганізацыямі не былі развіты.

Улічваючы прыярытэтнае становішча рыма-каталіцкага касцёла і той факт, што касцёл у міжваенны перыяд з'яўляўся механізмам усталявання польскай дзяржаўнасці, беларускі, тутэйшы характар познепратэстанцкіх рухаў Заходняй Беларусі павінен быў быць прычынай адмоўнага стаўлення кліра РКК у дачыненні да пратэстанцкіх суполак. Аднак адмоўнае стаўленне назіраецца толькі сярод вышэйшых колаў касцёла па пытанню замацавання прыярытэтнага статуса касцёла ў грамадстве. Факты канфрантацыі ў адносінах паміж памесным каталіцкім клірам і пратэстанцкімі суполкамі ў дакументах не знойдзены, амаль адсутнічаюць і дадзеныя

аб канфліктах паміх каталіцкім насельніцтвам і пратэстантамі. У такіх абставінах у 1930-я гг. органы дзяржаўнай ўлады нават прызывалі каталіцкіх святароў узмацніць місіянерскую працу, накіраваную на барацьбу з распаўсюджаннем «сектанцтва» у Заходняй Беларусі [10, к. 39].

Сярод аб'ектыўных фактараў, паўплываўшых на развіццё міжканфесійных адносін у Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд можна вылучыць: поліканфесійны характар дзяржавы, працэс дзяржаўнага будаўніцтва, які на беларускіх землях быў накіраваны на нацыянальную асіміляцыю беларускіх земляў у якім важную ролю набыў фактар рэлігійнай ідэнтыфікацыі, мэтанакіраваная палітыка па змяненні этнарэлігійнай ідэнтыфікацыі насельніцтва і замацаванне галоўнай ролі рымска-каталіцкага касцёла ў дзяржаве і грамадстве.

Што датычыцца адносін пратэстантаў з каталіцкім насельніцтвам, то гістарычны працэс рэлігійнага дыферэнцыявання і падзелу грамадства на каталікоў і праваслаўных і ўжо склаўшыся традыцыяналізм ў гэтым падзеле надаў магчымасць не ўспрымаць радыкальна прадстаўнікоў новага веравучэння. Тым больш, што развіццё пратэстантызму праходзіла ў межах рэлігійнай супольнасці «праваслаўныя». Адсутнасць аб'ектыўных сацыяльна-эканамічных, палітычных і нацыянальных супярэчнасцяў паміж каталікамі і пратэстантамі ў міжваенны перыяд прывяло да аднясення прыхільнікаў позднепратэстанцкіх веравучэнняў не да групы «Чужыя» (тыя, хто знаходзяцца па-за сваёй сацыяльнай групай) [11, с. 27], а да групы «Іншыя» (тыя, хто ўспрымаюцца не як свае, але і радыкальна не адваргаюцца [12, с. 34]. Такі фармат адносін у значна павысіў ступень талерантнасці ў дадзеных межканфесійных адносінах.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

- 1 Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1413. – КК. 70, 80-88.
- 2 Krasowski, K. Związki wyznaniowe w II Rzeczypospolitej: studium historyczno prawne / K. Krasowski. – Warszawa-Poznań: PWN, 1988. – 354 s.
- 3 AAN. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1409.
- 4 Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 1. Оп. 10. Д. 2307.

- 5 Krasowski, K. Losy unifikacji ustawodawstwa międzywyznaniowego / K. Krasowski // Czasopismo prawno-historyczne. – 1987. – Z. 2. – L. 135–155.
- 6 Ярмусик, Э. С. Национальный аспект деятельности католического костела в Беларуси в XX в. / Э. С. Ярмусик // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта . Сер. гуманітарных і грамадскіх навук. – 2007. – № 3 (30). – С. 11–29.
- 7 Станкевіч, А. Хрысціянства і беларускі народ : (спроба сынтэзы) / А. Станкевіч. – Вільня : Беларус. друк. ім. Ф. Скарыны, 1940. – С. 170–181.
- 8 Данилович, В. В. Выкарыстанне фактара канфесійнай прыналежнасці ў арганізаванай грамадска-палітычнай дзейнасці моладзі Заходняй Беларусі ў 30-я гг. / В. В. Данилович // Беларусь: государство, религия, общество: материалы Междунар. науч.-практич. конф., Минск – Жировичи, 7 июня 2007 г.; редкол. : протоиерей В. Антоник [и др.]. – Минск, 2008. – С. 65–76.
- 9 Вабишчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921-1939 гг.) / А. М. Вабишчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008.
- 10 ГАБО. – Фонд 1. Оп. 10. Д. 2305.
- 11 Гороховская, Л. Г. Образ «Чужого» в традиционной и современной культурах / Л. Г. Гороховская // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. VI междунар. науч.-практ. конф. – Ч. I. – Новосибирск : СибАК, 2011.
- 12 Лебедев, В. Ю. Семиотика религиозных коммуникативных систем: дискурсы смыслов / В. Ю. Лебедев, А. М. Прилуцкий. – Directmedia, 2015.

УДК 94:329.614(476.2–37Хойники)«1941–1943»

О. В. Марченко

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

СОВЕТСКОЕ АНТИФАШИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ ХОЙНИКСКОГО РАЙОНА ПОЛЕССКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны пережил все ужасы нацистской оккупации. Идеологические установки гитлеровского национал-социализма носили явно античеловеческий и антиславянский характер. Согласно плану «Ост», разработанному немецкими правительственными кругами, большая

часть населения БССР подлежала выселению и уничтожению, а незначительная часть – онемечиванию. На оккупированной территории республики стала постепенно развёртываться всенародная борьба против оккупационного «нового порядка». В ней участвовали мужчины, женщины, старики и дети, которые являлись представителями различных национальностей и религиозных конфессий. Одним из направлений всенародной борьбы являлось советское антифашистское подполье.

Большое значение имело принятие Директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., адресованной партийным и советским организациям прифронтовой полосы. В ней был изложен комплекс конкретных мер по организации сопротивления оккупантам [1, с. 22–24]. Конкретизацией этого постановления применительно к местным условиям стала Директива ЦК КП(б)Б № 1 «О переходе на подпольную работу парторганизаций районов, занятых врагом». Она была издана 30 июня 1941 г. В ней отмечалось, что во всех городах, районных центрах, рабочих посёлках, железнодорожных станциях, колхозах и совхозах должны были заблаговременно создаваться из числа надёжных лиц подпольные ячейки и явочные квартиры. Осуществление данных мероприятий возлагалось на первых секретарей обкомов, горкомов и райкомов КП(б)Б. При этом в состав подпольных ячеек должны были включаться коммунисты, которые были мало известны в том или ином городе или районе. Общее руководство работой вышеотмеченных структур возлагалось на городские и районные тройки. Они состояли из секретаря райкома или горкома КП(б)Б, военного работника, оргработника [1, с. 34].

Отдельные аспекты, касающиеся организации борьбы на оккупированной территории, были освещены и в Директиве ЦК КП(б)Б № 2 от 1 июля 1941 г. В ней отмечалось, что подпольные организации должны были иметь явочные квартиры, адрес которых должен был быть заблаговременно сообщён военному отделу ЦК [1, с. 35]. Таким образом, данная мера способствовала бы более тесному взаимодействию между собой нелегальных структур.

Хойникское партийно-комсомольское подполье стало функционировать с октября 1941 г. Его лидером являлся Е. И. Казачук. Он осуществлял общее руководство подпольными группами, действовавшими как в самом г.п. Хойники, так и в ряде близлежащих деревень Хойникского района [2, с. 89]. Судьба этого человека была непростой. До войны Е. И. Казачук работал корректором в местной районной газете, а затем стал её главным редактором. Его дальнейшая трудовая деятельность была связана

с г. Слуцком. Однако в 1937 г. Е. И. Казачук был исключён из рядов КП(б)Б за то, что вступился за бывшего секретаря райкома партии, который, как он считал, был незаконно репрессирован. Впоследствии его дело после поданной им апелляции было пересмотрено. Е. И. Казачук был восстановлен в партии и перед началом войны возглавлял Полесский областной театр.

После захвата г.п. Хойники гитлеровцами ему удалось войти в доверие к руководству местной полиции. Он был назначен заведующим типографией. Группа советских патриотов, которая возглавлялась Е. И. Казачуком, первоначально занималась распространением рукописных листовок. В них рассматривалось положение дел на советско-германском фронте, развенчивалась оккупационная политика немецких властей. К весне 1942 г. происходит численное увеличение рядов советских патриотов. Группа Е. И. Казачука распадается на ряд самостоятельных структур. Они функционировали в бургомистрате, на маслозаводе, электростанции, железнодорожной станции и в близлежащих деревнях. Одного из своих друзей, Л. В. Угриновича, Е. И. Казачук направил в деревне Бабчин для установления постоянной связи с партизанами. Б. А. Кравченко с помощью комсомольцев смонтировал три радиоприёмника. Патриоты получили возможность регулярно слушать сводки Совинформбюро, а затем распространять полученную информацию в виде листовок среди населения.

Самая примечательная акция хойникских подпольщиков была проведена в местном клубе. С разрешения местных оккупационных властей в нём стал осуществлять свою деятельность коллектив художественной самодеятельности. Его членами являлись Е. И. Казачук, Б. А. Кравченко, Г. А. Кулаковский и ряд других советских патриотов. Благодаря репетициям подпольщики обменивались информацией, а также поддерживали тесную связь между собою. Патриотами в киноаппаратной были обнаружены старые киноленты, и они обратились к заведующему клубом разрешить их показ. Ему была представлена информация о том, что в фильмах отражаются негативные явления из советской довоенной действительности. В свою очередь, вырученные средства от продажи билетов планировалось отдать на финансирование деятельности коллектива художественной самодеятельности. Таким образом, многие жители г.п. Хойники впервые познакомились с содержанием советских кинолент «Партбилет» и «За советскую Родину». Истинное положение дел стало вскоре известно руководству местной полиции. Оно уволило директора клуба за потерю бдительности [3, с. 90–91].

Однако деятельность хойникских подпольщиков не ограничивалась только проведением агитационно-пропагандистской работы. В частности, ими был сожжён лесосклад на железнодорожной станции, а также выведена со строя местная электростанция. Весной 1942 г. патриотами был организован побег группы советских военнопленных из тюрьмы в г.п. Хойники. Помимо этого, хойникские подпольщики тесно взаимодействовали с представителями партизанского отряда имени В. И. Чапаева, дислоцировавшегося в Хойникском районе. Они осуществляли сбор оружия и боеприпасов для народных мстителей, снабжали их ценной разведывательной информацией [2, с. 89]. Подпольщикам удалось устроить на работу в местный бургомистрат своих людей. Советские патриотки Л. Ёрш и М. А. Соколова, пользуясь служебным положением, предупреждали партизан через членов своей группы В. Ёрша, Ф. И. Купрейчика, М. Н. Долгополова о предстоящих карательных операциях гитлеровцев, а также составили списки всех полицаев с указанием их домашних адресов [4, с. 94].

Примечательно, что в г.п. Хойники налицо был наглядный пример совместной борьбы советских и иностранных граждан против фашистской «коричневой чумы». Летом 1942 г. в вышеотмеченный населённый пункт для укрепления местного гарнизона был переброшен батальон словацких солдат. Местными подпольщиками по указанию Е. И. Казачука был взят курс на установление контактов с его военнослужащими. Вскоре благодаря умело проведённой агитации в лес к партизанам ушло более полусотни словацких солдат. Первыми из них были К. Иванич и Ю. Туш. Гитлеровцы были вынуждены вывести батальон из г.п. Хойники ввиду полной потери им боеспособности. В феврале 1943 г. в данном населённом пункте был размещён 102-й полк запасной словацкой дивизии [3, с. 91].

Для ряда солдат этого воинского соединения были характерны антигитлеровские настроения. Они искали различные пути по установлению связи с партизанами, чтобы затем перейти на их сторону. Так, благодаря содействию хозяев квартиры, в которой проживал солдат С. Фалтян, состоялась его встреча с руководителем хойникского подполья Е. И. Казачуком. На ней они договорились о дальнейшем сотрудничестве. В частности, С. Фалтян передавал подпольщикам ценную разведывательную информацию, а также осуществлял агитацию среди словацких солдат путём распространения листовок в местах их проживания. Ряд военнослужащих благодаря его посредничеству позднее ушли в лес к партизанам. Среди них были его товарищи К. Томашик, З. Гудец, Ю. Пухкий, И. Грушкоци и другие. Гитлеровцы были всерьёз

обеспокоены снижением боеспособности словацких воинских частей. На сторону партизан переходили не только солдаты из гарнизона, дислоцировавшегося в г.п. Хойники, но и ряда других крупных населённых пунктов Полесской области. В результате 102-й словацкий полк был переведён гитлеровцами в другую местность [5, с. 99–101].

Деятельность местных подпольщиков беспокоила немецкие спецслужбы и заставила их повысить свою активность. При этом гитлеровцам удалось напасть на след патриотов. В ходе облавы на партизан полицаям удалось обнаружить уже упоминавшиеся выше списки местных жителей, тесно сотрудничавших с оккупантами. Один из них сумел распознать почерки Л. Ёрш и М. А. Соколовой. К тому же в руках полицаяв каким-то образом оказался список подпольщиков с указанием их домашних адресов. В результате произошли массовые аресты, и в октябре 1942 г. оккупанты расстреляли порядка 60 подпольщиков, в том числе В. и Л. Ёрш, М. А. Соколову и ряд других патриотов [4, с. 94]. Опасаясь возможного ареста, был вынужден в июне 1943 г. уйти в лес к партизанам и руководитель Хойникского подполья Е. И. Казачук. Позднее он трагически погиб вместе со своими товарищами при выполнении очередного задания, столкнувшись в лесу с отрядом гитлеровцев и полицаяв [3, с. 92]. Невзирая на эти потери, Хойникское партийно-комсомольское подполье функционировало вплоть до окончательного освобождения городского посёлка Красной Армией в ноябре 1943 г.

Таким образом, основу нелегальных структур г.п. Хойники и Хойникского района составили члены КП(б)Б и ЛКСМБ, с которыми тесно взаимодействовали беспартийные. Формы борьбы местных патриотов с немецко-фашистскими захватчиками были достаточно разнообразны. Они сводились к осуществлению диверсий на важнейших стратегических объектах, предоставлению ценной разведывательной информации партизанам, снабжению их оружием и боеприпасами. Помимо этого, важнейшим направлением деятельности подпольщиков являлось проведение агитационно-пропагандистской работы среди местного населения. Следует отметить, что совместную борьбу против фашистской «коричневой чумы» вместе с представителями нелегальных структур г.п. Хойники и Хойникского района и партизанами осуществляли и словацкие военнослужащие.

Список использованных источников и литературы

- 1 Гомельщина партизанская : док. и материалы / сост. : В. Д. Селеменев [и др.] ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2010. – Вып. 1 : Начало : июнь 1941 г. – май 1942 г. – 260 с.
- 2 Захаранка, А. І. Хойніцкае падполле / А. І. Захаранка // Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Хойніцкага раёна / рэдкал. : М. А. Ткачоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 89.
- 3 Захаранка, А. І. Памяць не меркне / А. І. Захаранка // Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Хойніцкага раёна / рэдкал. : М. А. Ткачоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 89–92.
- 4 Зелянкоўскі, А. М. Ворагу не пакарыліся / А. М. Зелянкоўскі // Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Хойніцкага раёна / рэдкал. : М. А. Ткачоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 94.
- 5 Наш пераход не выпадковы. 3 успамінаў былога славацкага салдата Сама Фалцяна // Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Хойніцкага раёна / рэдкал. : М. А. Ткачоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 99–101.

УДК 364+352.075.31](476)(091)«19»

Н. С. Моторова

(Минск, Белорусский государственный университет)

РОЛЬ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В Российской империи социальная политика как целостное направление во внутриполитической деятельности государства начала оформляться во второй половине XIX в. Она была ориентирована на решение проблем, которые затрагивали интересы большей части населения, влияли на качество и условия жизни людей. В соответствии с этим социальная политика включала в себя такие структурные элементы как организация медицинского обслуживания, борьба с эпидемиями и ликвидация их последствий, общественное призрение, поддержка лиц, пострадавших от стихийных бедствий, продовольственная помощь, предотвращение нищенства и т.п. Важную роль в ее реализации и корректировке на региональном уровне играли генерал-губернаторы. Они являлись представителями

императора на местах, а потому в своих действиях не были подотчетны центральному правительственным учреждениям.

На территории белорусских губерний институт генерал-губернаторской власти сформировался в дореформенный период. Правовой статус, основные обязанности и полномочия генерал-губернаторов были закреплены Общей инструкцией 1853 г. [5, с. 260–264]. Она сохраняла свое действие вплоть до начала XX ст.

Генерал-губернаторы назначались исключительно императором «по особому личному к ним доверию» в губернии, находившиеся на особом положении [5, с. 260]. Данная мера должна была обеспечить устойчивую интеграцию национальных окраин в общеимперское пространство. Однако на практике институт генерал-губернаторской власти на территории белорусских губерний способствовал сохранению «местных условий», которые влияли на формирование региональной модели социальной политики.

Основная задача генерал-губернатора заключалась в обеспечении прав верховной власти и сохранении внутривластной стабильности в губерниях, вверенных его управлению. Его полномочия были весьма обширны. В ведение генерал-губернатора входили вопросы социально-экономического характера, надзор за функционированием административных учреждений и судебной системы, контроль за соблюдением законов. Он должен был особенно следить за поддержанием благосостояния населения и внутренней безопасности, за состоянием народного здоровья и обеспечением жителей достаточным количеством продовольственных запасов, а также за положением общественного хозяйства вообще и личного состава местного управления [5, с. 260–261].

Полномочия генерал-губернатора по решению социальных проблем населения были детально регламентированы в § 12–15 Общей инструкции 1853 г. В случае стихийных бедствий (пожаров, наводнений) он обязан был принимать меры для оказания немедленной помощи пострадавшим. Если для этого местных финансовых ресурсов оказывалось недостаточно, то генерал-губернатор имел право направить представление императору либо центральному правительственным учреждениям с предложением выделить дополнительные материальные средства. В случае появления на территории региона каких-либо эпидемий, спровоцировавших резкое увеличение смертности, он должен был организовать мероприятия по их локализации и ликвидации последствий, следить за строгим исполнением жителями всех указаний губернской администрации медицинского характера. Обязанности генерал-губернатора при неурожаях заключались в обеспечении населения необходимым количеством продовольствия

для предотвращения голода. В случае необходимости он мог выступить инициатором организации общественных работ либо других мероприятий, направленных на обеспечение жителей заработком либо продовольственными запасами [5, с. 261–262].

Перечисленные выше функции генерал-губернатор осуществлял при помощи состоявших при нем чиновников по особым поручениям и своей канцелярии. Он детально знакомился с положением края, порученного его управления, во время ревизий. При их проведении генерал-губернатор, как правило, не ограничивался посещением исключительно административных учреждений. Он также осматривал различные социальные и религиозные объекты.

Генерал-губернатор имел право представлять доклады императору по тем вопросам, которые он считал наиболее важными. Благодаря этому, он мог напрямую влиять на формирование взглядов высшей власти на проблемы региона и пути их решения. В то же время реализация любых правительственных мероприятий в крае начиналась только после их согласования с генерал-губернатором. По отношению к губернской администрации он играл роль вышестоящей инстанции [5, с. 263–264]. Это привело к тому, что местные губернаторы находились в полной зависимости от генерал-губернаторов, не могли напрямую контактировать с центральными правительственными учреждениями [2, с. 326].

Обладание такими широкими правами превращало генерал-губернатора в фактического хозяина края и единственного представителя интересов его населения перед императорской властью. В его руках была сконцентрирована обширная власть, которая составляла сущность генерал-губернаторской должности и привела к ее трансформации из административной в политическую. В регионах, объявленных на исключительном положении, она имела характер личного управления. Это способствовало их выделению из единого административно-правового пространства Российской империи. В результате генерал-губернатор начинал воспринимать край, вверенный его управлению, как нечто обособленное от государства. Однако в своих действиях он не был абсолютно свободен. Генерал-губернатор вынужден был учитывать интересы местных элит, опиравшихся на поддержку со стороны представителей высшей бюрократии в столице [2, с. 325, 327, 336–337].

В пореформенный период на территории белорусских губерний существовало одно генерал-губернаторство с центром в Вильне. Его ядро составляли Виленская, Гродненская и Ковенская губернии. На протяжении 1862–1870 гг. в состав генерал-губернаторства входила Минская губерния, а в 1863–1869 гг. – Витебская и Могилевская [6, с. 778; 7, с. 399–400; 8, с. 676; 9, с. 234; 10, с. 622–623].

Виленские генерал-губернаторы обладали широкими полномочиями и оказывали значительное влияние на формирование внутривластного курса по отношению к белорусским губерниям. В то же время у них отсутствовала целостная концепция решения социальных проблем местного населения. Более того, в их деятельности данные вопросы играли второстепенную роль. Из всех виленских генерал-губернаторов наибольшее внимание развитию социальной сферы в белорусских губерниях уделял М. Н. Муравьев. Однако он рассматривал мероприятия в данной области как инструмент, который позволит обеспечить лояльность крестьянского населения по отношению к правительству. На это были направлены шаги по улучшению экономического положения крестьян, развитию сети начальных учебных заведений в сельской местности. Однако разрешение социальных проблем как таковых не относилось к приоритетным направлениям его деятельности [1, с. 241–242, 246–248, 264–265, 268]. Это было характерно и для преемников М. Н. Муравьева. Хотя некоторые виленские губернаторы и уделяли внимание решению отдельных социальных проблем. Например, А. Л. Потапов в одном из своих циркуляров за 1868 г. указывал на необходимость борьбы с уличным нищенством в городах и требовал строгого соблюдения соответствующих норм Устава общественного призрения [3, л. 1–2 об.]. В. Н. Троицкий в отчете за 1899 г., представленном на рассмотрение императору, отмечал, что сельские жители белорусских губерний постоянно сталкиваются с проблемой пожаров. Для ее разрешения генерал-губернатор предлагал ежегодно отчислять часть средств, поступивших по губернскому страхованию, на приобретение пожарных инструментов и снабжение ими крестьянских обществ [12, л. 5 об. – 6]. Однако основное внимание генерал-губернаторы уделяли положению отдельных этноконфессиональных групп (в первую очередь, поляков и евреев), их отношению к местному населению и государственному строю в целом, а также характеристике политических настроений в крае. Об этом, например, свидетельствуют всеподданнейшие отчеты И. С. Каханова за 1884–1886 гг. и П. Д. Святополк-Мирского за 1902–1903 гг. [4, с. 1–2, 30–31; 13, 22–30, 58 об. – 72, 90 об. – 104 об.].

Должность виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора была ликвидирована в 1912 г. Соответственно, упразднились канцелярия и функционировавшая при ней следственная комиссия по политическим делам. Находящиеся в производстве дела были переданы губернаторам соответствующих губерний [11, с. 1062]. Ликвидация института генерал-губернаторской власти была обусловлена изменившимися общественно-политическими условиями и стремлением высших и центральных

органов власти унифицировать систему местного управления в масштабах всей Российской империи.

Таким образом, в соответствии с действовавшим законодательством основную роль в реализации государственной социальной политики на региональном уровне должны были играть генерал-губернаторы. Объем их полномочий был обширным и включал в себя обязанности по решению широкого спектра социальных проблем. К ним относилось обеспечение населения продовольствием, организацию здравоохранения, предотвращение нищенства, помощь пострадавшим от пожаров, наблюдение за общественным призрением и т.п. Однако, как показывает анализ отчетов виленских генерал-губернаторов, в их деятельности решение социальных проблем играло второстепенную роль. Гораздо больше внимания они уделяли вопросам политического характера и проблемы нейтрализации оппозиционных настроений местных элит по отношению к существующему государственному строю.

Список использованных источников и литературы

- 1 Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // «Готов собою жертвовать...». Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. – М. : Пашков дом, 2008. – С. 226–268.
- 2 Градовский, А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторства в России / А. Д. Градовский // Собрание сочинений : [в 9 т.]. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899–1904. – Том 1. – 1899. – С. 299–338.
- 3 Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1416 (Витебское губернское правление). Оп. 2. Д. 13839. Дело по предложению главного начальника края о запрещении нищенства в Западном крае. Л. 1–2 об.
- 4 [Отчет виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Каханова по управлению Северо-Западным краем с 14 января 1884 г. по 1 августа 1886 г.]. – Без тит. л. – 41 с.
- 5 Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание 2. Том XXVIII : 1853. Отделение 1. От № 26905–27827. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1854. – 704 с.
- 6 ПСЗ РИ. Собрание 2. Том XXXVII : 1862. Отделение 1. От № 37827–38621. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1865. – 832, [2] с.
- 7 ПСЗ РИ. Собрание 2. Том XXXVIII : 1863. Отделение 1. От № 39117–40024. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1866. – 940, [2] с.

- 8 ПСЗ РИ. Собрание 2. Том XLIV : 1869. Отделение 1. От № 46610–47357. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1873. – 962 с.
- 9 ПСЗ РИ. Собрание 2. Том XLIV : 1869. Отделение 2. От № 47358 – 47861 и дополнения. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1873. – 452 с. разд. паг.
- 10 ПСЗ РИ. Собрание 2. Том XLV : 1870. Отделение 2. От № 48530–49097 и дополнения. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1874. – 760 с. разд. паг.
- 11 ПСЗ РИ. Собрание 3. Том XXXII : 1912. Отделение 1. От № 36391–38603 и дополнения. – Пг. : Гос. тип., 1915. – 1790, [54] с.
- 12 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 3. Д. 355. Отчет о состоянии виленского, ковенского и гродненского генерал-губернаторства за 1899 г. Л. 5 об. – 6.
- 13 РГИА. – Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 194 (секретарская часть, 1906 г.). Д. 136. Отчет виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора за 1902 –1903 гг. Л. 22–30, 58 об. – 72, 90 об. – 104 об.

УДК 392(476+470):316.346

И. В. Романенко

(Минск, ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫЕ СВЯЗИ В ТРАДИЦИОННЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЯХ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Общие исторические корни, близость языков, менталитета, религия, а также схожие условия хозяйствования и культуры определили многие аспекты взаимодействий и общности русских и белорусов. За века жизнедеятельности двух соседних славянских народов сформировались общие черты почти во всех компонентах традиционной культуры. Близость природных условий, тесные контакты обусловили формирование общих черт и в традиционных занятиях белорусов и русских особенно на приграничных территориях. Взаимопроникновение культур соседних этносов наиболее отчетливо проявляется в формировании зональных комплексов культуры природопользования и жизнеобеспечения, которые тесно связаны с развитием производительных сил и

экологическими условиями. Современное социокультурное развитие Беларуси и России характеризуется разработкой государственных подходов к решению проблем сохранения аутентичных форм народного творчества, развития народного искусства, промыслов и ремесел в рамках союзного государства. В этой связи научное осмысление и обращение к истории развития традиционных хозяйственных занятий на территории белорусско-российского пограничья приобретает практически значимый характер.

Прежде чем перейти к непосредственному изучению обозначенных аспектов обратимся к ареалу исследования. Большая часть пограничных с Россией белорусских земель входит в историко-этнографический регион Поднепровья, а также восточную часть Подвинья. Традиционно к Поднепровью причисляют всю Могилевскую область, Толочинский, Оршанский, Дубровенский районы Витебской области, а также Кормянский, Ветковский, Буда-Кошелевский, Чечерский, большую часть Жлобинского, Речицкого и Рогачевского районов Гомельской области. К Восточному Подвинью – Витебский, Городокский, Лиозненский, Полоцкий, Россонский районы Витебской области. Географическое положение и удобные водные пути усиливали миграционные процессы, исторически содействовали активным экономическим связям с Россией и Украиной [1, с. 370; с. 734]. В нашем исследовании будет идти речь о районах Беларуси, граничащих с Российской Федерацией, т.е. совпадающих с имеющимися на сегодняшний день государственными границами.

Этнокультурный комплекс Поднепровья имел много общих черт со Смоленщиной и Западной Брянщиной, а для Восточного Подвинья были характерны связи с соседней Псковской областью. Для хозяйственных занятий населения Поднепровья и Восточного Подвинья были характерны региональные особенности, которые выражались в способах и приёмах обработки почвы, сушки, местных вариантах орудий труда. Например, на Поднепровье, как отмечают этнологи, использовалась соха с наиболее длинной неподвижно закрепленной палицей, которая была также характерна для соседских Смоленской, Брянской и Калужской областей. На Подвинье в сельскохозяйственных работах применялась соха витебского типа с перекидной палицей для одноконной упряжи, которая была также распространена в соседних Псковской, Новгородской и Тверской областях России.

В XIX – начале XX в. основными занятиями сельского населения перечисленных регионов было земледелие и животноводство. Охота и рыболовство носили любительский характер. Среди промыслов и ремесел распространены были заготовка лесоматериалов,

скорняжное дело, гончарство, бортничество, шаповальство, бондарство [2, с. 40–41, 50–52, 3, с. 43–57].

В советский период БССР была очень тесно экономически связана с РСФСР. Беларусь имела неофициальный статус «сборочного цеха» в Советском Союзе, а белорусская промышленность работала в значительной мере на материалах и энергоносителях, поступающих из России. В советский период в Витебскую, Гомельскую и Могилевскую области прибыли тысячи специалистов народного хозяйства из России. В свою очередь, белорусы уезжали туда на лесозаготовки, строительство, восстанавливали рудники и шахты, что способствовало обмену опыта и практик, распространению нововведений в различные сферы жизнедеятельности, в том числе традиционные хозяйственные занятия.

Важное значение для формирования трансграничной общности в традиционных хозяйственных занятиях имели постоянные миграционные и иммиграционные процессы на белорусско-русском пограничье. Они содействовали диффузии и взаимопроникновению культур, нивелированию этнических особенностей. В XIX – начале XX в. население данного региона наиболее активно по сравнению с другими регионами Беларуси занималось отхожими промыслами в соседние губернии Российской империи, что поспособствовало, по одной из версий, появлению шаповальства на Дрибинщине. После реформы 1861 г. во время отхожих промыслов крестьяне научились этому ремеслу у своих русских соседей. По второй версии, местный помещик Антон Тихоновецкий отправил несколько крестьян в Нижегородскую губернию учиться шаповальству. Вернувшись на родину, мастера-шаповалы обучали навыкам этого мастерства своих детей, родственников и знакомых. Некоторые российские ученые утверждают, что шаповалы пришли на территорию Могилевщины из России и являются потомками северян. Потомки дрибинских шаповалов семьи Зюликовых из деревни Покутье Дрибинского района отмечали, что это жители востока Могилевщины переняли промысел у заезжих русских мастеров [4; 5].

Наиболее интенсивно этим промыслом занимались жители семи уездов Могилевской губернии. В 1884 г. на Могилевщине работало 249 шаповалов. Обычно шаповалы, переходя из деревни в деревню, работали на дому у заказчика, реже у себя дома, выполняя отдельные заказы или изготавливая товары для ярмарок [3, с. 133]. С наступлением морозов шаповалы шли в те деревни, где держали овец, и предлагали свои услуги. Женщины, как правило, занимались заготовкой шерсти и продавали изделия на ярмарках. Изготавливали обычно валенки,

шапки, рукавицы, одеяла и др. Для сохранения секретов мастерства, шаповалы придумали и свой язык – катрушницкий лемезень [4].

В советский период некоторые шаповалы продолжали заниматься своим ремеслом в артелях валяльщиков. В 26 марта 1936 г. СНК СССР утвердил правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов, согласно которым запрещались промыслы и выдача на них регистрационных удостоверений, при которых занимались переработкой шерсти, в том числе льняной и шерстяной пряжи (за исключением ковроткачества) [5]. Однако шаповалы не прекратили заниматься своим делом и стали работать нелегально. Летом работали в колхозе, а осенью отправлялись бригадами по 3–4 человека по деревням на заработки. Посторонних людей не брали, только близких родственников. Часто на них устраивали облавы на рынках и вокзалах, забирали товар, снимали с поездов, объявляли спекулянтами и вызывали на товарищеские суды. Только во второй половине 1950-х гг. Постановление Совета Министров СССР от 1958 г. расширило количество разрешенных государством промыслов. Была разрешена выдача регистрационных удостоверений на переработку давальческой шерсти, шерстяной пряжи, на химическую чистку и окраску одежды, принадлежащих лично кустарю; на производство из материала заказчиков обуви, шорных изделий и др. Заниматься промыслом могли совершеннолетние граждане СССР, т.е. достигшие 18-летнего возраста [4; 6, с. 5–7].

Русские старообрядцы повлияли на формирование особого колорита и специфических черт на Ветковщине. Их значительная часть обосновалась в Гомельском уезде в середине XVII в., спасаясь от гонений. В рамках отдельной религиозной традиции старообрядцев сформировалась ветковская школа книжной графики. Для неё были характерны сочетание «старопечатного» стиля со стилем «московское барокко», широкое использование растительного орнамента. Само местоположение региона — «на стыке» культур трёх народов — обуславливало движение и взаимообогащение вкусов, технических приёмов в ремёслах и промыслах. Известность приобрела ветковская школа иконописи, для которой было характерно сочетание канонов византийской и русской православных церквей с техникой московских, новгородских, украинских и белорусских мастеров. Появился термин «ветковская резьба», что свидетельствовало об её уникальности. В Москве в то время работали резчики из Полоцка, Смоленска, Шклова и других белорусских городов. Принесенные иноземными мастерами в Москву орнаменты подверглись значительной переработке и приобрели специфические черты. Мастера, пришедшие в Ветку, принесли с собой приемы работы и образный строй такой резьбы, которые в местных условиях,

взаимодействуя с белорусскими и украинскими образцами, получили новый толчок к развитию [7]. Изделия изготавливали обычно из липы. Применяли разнообразные инструменты – стамески, клюкарзы (кривые стамески), полукруглые рубанки – галтели, острый нож. Для усиления скульптурности детали часто вырезали отдельно, а затем склеивали. Резьба покрывалась в несколько приёмов левкасом, изготовленным из мела на осетровом клею, затем его полировали и золотили своеобразным грунтом из красно-коричневой глины-охры. Несколько раз окрашивали. Грунтовка загустевала до того времени, пока не начинала слегка прилипать к пальцам. Затем накладывали сусальное золото и разравнивали. После того, как оно высыхало, полировали специальными «зубками», или «полирасами» [8, с. 3]. Старинные художества и ремёсла (украшение рукописных книг цветными заставками и буквицами, чеканка, шитьё бисером, резьба по дереву с золочением) сохранялись на Ветковщине до XX в. При этом мастера создавали свои изделия, не просто механически повторяя старые образцы, а преобразуя и дополняя собственным колоритом [7; 8, с. 4].

В 1978 г. Ф. Г. Шляров выходец из старообрядческого рода, известный как самодеятельный художник, коллекционер местной старины, почитатель и пропагандист местной культуры, основал Ветковский музей народного творчества. Именно его собрание икон, старинных книг и других предметов (всего около 400 экземпляров) послужило основой создания фондов музея [9].

Таким образом, общие исторические корни, схожесть природных условий, постоянные тесные контакты, а также во многом схожие условия хозяйствования обусловили формирование специфических региональных черт и переходных форм в различных областях хозяйственных занятий белорусов и русских пограничного региона, способствовали взаимообогащению технических приемов в промыслах и ремеслах.

Список использованных источников и литературы

- 1 Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя / І. П. Шамякін (гал. рэд.). – Мінск : БелСЭн імя П. Броўкі, 1989. – 575 с.
- 2 Молчанова, Л. А. Материальная культура белорусов / Л. А. Молчанова. – Минск : Наука и техника, 1968. – 230 с.
- 3 Терехин, С. Ф. Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта сектор «Поднепровье» (тематико-экспозиционный план); науч. рук. В. К. Бондарчик / С. Ф. Терехин, М. Миньков, В. Н. Белявина, Н. И. Бураковская [и др.] // Архив Института

- искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы НАН академии наук Беларуси. – Фонд 7. Оп. 14. Д. 2. Л. 4– 57, 133.
- 4 Дрибинские шаповалы // Советская Белоруссия [Электронный ресурс]. – 24 марта 2009. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/dribinskie-shapovaly.html>. –Дата доступа: 17.08.2019.
 - 5 История шерстобитно-валяльного промысла // Дрибинский районный историко-этнографический музей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://valenki-dribin.by/istoriya-sherstobitno-valyalnogo-promysla> – Дата доступа: 17.08.2019.
 - 6 Сергеева, Т. Л. Задачи уголовно-правовой охраны советского хозяйства на современном этапе строительства коммунизма / Т. Л. Сергеева // Советское государство и право. – 1963. – № 5. – С. 5–7.
 - 7 Горбацкий, А. А. Старообрядчество на белорусских землях: Монография / А. А. Горбацкий. – Брест : Изд-во УО «БрГУ им. А. С. Пушкина», 2004. – 237 с.
 - 8 Нечаева, Г. Ветковская золочёная резьба / Г. Нечаева // Голас Веткаўшчыны. – 29 сент. 2018. – С. 3–5.
 - 9 Тарасевич, К. Окунуться в жизнь предков. Репортаж из Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций [Электронный ресурс] / К. Тарасевич – Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/477254.html>. – Дата доступа: 17.08.2019.

УДК 94:314. 1 (476+470+477) «192/193»

М. И. Старовойтов

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1939 ГОДУ

Адекватная оценка городского социума БССР, на наш взгляд, возможна при компаративистском его анализе на примере белорусско-российско-украинского пограничья (БРУП). Исследования демографического, национального, социального, половозрастного состава, урбанизации на региональном уровне позволяют установить особенности изменений в этносоциокультурном облике полиэтничного населения БССР, которые произошли в результате советской мобилизационной модернизации всех сторон жизни общества.

Особую значимость и важность имеет исследование города в переходные периоды. В 1920–1930-е гг. советская мобилизационная модернизация интенсифицировала процесс перехода от традиционных форм жизнедеятельности к индустриальным формам. Этот процесс затронул и города пограничного региона. Наиболее активная часть населения, прежде всего сельского, устремилась в город, дававший возможность удовлетворить чаяния и реализовать свои экономические и культурные потребности. Важной составляющей системного исследования города как самостоятельного объекта и целостного феномена является этническая характеристика его социума, что еще не стало до сих пор предметом исследования. Ни в общереспубликанском, ни в региональном плане в таком контексте обозначенная проблема в современной историографии не только не рассматривалась, но и не ставилась. Частично отдельные аспекты проблемы урбанизации в регионе, в БССР докладывались автором на ряде конференций [10, 11, 12].

С учетом возможного объема публикации предпринята попытка восполнить этот пробел, опираясь на оригинальные рассекреченные архивные данные переписи населения 1939 г., большая часть которых, вводятся в научный оборот впервые (таблицы составлены и проценты подсчитаны автором). Не вдаваясь в дискуссию о типологизации городских поселений в 1930-е гг., отметим, что к малым городам мы относим городские поселения, имевшие официальный статус города, поселки городского типа (пгт.) и рабочие поселки (рп.) с численностью населения до 20 тыс. человек, а к средним – 20–50 тыс. человек. Даже в сводных данных переписи 1939 г. о классификации городских поселений по численности приводятся разные критерии по союзным республикам. Так, по БССР список городских поселений начинается с г. Минска (238948 человек) и заканчивается рп. в Витебской области Яковлевичи (504 человека). В УССР соответственно – 846724 человека г. Киев (846724 человека) и г. Волчанск в Харьковской области (20435 человек) [1, лл. 2–3; 14, лл. 3–4]. В документах в областном разрезе по УССР в материалах переписи указаны все городские поселения.

В 1920-1930-е гг. коренные изменения в структуре экономики БРУП происходили медленно. Индустриальное развитие региона оставалось очень низким, т.к. он входил в широкую пограничную полосу СССР и по «стратегическим соображениям» промышленное строительство здесь не осуществлялось. Экономика региона оставалась преимущественно аграрной, а не индустриальной. Например, в БССР в сельском и лесном хозяйстве (с учетом крестьян-

единоличников) было занято абсолютное большинство (около 80 %) населения, тогда как в промышленности – только 11 %. В городах белорусско-украинского пограничья в 1939 г. в среднем проживало всего 22 % населения, хотя и на 6% больше, чем в 1926 г. (средний показатель по региону на основании данных таблицы 1) [2, л. 1; 3, л. 1; 4, л. 1; 5, л. 1; 6, л. 1; 7, л. 1; 8, л. 1; 9, л. 3; 13, л. 1].

Таблица 1 – Динамика численности городского населения БРУП

Области	на 1.01.1939 г. (чел.)			1939 г. в % к 1926 г.			гор. населен. (%)	
	город	село	всего	город	село	всего	1926 г.	1939 г.
Витебская	343811	937427	1281238	157,0	90,2	101,8	17,4	26,8
Гомельская	253365	655084	908449	161,9	104,9	116,3	20,0	27,9
Могилевская	316427	1084593	1401020	167,6	102,1	112,0	15,1	22,6
Полесская	75241	597109	672350	135,7	111,8	114,1	9,4	11,2
Орловская	692676	2840037	3532713	146,2	88,2	95,7	12,8	19,6
Смоленская	448044	2237985	2686029	165,7	81,9	89,5	9,0	16,7
Житомирская	346793	1343696	1690489	121,4	91,2	96,1	16,2	20,5
Киевская	1241420	2319289	3560709	145,7	84,0	98,6	23,6	34,9
Черниговская	282274	1500105	1782379	124,9	92,8	96,8	12,3	15,8

В конце 1930-х гг. городское население БРУП по-прежнему было более полиэтничным, чем сельское. Так, титульный этнос среди всего городского населения белорусских пограничных областей составлял в среднем 57,1%, в украинских – 64,3%, в российских – 89,9 % [2, л. 6; 3, л. 6; 4, л. 6; 5, л. 6; 6, л. 6; 7, л. 6; 8, л. 6; 9, л. 8; 13, л. 6].

Анализ материалов переписи 1939 показывает, что в малых и средних городах, поселках городского типа и рабочих поселках Витебской области проживало 32,8 % от всего городского населения. Из общего количества населения соответствующих национальностей, проживавших в городских поселениях, в них проживало 36,3 % белорусов, русских – 24,7, евреев – 25,2, украинцев – 29,7, поляков – 24,8 и прочих – 21,2 %. В остальных областях белорусской части пограничья эти показатели были следующие: в Гомельской области соответственно 33,3 %, 41,3, 25,4, 25,6, 26,2, 35,1 % (включая поляков); в Могилевской – 42,0 %, 46,6, 38,1, 33,2, 37,7, 44,9 и 24,9 %. В Полесской (наиболее аграрной и отсталой) – 76,8 %, 80,2, 73,9, 65,8, 72,1, 68,1 и 72,5 %. [2, л. 6; 3, л. 6; 4, л. 6; 5, л. 6; 6, л. 6; 7, л. 6; 8, л. 6; 9, л. 8; 13, л. 6]. Во всех типах городских поселений белорусской части пограничья половину и более составляли белорусы. Только в Паричах и Хойниках преобладало еврейское население [8, л. 41].

Численность белорусов увеличилась в составе населения городских поселений, однако уровень их урбанизированности по-прежнему оставалась самой низкой по сравнению с другими национальностями. В Гомельской области в городских поселениях проживало 18,2 % белорусов, а в Полесской – 7,4 %. Самой высокой степень урбанизации была у евреев. В конце 1930-х годов по степени урбанизированности белорусы занимали последнее место среди наиболее численно представленных национальностей и в целом по БССР. Самый низкий показатель был в Полесской области [12, с. 190].

Для примера по российской и украинской составляющей БРУП выделим две области: Орловскую, с высоким общим показателем доли титульного этноса и Житомирскую, которая являлась самой полиэтничной в регионе.

В Орловской области в малых и средних городах проживало 46,2 % городского населения. В этих городских поселениях проживало 46,3 % русских от общей численности городского населения, 48,5 % евреев, 44,5 % украинцев, 63,7 % прочих (включая поляков). В Смоленской области на данный тип поселений приходилось 43,9 % городского населения, белорусов – 34,3 %, русских – 50,5, евреев – 38,7, украинцев – 49,8 и прочих – 37,1 % [7, лл. 40–44; 9, лл. 44–46]. В Орловской области насчитывалось 60 районов. Рассмотрим национальный состав малых и средних городов Брянщины, входившей в ее состав. Данные представлены в таблице 2 [7, лл. 40–44].

Таблица 2 – Городское население Орловской области в 1939 г.

Города	Муж.	Жен.	Всего	Русские	Евреи	Украинцы	Прочие
1	2	3	4	5	6	7	8
Все городское	331463	361213	692 676	630473	32655	14497	15051
г. Орёл	52301	58263	110564	102808	3143	2243	2370
г. Брянск	41978	45512	87490	76946	5012	2776	2756
г. Клинцы	18597	21886	40483	32327	6505	686	965
Орджоникидзеград	39562	42772	82334	77521	1712	1390	1711
Малые и средние города Брянщины							
рп. Локоть	3337	2664	6001	5462	50	344	145
рп. Белые Берега	2438	2459	4897	4655	40	129	73
рп. Бол. Полпино	4475	4171	8646	8324	27	148	147
рп. Сельцо	4322	4140	8462	7929	107	243	183
рп. Урицкий	4728	5394	10122	9712	65	134	211

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
г. Дятьково	8348	8998	17 346	16 201	145	484	516
рп. Бытошь	2910	3366	6276	6179	15	45	37
рп. Ивот	2344	2394	4738	4645	4	38	
рп. Старь	2172	2264	4436	4362	10	23	
рп. Цементный	3164	3224	6388	5930	65	228	165
г. Карачев	8323	9575	17898	16892	443	263	300
г. Мглин	3493	3797	7290	6457	726	46	61
г. Новозыбков	11 337	13 148	24 485	19 688	3 129	721	947
г. Злынка	4 067	4 687	8754	7 891	432	176	255
г. Почеп	7444	8114	15558	12901	2314	113	230
г. Стародуб	5937	6628	12565	10594	1629	193	149
г. Сураж	4461	4542	9003	6558	2052	150	243
г. Трубчевск	4155	4190	8345	7890	137	185	133
рп. Унеча	6988	6967	13955	10514	1708	755	978

Из таблицы 2 видно, что во всех типах городов абсолютно преобладали русские. Вторыми по численности были евреи. Белорусов в городах было немного. Так, в Брянске их насчитывалось 1713 человек, Клинцах – 539, Новозыбкове – 766, Унече – 864 человека [7, лл. 40–44].

Таблица 3 – Городское население Житомирской области в 1938 г.

Городские поселения	Все население			Украинцы	Евреи	Поляки	Русские	Немцы	Прочие
	Муж.	Жен.	Всего						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Житомирская область									
г. Житомир	44705	50362	95067	45450	29053	7473	10013	1502	1576
г. Бердичев	27956	34058	62014	26116	23266	6256	5370	263	743
г. Коростень	14407	16399	30806	15670	10991	623	2620	264	638
г. Новоград-Волынский	10034	13698	23732	11773	6839	932	3418	418	352
пгт. Андрушевка	3054	3315	6369	5212	658	161	292	3	43
пгт. Червоне	1842	2216	4058	3363	411	107	101	46	30
пгт. Барановка	2988	3324	6312	4415	1447	231	155	40	24
пгт. Быковка	880	992	1872	602	151	885	55	141	38
пгт. Каменный Брод	1027	1308	2335	826	857	514	49	72	17
пгт. Мархлевск	1940	2354	4294	1915	513	1557	170	113	26

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
пгт. Первомайск	1631	1949	3580	2854	279	239	158	22	28
пгт. Володарск-Волыньск	1615	1942	3557	2270	988	91	94	83	31
пгт. Городница	2503	2622	5125	3268	1212	222	329	38	56
пгт. Дзержинск	3161	3958	7119	4392	1720	4960	334	100	77
пгт. Корнин	1952	2171	4123	3878	46	63	103	7	26
г. Коростишев	5166	6049	11215	7604	2170	664	348	358	71
пгт. Любар	1203	1440	2643	638	1857	36	94	1	17
г. Малин	5061	6306	11367	6516	3607	390	425	287	142
г. Овруч	4947	6770	11717	5834	3862	111	1584	10	316
пгт. Олевск	3306	3475	6781	3387	2858	88	3520	41	55
пгт. Попельня	907	863	1770	1537	129	19	66	1	18
г. Радомышль	5080	6595	11675	8095	2348	284	542	326	80
пгт. Чеповички	716	790	1506	746	673	17	53	1	16
пгт. Черняхов	3375	3777	7152	4795	1482	142	190	421	122
пгт. Чудновск	2496	2911	5407	2336	2506	242	267	16	20
пгт. Янушполь	3372	3992	7364	4917	721	1481	162	3	80

Данные таблицы 3 [4, лл. 45–47] подтверждают самый высокий уровень полиэтничности городского населения в Житомирской области. Украинцы проживали в основном в малых городах. В больших, средних и некоторых малых городах области они составляли половину и менее городского населения (Житомир, Бердичев, Коростень, Новгород-Волынский, Овруч, пгт. Олевск). Самая высокая концентрация украинцев в малых и средних городах была в Черниговской области. Это повлияло на средний показатель по всему городскому населению, который составил 79,5 %. В Чернигове (самый большой город области) насчитывающем 68,6 тыс. человек на украинцев приходилось 70,8 % [13, лл. 41–43]

Анализ национального состава населения малых и средних городских БРУП дает основание считать, что советская модернизация повлияла на изменения национального состава городского населения и, прежде всего, состава населения малых и средних городов, особенно белорусско-украинской его составляющих. В БССР и УССР этому способствовала еще и политика белорусизации и украинизации. Самая низкая концентрация титульных этносов и других национальностей в малых и средних городах была в белорусской части пограничья, исключая Полесскую область, в которой из всего пограничного региона была самая высокая концентрация в этих городах и белорусов, и других национальностей. На наш взгляд, речь следует вести не об сплошной урбанизации в БРУП, а о росте количества городского населения в областных центрах и крупных

городах, как административных, промышленных и культурных центрах. Перевод многих местечек в городские поселения (в пгт), особенно в БССР, рост рабочих поселков увеличили численность городского населения, численность рабочих за счет сельских жителей. Однако это было скорее политическое решение, чем реальная урбанизация, так как сельское население, особенно титульное, сразу горожанами не становилось. Оно с трудом избавлялось от традиционной крестьянской культуры и соответствующего мировоззрения.

Список использованных источников и литературы

- 1 Белорусская ССР / Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.
- 2 Витебская область / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 375.
- 3 Гомельская область / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376.
- 4 Житомирская область / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 358.
- 5 Киевская область / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 361.
- 6 Могилевская область / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 379.
- 7 Орловская область / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 317.
- 8 Полесская область / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 380.
- 9 Смоленская область / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 325.
- 10 Старовойтов, М. И. Городское население Могилевской и Смоленской областей перед Великой Отечественной войной (этнодемографический и социальный состав) / М. И. Старовойтов // Днепровский рубеж : лето 1941 г.: сб. статей Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию обороны г. Могилева; редкол. : И. С. Сазонов (гл. ред.) [и др.]. – Могилев : Белорус.-Рос. ун-т, 2016. – С. 79–85.
- 11 Старовойтов, М. И. Городское население Витебской и Калининской областей в 1920 – 1930 годы : динамика численности и национальный состав / М. И. Старовойтов // Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья: материалы Междунар. науч.-практич. заочн. конф., Витебск, 2 февраля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол. : И. М. Прищепа [и др.]. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 27–30.
- 12 Старовойтов, М. И. Население городских поселений Гомельской и Полесской областей в 1920 – 1930-е годы : этносоциокультурный аспект / М. И. Старовойтов // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў : этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы: Рэспубл. навук. канф., г. Гомель, 18 кастр. 2017 г.: зб. навук. прац, 2017 г. / пад рэд. : В.М. Міхедзька (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны, 2017. – С. 187–193.
- 13 Черниговская область / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 373.
- 14 Украинская ССР / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 256.

В. В. Сушко

(Брест, УО «Брестский государственный
технический университет»)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ
БРЕСТСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД 1945–1965 ГОДОВ
В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С МЕСТНЫМИ
ВЛАСТНЫМИ СТРУКТУРАМИ**

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. государственно-религиозные взаимоотношения в советском обществе существенно трансформировались, о чем свидетельствовал процесс активизации атеистической пропаганды и ужесточения религиозного законодательства в СССР. К верующим и священнослужителям неопротестантских деноминаций отношение официальных властных структур было достаточно односложным и категоричным, что выражалось в усилении контроля за деятельностью христиан веры евангельской (пятидесятников), евангельских христиан-баптистов и адвентистов седьмого дня, массовых репрессиях в первое послевоенное время, ликвидации религиозных общин и групп и т.д. Подобное отношение вертикали советской власти к церквям неопротестантов объясняется тем, что в период оккупации белорусских земель немецко-фашистскими войсками, отдельные представители христианских конфессий сотрудничали с захватчиками взамен на беспрепятственное осуществление религиозной деятельности. Однако ожидания реализации на практике немецким командованием обещанного принципа свободы совести не оправдались и священнослужители активно включались в антифашистскую борьбу, оказывая всестороннюю помощь партизанам и войскам Красной Армии.

Тем не менее, не смотря на очевидные сложности, начиная с середины 1940-х гг., общины евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) возобновляют свою активную деятельность. В первую очередь, пасторы и проповедники религиозных общин начали активно восстанавливать разрушенные за годы войны молитвенные здания, способствовать воссозданию ранее образованных религиозных групп. Это вызвало настороженность местных контролирующих органов – Советов уполномоченных по делам религиозных культов областных

масштабов, основной задачей которых стал строгий контроль и учет численности, как верующих, так и религиозных общин, священнослужителей и зданий молитвенных домов. Таким образом, на территории Брестской области по состоянию на 1 января 1947 г. было зарегистрировано 44 группы евангельских христиан-баптистов [1, л. 55], где половину прихожан составляла молодежь.

Однако важным событием для церквей евангельских христиан-баптистов стало их объединение во Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) вместе с представителями христиан веры евангельской. Данная инициатива официальных властных структур, которая была юридически оформлена 29 августа 1945 г., послужила отправной точкой в конфликтных отношениях между представителями непротестантизма: баптистами и пятидесятниками. Причиной образования ВСЕХБ была попытка советской власти установить контроль за религиозной деятельностью неопротестантских деноминаций, в первую очередь, пятидесятниками. Лояльно настроенные к советскому государственному строю баптисты, рассматривались как основной сдерживающий фактор влияния пятидесятников на местное население. Не смотря на внешнюю схожесть этих деноминаций, существенные различия в области вероучения, обрядности, организационной структуры не могли сплотить в единый союз верующих. Достаточно часто представители пятидесятничества проводили богослужения на свой манер, нарушали принятые в среде союза постановления, чем дискредитировали баптистов перед официальными властями.

Учитывая, что Брестский регион является территорией большого сосредоточения религиозных групп и общин неопротестантских церквей, и баптистских в частности, уполномоченным Совета по делам религиозных культов Брестской области проводилась целенаправленная работа по сокращению численности религиозных объединений верующих.

Однако, попытки местных властей, направленные на уменьшение количества групп приверженцев баптизма, не достигали целей, а наоборот, статистика учета верующих отражала положительную динамику роста адептов в религиозных общинах. В 1946 г. численность представителей ЕХБ возросла на 495 человек, в 1947 г. – на 570, в 1948 г. – на 640 [2, с. 257].

Для того чтобы уменьшить численность религиозных групп баптистов, уполномоченным по делам религиозных культов предпринимались действия по объединению малочисленных общин

верующих (20–30 человек) в более укрупненные. Таким образом, государственные органы пытались сократить количество «малых» групп, и прихожан в них, так как часто принудительно объединенные общины находились на большом расстоянии друг от друга (от 10 до 30 км). При этом власти находили много причин для снятия с регистрации религиозных обществ.

Если рассматривать социальный состав групп баптистов, то большинство их составляли женщины (около 80 %), молодежь и пенсионеры. Исходя из этого, местными властями разрабатывались программы по усилению воспитательной идеологической работы в учреждениях образования, организации досуга населения, привлечению молодежи в кружки самодеятельности и общественным работам, формам атеистической пропаганды и т.д.

Тем не менее, стремление людей к познанию Бога, потребность в надежде и духовной пище привлекала новых адептов в ряды религиозных организаций. Таким образом, в 1952 г. в западных регионах Беларуси насчитывалось 139 групп баптистов и 9270 человек верующих. На 1 января 1955 г. в БССР действовало 155 общин евангельских христиан-баптистов, в которых насчитывалось 55308 последователей [2, с. 259].

В середине 1950 – начале 1960-х гг. продолжилась тенденция противостояния властных структур и религиозных объединений неопротестантов на фоне возрастающего интереса населения к религии. Управленческая вертикаль как могла препятствовала религиозной деятельности неопротестантских деноминаций, в частности и евангельских христиан-баптистов. Однако, не смотря на негативное отношение властей к представителям баптизма, лидеры и руководители ВСЕХБ предпочитали не допускать конфликтных ситуаций с местными государственными руководителями, даже когда нарушения прав верующих со стороны официальных органов были очевидны и неоспоримы.

Учитывая противоречивый характер, который обозначился в среде ВСЕХБ, в конце 1950-х гг. началось формирование идейного раскола в группах баптистов. Постепенно определялась оппозиция в среде верующих, которая предпочитала не подчиняться руководству ВСЕХБ и действовала самостоятельно. Одним из требований оппозиционеров стал призыв о несоблюдении и отказе подчиняться советскому религиозному законодательству, о расширении прав молодых верующих и новообращенных, о допущении их к пресвитерской и миссионерской деятельности. Сторонники оппозиции призывали верующих к уклонению от исполнения

«Положения о Союзе евангельских христиан – баптистов и его общин», требовали пересмотреть его статьи, которые, по их мнению, противоречили историческому прошлому баптизма и евангельскому христианству. Представители оппозиции выдвинули предложение о создании самостоятельной, независимой от ВСЕХБ организации евангельских христиан-баптистов «свободная церковь». Это привело к тому, что в 1956–1957 гг. произошли первые расколы в среде баптистов на территории Северного Кавказа, Крыма, Западной Сибири, центральных районах РСФСР, УССР и БССР. Однако усилия, предпринимаемые ВСЕХБ в борьбе с «отступниками», к концу 1950-х – началу 1960-х гг. привели к тому, что большая часть оппозиционеров оказалась вне Союза ЕХБ. В 1960 г. поводом для нового выступления оппозиции стало утверждение ВСЕХБ «Положения о Союзе евангельских христиан-баптистов». Воспользовавшись вспыхнувшими разногласиями, в августе 1961 г. инициативная группа выступила с предложением о чрезвычайном созыве Всесоюзного съезда церкви евангельских христиан-баптистов.

Инициативная группа нашла своих приверженцев, в первую очередь, в среде оппозиционеров, которые её поддержали своим большинством. В 1962 г. инициативная группа была изменена на Оргкомитет, куда вошли все представители от областей. В 1965 г. Оргкомитет был переименован в Совет церкви евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ).

Несмотря на официальную статистику и убеждения в том, что большинство баптистов остались верны позициям ВСЕХБ, число приверженцев Совета церкви ЕХБ росло очень стремительно, обретая авторитет в среде верующих баптистов. Особую обеспокоенность вызывал тот факт, что в рядах «раскольников» состояло много молодёжи.

Первая половина 1960-х гг. ознаменовалась достаточно жёсткими репрессиями в отношении верующих. Особое внимание в этой связи привлекали верующие западных регионов Беларуси (преимущественно Брестского региона), которые в большинстве своем поддержали СЦ ЕХБ. В 1960 г. в г. Бресте был разрушен молитвенный дом евангельских христиан-баптистов на месте которого был возведен жилой комплекс. В качестве альтернативы верующим брестчанам было предложено присоединиться для отправления религиозных культов к группе своих единоверцев в д. Вулька-Подгородская. Данный факт свидетельствовал о прямом нарушении существующего законодательства о культах, что только подкрепило позиции СЦ ЕХБ в целях борьбы за соблюдение прав верующих.

Достаточно жестко и бескомпромиссно «расправлялись» с приверженцами оппозиции ВСЕХБ, так как власти не желали иметь в среде верующих самоуправленческие организации. Таким образом, было сфабриковано дело против ряда руководителей оппозиционных групп. Как правило, в основе обвинительных приговоров были факты по привлечению в общину молодежи, организации молитвенных собраний в частных домах и т.д.

Принимаемые в первой половине 1960-х гг. постановления и поправки к существующему религиозному законодательству, усиливали атеистическую пропаганду, предоставляли неограниченные права официальным органам власти в «борьбе» с антисоветскими «элементами». Как правило, в среде объединений баптистов, к ответственности привлекались «раскольники», за нарушение законодательства о культах, распространение религиозной литературы, сотрудничество с зарубежными единоверцами.

С приходом к власти Л. И. Брежнева, в религиозной жизни наступает новый этап взаимоотношений с государством. Как и ранее, многие представители баптизма стояли на позиции «раскольников», ратуя за отмену существовавшего законодательства о культах, пересмотр отношения государства к религиозным объединениям. К концу 1960-х гг. бывшее противостояние государственных органов и неопротестантских общин возросло. В 1967 г. после принятия Указа Президиума Верховного Совета БССР «Об административной ответственности и криминальной ответственности за нарушение законодательства о культах» усилились преследования приверженцев СЦ ЕХБ. Пользуясь этим постановлением, к ответственности было привлечено 76 человек в 1967 г., к криминальной – 4.

Учитывая активизацию деятельности религиозных общин баптистов, как входящих в состав ВСЕХБ, так и СЦ ЕХБ, на территории Брестского региона повсеместно создавались, так называемые комиссии содействия. Основной их целью было выявление правонарушений со стороны верующих, анализ деятельности религиозных организаций и своевременное информирование местных контролирующих органов власти о ситуации внутрицерковной атмосферы в приходах. Однако подобная форма контроля за деятельностью религиозных объединений не имела успеха, так как создавались они под общественным давлением из числа служащих, рабочих, медиков и работников образования не заинтересованных в исполнении надзорных функций.

Таким образом, несмотря на попытки, предпринимаемые местными властными структурами по сокращению численности

общин евангельских христиан-баптистов и количества верующих в них, баптизм являлся одной из влиятельнейших неопротестантских деноминаций в Брестском регионе.

Список использованных источников и литературы

- 1 Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1. План-отчет уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1947 г.
- 2 Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.] ; пад рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

УДК 94:355.21(476.2)"1920"

В. В. Цацарин

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОКОТСКОГО ВОЕННОГО КОМИССАРИАТА ПО БОРЬБЕ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ В 1920 ГОДУ

Первые годы после установления советской власти не были для населения спокойными. На территории Беларуси военные действия происходили перманентно. В начале 1920 г. возобновились боевые действия советско-польской войны. Войска Польши в начале весны захватили Мозырь и Калинковичи.

Попытки большевиков сформировать абсолютно добровольческую РККА остались позади. Мобилизации проводились не только среди идейных большевиков, но и среди простых крестьян. Менталитет крестьянина традиционно непатриотичен. Его больше интересовала его маленькая Родина, участок земли, который он обрабатывал, и благополучие семьи. Красноармейцы самовольно бежали домой или вовсе уклонялись от службы. Поэтому одним из важнейших аспектов деятельности волостных военных комиссариатов как низшего звена, которое проводит работу непосредственно с населением, было выявление дезертиров и отправка их обратно на фронт.

Покотской волостной военкомат объединял 13 сельских советов (сейчас это Чечерский и Ветковский районы Гомельской области).

В январе 1920 г. был получен приказ подать список дезертиров, которые скрывались в селениях волости [1]. Согласно пришедшему в этом же месяце циркуляру, «дезертиров, поступивших на работы до первого ноября прошлого (1919 – В.Ц.) года на лесозаготовительные работы не снимать. Дезертиров, уклонившихся вовсе от службы в красной армии с лесозаготовительных работ ни в коем случае не снимать, ибо таковыя будут на местах сведены в рабочия роты» [2].

В феврале волвоенкомат получил телеграмму Ценкомдезертир о «мобилизации родившихся в 1901 году», где требовалось «...выловить всех уклонившихся», сверяя по спискам явившихся и общим списком [3].

К весне ожидалось увеличение числа дезертиров, что связывалось как с тяжёлым положением в армии, так и с началом сельскохозяйственных работ. В марте Губкомдезертир призвал начать «быстрое и решительное проведение репрессий против дезертиров, укрывателей» [4]. Предполагалось «безвозмездное отчуждение части живого инвентаря, денежных сумм в большом размере, земельных наделов с посевом, а также предупреждение, что при дальнейшем невступлении дезертира в ряды Красной Армии означенная мера будет повторена ещё в большем размере» [4]. Конкретных тарифов штрафов, количества скота и земли, которое подлежало конфискации, не указывалось. Чтобы вернуть семье отобранное, дезертир должен был на протяжении недели прибыть в военкомат волости. В противном случае конфискованное оставалось в качестве контрибуции [4]. В таком качестве имущество должно было передаваться из волости в уезд. Однако данное требование предволкомдезертир выполнял неохотно, о чём свидетельствуют постоянные «напоминания» [5].

В марте было получено очень строгое распоряжение, предусматривавшее передачу «суду Ревтрибунала местную власть, лиц сельских волостных исполкомов, если в волости будет обнаружен хоть один дезертир» [6]. Документальных подтверждений исполнения данного приказа нет.

В ответ на распоряжение предволкомдезертир покотского волвоенкомата Самков описал все трудности, с которыми приходится сталкиваться в борьбе с дезертирами, ввиду отсутствия у него «реальной вооружённой силы. Милиция же... всегда занята по гражданским делам» [7].

В результате совещания в Уездкомдезертир было принято решение составить в волости военную команду из красноармейцев не менее чем из пяти человек [8].

Следующим шагом в борьбе с дезертирством стал циркуляр, предписывающий с начала мая отправлять еженедельные отчёты о «... числе лиц, подлежащих вылавливанию, скоплению банд», месте их расположения и численности [9]. С октября – ноября отчёты необходимо было предоставлять уже дважды в месяц: к 1 и 15 числу [10]. Но поступали бумаги из Покоти крайне нерегулярно. Частые напоминания об их необходимости сменились уведомлением о наложении на предволкомдезертир штрафа в размере 1000 рублей (июнь 1920). Вслед за этим следует его объяснение всех причин и трудностей в борьбе с дезертирами [11].

Чтобы облегчить поимку, все населённые пункты волости разделили на десятки и пятки – участки по 10 или 5 дворов. Во главе их стояли ответственные за дезертиров в своём районе. Ответственным назначали местного жителя «из числа расторопных, грамотных и партийных товарищей» [12]. В волвоенкомате решили не производить деление только в тех селениях, где насчитывалось менее 50 дворов. Также постановили взять со всех жителей населённых пунктов волости подписки-обязательства не укрывать дезертиров [13]. Реализация постановления о подписках натолкнулась на пассивное сопротивление (подписываться не хотели), за что следовали штрафные санкции [14].

15 июня 1920 г. волвоенкомат получил приказ о новом ранжировании дезертиров. Выделялись четыре их категории:

1. Лица, родившиеся в 1895–1900 гг. (кроме лиц, попавших во вторую категорию).

2. Служившие ранее в кавалерии, артиллерии, технических войсках, бывшие унтер-офицеры.

3. Родившиеся в 1894, 1893 гг. и более старшие, не попавшие во вторую категорию.

4. Злостные дезертиры (лица, дезертировавшие более одного раза или уличённые в бандитизме).

На лесозаготовительных работах оставлялись теперь лишь дезертиры третьей категории, но лишь те, кто выполнял установленную дневную норму. Тех, кто норму не выработывал или был замечен в подстрекательстве к саботажу, отдавали под суд, согласно § 7 приказа. К сожалению, в самом документе данный пункт отсутствует и о тяжести наказания судить невозможно. Дезертиров иных категорий необходимо было передавать в пересыльные пункты, причём оставлять «квалифицированных плотников и столяров на работу по восстановлению и сооружению военно-стратегических мостов». Эту группу необходимо было держать на особом учёте [15].

В преддверии 7-ой годовщины революции проводилась «неделя добровольной сдачи дезертиров», закончившаяся 26 ноября. К тем, кто не явился до этого срока, было приказано применять «репрессии в двойном размере» [16]. В то же время проводилась своего рода амнистия: не произведённые конфискации, наложенные до 7 ноября, не проводились [16].

Самым практикуемым видом репрессий была конфискация имущества дезертиров и их укрывателей. Чаще всего экспроприировали одежду [17] или лошадей. Прежние владельцы могли получить имущество обратно, если бывший дезертир отправится на фронт и будет там награждён. Если семья дезертира относилась к разряду бедной, то она могла рассчитывать на помощь такой организации, как Укомкрасхоз [18].

В целом, можно отметить усиление мер по борьбе с дезертирством на протяжении года. Однако, судя по всему, на местах волостное управление не проявляло должного рвения в данном вопросе. Наличие людей, которые бежали с фронтов несколько раз и постоянные напоминания волостному военкомату от вышестоящих органов о необходимости ведения борьбы и её усиления доказывают, что случаи дезертирства в то время не были единичными. Живя в ограниченном пространстве, особо усердствовать в деле поимки дезертиров волостная военная власть не желала.

Список использованных источников и литературы

- 1 Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.
- 2 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
- 3 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
- 4 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 33.
- 5 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 107, 132, 146, 152, 154.
- 6 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.
- 7 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 32.
- 8 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.
- 9 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 53.
- 10 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 97.
- 11 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 16. Л. 89–90.
- 12 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 60, 62, 75, 81, 155.
- 13 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 81.
- 14 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 16. Л. 121.
- 15 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 83.
- 16 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 164.

17 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 11. Л. 119, 123, 126; Ф. 1674. Оп. 1. Д. 16. Л. 21; Ф. 1674. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–5.
18 ГАГО. – Ф. 1674. Оп. 1. Д. 16. Л. 125.

УДК 94:355(476+474.5)“1812”

С. А. Чаропка

(Гомель, УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Ф. Скарыны»)

ЛІТОЎСКАЯ АРМІЯ 1812 ГОДА: СТРУКТУРА І АРГАНІЗАЦЫЯ

Вайна 1812 г. паміж Расіяй і Францыяй стала, як і многія папярэднія войны ў нашай гісторыі, надзвычай неадназначнай з’явай. У патрыятычна настроеных колах былой Кароны і ВКЛ узнікла надзея на адраджэнне польска-літоўскай дзяржавы, многія шляхціцы з Літвы і Беларусі ўцякалі ў адраджаную Польшчу. Шмат былых афіцэраў ВКЛ далучыліся да арміі Варшаўскага княства. Іншая частка палітычнай эліты былога ВКЛ, якая знаходзілася на падкантрольных Расіі беларускіх землях, распрацавала праект стварэння аўтаномнага ВКЛ у складзе Расіі, але гэтая ідэя не ажыццявілася [1; 2]. Грамадска-палітычнае жыццё віравала, таму няма нічога дзіўнага, што з пачаткам франка-расійскай вайны 1812 г. значная шляхта палітычнай эліты былога ВКЛ у спадзяванні на адраджэнне айчыны падтрымала Напалеона.

Вайна 1812 г. на Беларусі не магла застацца па-за ўвагай даследчыкаў. За савецкім часам нешматлікія беларускія даследчыкі звычайна адлюстроўвалі агульнарасійскі падыход да гэтай праблемы, звяртаючы ўвагу пераважна на сацыяльна-эканамічныя аспекты вайны. З набываннем беларускім народам дзяржаўнай незалежнасці, увага айчынных гісторыкаў стала засяроджвацца менавіта на ролі Беларусі і яе жыхароў у вайне 1812 г., у тым ліку і на тэме стварэння арміі ВКЛ у 1812 г. [2–13]. Расійская гістарыяграфія праблемы мае даўнія карані. Яшчэ з 20-х гг. XIX ст. вайна 1812 г. актыўна і шырока даследавалася расійскімі гісторыкамі, але яе асаблівасці для беларускага народа выдзелены не былі. За савецкім часам агульны падыход да ацэнкі вайны не змяніўся. Асноўная ўвага надавалася адлюстраванню змагання беларускага насельніцтва супраць французаў. Пасля распаду СССР расійская гістарыяграфія засталася на старых пазіцыях у адносінах да ролі і месца зямель Беларусі ў

падзеях 1812 г., але з'явіліся асобныя работы, якія былі прысвечаны вывучэнню арміі ВКЛ [14–18]. Польская гістарыяграфія абазначанай тэмы зарадзілася ў пачатку ХХ ст. і ў цэнтры яе ўвагі апынуліся пераважна сацыяльна-эканамічныя пытанні, праблемы арганізацыі арміі. Сучасныя польскія даследчыкі надаюць вялікую ўвагу становішчу на беларускіх землях падчас вайны 1812 г., тэме ваенных фарміраванняў беларускай шляхты і іх ролі ў вайне 1812 г. [19–23]. Спробу аналізу шляхоў стварэння арміі ВКЛ зрабілі і літоўскія гісторыкі [24]. Нягледзячы на значны гістарыяграфічны задзел, тым не менш існуе вялізны патэнцыял для далейшага вывучэння абранай тэмы і, перш за ўсё, яе асобных аспектаў.

У першыя дні ліпеня было вырашана стварыць армію ВКЛ у складзе 5 пяхотных і 4 кавалерыйскіх палкоў [19, с. 480]. Галоўнай мэтай гэтага войска з'яўлялася ахова шляхоў камунікацый на тэрыторыі дэпартаменту ВКЛ ад рэйдаў расійскай арміі. Камплектацыя палкоў ВКЛ адрознівалася ад падраздзяленняў Варшаўскага княства. Кожны пяхотны полк мусіў складацца з 3 батальёнаў па 6 рот у кожным, у т.л. 4 роты фузілёрскіх, па адной грэнадзёрскай і вальтыжэрскай. Штатны склад палка налічваў 66 афіцэраў і 2010 падафіцэраў і шараговых. Кавалерыйскі полк мусіў складацца з 4 эскадронаў па 2 роты кожным і налічваць 981 жаўнера [19, с. 498–499]. Такім чынам, паводле планаў агулам войска ВКЛ павінна было налічваць 14304 вайскоўца, з якіх у пяхоце – 330 афіцэраў і 10050 падафіцэраў і шараговых, у кавалерыі 168 афіцэраў і 3756 падафіцэраў і шараговых. На ўзбраенне арміі ВКЛ планавалася выдзеліць 1998 карабінаў і 867 шабель для кожнага пяхотнага палка [19, с. 499].

Рэгіменты літоўскай арміі атрымалі нумары, якія працягвалі нумарацыю падраздзяленняў узброеных сіл Варшаўскага княства, г.зн. у пяхоце – з 18 па 22, у кавалерыі – з 17 па 20. Пры гэтым войска ВКЛ не з'яўлялася часткаю польскай арміі. Па лініі ваеннага кіравання армія ВКЛ падпарадкоўвалася ўласнаму штабу, які быў звязаны непасрэдна з Галоўным штабам «Вялікай арміі». Па адміністрацыйнай лініі яна падпарадкоўвалася Ваеннаму камітэту.

Для каардынацыі дзеянняў па стварэнні войска у канцы жніўня паўстала генеральная інспекцыя арміі ВКЛ, якая не была органам камандавання літоўскіх войскаў, а мэтай яе існавання з'яўлялася дапамога ў арганізацыі арміі. Фармальна інспекцыя падпарадкоўвалася Ваеннаму камітэту, але ў рэальнасці, дзякуючы асабістым сувязям генерала Р. Гедройца, супрацоўнічала з генерал-губернатарам Д. Гогендорпам. Генерал-інспектарам арміі ВКЛ стаў кадравы афіцэр арміі ВКЛ дывізіённы генерал князь Рамуальд Гедройц. Генерал-інспектарам пяхоты быў прызначаны брыгадны

генерал граф Кс. Ф. Несялоўскі, генерал-інспектарам кавалерыі стаў брыгадны генерал Ю. Ваўжэцкі [13, с. 14].

Актыўныя дзеянні па стварэнні войска пачаліся адразу ж з пачатку ліпеня. 25 ліпеня Ваенны камітэт прыняў пастанову аб наборы з 5 па 30 жніўня на шасцігадовую службу ў пяхоце 10 тысяч кантаністаў з мужчын ва ўзросце 17–34 гадоў. У выніку праведзенага набору было сфарміравана амаль 6 пяхотных і 4 уланскіх палка. 24 жніўня было вырашана ўтварыць дадаткова 6 стралецкіх (егерскіх) батальёнаў па 6 рот. У кожнай роце мусіла быць па 9 афіцэраў і падафіцэраў і 130 шарагоўцаў. Значна пазней, у лістападзе, было вырашана ўтварыць 2 стралецкіх палка па 3 батальёны ў кожным. Для фарміравання стралецкіх батальёнаў Ваенная камісія вырашыла рэкрутаваць 2/3 усіх ляснікоў ВКЛ. Насамрэч удалося сфарміраваць толькі 3 батальёны [20, с. 175].

З ініцыятывай фарміравання новых палкоў выступіў А. Пацей, які пачаў збіраць у 23-і пяхотны полк Мінску. За свой кошт пачаў фарміраванне 21-га палка конных стралкоў Ігнат Манюшка [19, с. 563]. У мястэчку Жалудок Лідскага павета ў верасні-кастрычніку за асабісты кошт Р. Тызенгаўза фарміравалася конна-артылерыйская рота, якая налічвала 124 чалавекі і 131 каня і павінна была атрымаць на сваё ўзбраенне 12 гармат [9]. У Расіенскім павеце пачаў арганізацыю кавалерыйскага палка Ю. Гедрайц. У Пінскім павеце падобную спробу зрабіў Г. Яленскі. [19, с. 561]. У баку ад грамадска-палітычных падзей на Беларусі не засталася і мясцовае татарскае насельніцтва. Арганізатарамі татарскіх узброеных фарміраванняў сталі былы падпалкоўнік 4 палка пярэдняй варты ВКЛ М. М. Ахматовіч [17; 19, с. 559]. У Навагрудскі, Ашмянскі, Лідскі, Ковенскі, Мінскі паветы, дзе пражывала татарскае насельніцтва, былі разасланы афіцэры, аднак сфарміраваць паспелі толькі адзін эскадрон.

1 ліпеня 1812 г. пачаўся працэс стварэння нацыянальнай гвардыі і жандармерыі ў цэнтрах дэпартаментнаў і ў гарадах з магдэбургскім правам. Гвардыя прызначалася для аховы межаў ВКЛ, падтрымкі парадку, аховы грамадскай і прыватнай маёмасці, казны дэпартаментнаў, а таксама важных ваенных аб'ектаў. Планавалася стварыць 2 батальёны па 6 рот у кожным. Агульны склад нацыянальнай гвардыі мусіў налічваць 1450 чалавек. Узбраенне нацыянальных гвардзейцы атрымлівалі ад французскіх уладаў, яно было часткова французскім, часткова трафейным [18]. Жандармерыя прызначалася для паліцэйскай службы, барацьбы з бандытызмам і марадзёрствам, аказання ўзброенай дапамогі органам улады. У кожным дэпартаменце прызначаўся камандзір жандармерыі ў чыне палкоўніка, пад камандаваннем якога ў Віленскім і Мінскім дэпартаментнах было па 2 эскадронных шэфы, у Гарадзенскім і

Беластоцкім дэпартаментам – па аднаму. У кожным павеце стваралася па адной жандарскай роце на чале з капітанам [19, с. 587]. У выніку было набрана каля двух тысяч жандараў [18].

Пасля разгрому “Вялікай арміі” і падзення Напалеона, жаўнеры з Літвы і Беларусі апынуліся ў няпростым становішчы. Аднак лёс войска ВКЛ аказаўся не настолькі трагічным, як гэтага можна было чакаць. 24 сакавіка 1814 г. Аляксандр I прыняў групу магнатаў і шляхты былой Рэчы Паспалітай і дараваў ім падтрымку Напалеона. 17 красавіка 1814 г. у Сен-Дэні Аляксандр I прымаў парад польскага корпуса, у якім сярод іншых былі рэшткі 20 уланскага палка. У наступным гэты корпус увайшоў у склад арміі Каралеўства Польскага. 29 верасня 1814 г. польскія войскі вярнуліся Варшаву. Пасля таго як у 1818 г. скончыўся 6-гадовы тэрмін службы жаўнеры апошняга войска ВКЛ вярнуліся да дому [9].

Многія з афіцэраў войска ВКЛ у далейшым працягнулі службу ў арміі Каралеўства Польскага, як аўтаномнага дзяржаўнага ўтварэння ў складзе Расійскай імперыі. Генерал-інспектар арміі ВКЛ генерал дывізіі Р. Гедройц увайшоў у склад Ваеннага камітэту Каралеўства Польскага. Генерал-інспектар пяхоты граф Ф. К. Несялоўскі быў прызначаны камандзірам брыгады, А. Хадкевіч у званні палкоўніка быў прызначаны камандзірам штабу гвардыі Каралеўства, Я. Канопка стаў камандзірам 1 брыгады кавалерыі, але не здолеў уступіць на пасаду з прычыны хваробы і хуткай смерці.

Нягледзячы на тое, што сваёй барацьбой у перыяд з 1795 да 1814 г. патрыятычна настроеная шляхта Рэчы Паспалітай шмат чаго дамаглася – аўтаномнага статуса для Польшчы, увядзенне Канстытуцыі і г.д., але мараў аб адраджэнні страчанай у 1795 г. Айчыны многія не пазбавіліся. Калі ў 1830 г. распачалося Лістападаўскае паўстанне, шмат хто з афіцэраў войска ВКЛ сталі пад штандары незалежнасці. Ф. К. Несялоўскі, К. Д. Пшэздзецкі, А. Гелгуд, С. Чапскі ўпарта змагаліся ў шэрагах інсургентаў за адраджэнне Рэчы Паспалітай, звязываючы будучыню беларускіх зямель толькі з гэтай краінай.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

- 1 Антонаў, В. В. Агінскага план 1811 / В. В. Антонаў, С. С. Рудовіч, В. В. Швед // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 31-32.
- 2 Лукашевич, А. М. Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810–1812) / А. М. Лукашевич // <http://www.museum.ru/1812/Library/Lukashevich/index.html>

- 3 Корнейчик, Е. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года / Е. Корнейчик. – Минск : Наука и техника, 1978. – 267 с.
- 4 Ружанец, А. Літоўска-беларускае войска цэсара Напалеона / А. Ружанец // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 1. – С. 29–30.
- 5 Таляронак, С. Апошняя армія ВКЛ (1812-1814) / С. Таляронак, А. Блінец // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 2. – С. 22–34.
- 6 Лукашэвіч, А. Ваеннае становішча ў Беларусі ў 1812 г. / А. Лукашэвіч / <http://www.jivebelarus.net/history/gistografia/war-situation-in-belarus-at-1812.html>
- 7 Швед, В. В. Фарміраванне і дзейнасць арміі ВКЛ (1812–1815) / В. В. Швед // Веснік Брэсцкага дзярж. ун-та. – 2000. – № 1. – С. 49–57.
- 8 Швед, В. Вялікае княства Літоўскае ў 1812 годзе / В. Швед // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 3. – С. 9–15.
- 9 Швед, В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805– 1815 гады / В. Швед, С. Данскіх. – Гродна, 2006. – 252 с.
- 10 Ерашэвіч, А. У. Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799–1815): Аўтарэферат дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. У. Ерашэвіч; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2003. – 21 с.
- 11 Філатава, А. Вайна 1812 г. і Беларусь / А. Філатава // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч [і інш.]; рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2005. – С. 75–86.
- 12 Крывіцкая, К. В. Прафранцузскія настроі насельніцтва Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губерняў і Беластоцкай воласці напярэдадні вайны 1812 г. / К. В. Крывіцкая // Весці БДУ, №3(49), 2006. – С. 34– 37.
- 13 Крывіцкая, К. В. Арганізацыя ўзброенных сіл вялікага Княства Літоўскага ў перыяд вайны 1812 года / К. В. Крывіцкая // Весці БДУ, №1(51), 2007. – С. 12–15.
- 14 Орловский, Е.Ф. Гродненская губерния в 1812 году. Ист. Очерк / Е. Ф. Орловский. – Гродно : губернская типография, 1912. – 50 с.
- 15 Тарле, Е. В. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год / Е. В. Тарле. – М. : Наука, 1992. – 304 с.
- 16 Жилин, П. А. Гибель наполеоновской армии в России / П. А. Жилин. – М. : Наука, 1974. – 451 с.
- 17 Шереметьев, О. В. Литовские татары в составе Императорской гвардии Наполеона / О. В. Шереметьев // www.august-1914.ru/sheremetev.pdf.
- 18 Кудряшов, И. Ю. Вооруженные силы Литовского княжества 1812 года / И. Ю. Кудряшов. – М., 1991. – 19 с.
- 19 Nawrot, D. Litwa i Napoleon w 1812 roku / D. Nawrot. – Katowice, wyd. Uniwersitetu Slaskiego, 2008. – 790 s.
- 20 Nawrot, D. Bataliony strzelców na Litwie w 1812 r. / D. Nawrot // Wschodni rocznik humanistyczny. – 2005. – Т. II. – S. 169–190.

- 21 Kukiel, M. Zarys historii wojskowości w Polsce / M. Kukiel. – Kraków, nakładem Krakowskiej spółki wzdawnicyej, 1929. – 356 s.
- 22 Gembarzewski, B. Rodowody pułków polskich i oddziałów równorzędnych od r.1717 do r. 1831 / B. Gembarzewski. – Warszawa nakładem tow.wiedzy wojskowej, 1925. – 100 s.
- 23 Staszewski, J. Generał Dominik Dziewanowski / J. Staszewski. – Poznan, członkami druk. wydaw. w Kaliszu, 1933. – 80 s.
- 24 Gaidis, H.L. Napoleon's Lithuanian forces / H. L. Gaidis // Lithuanian quarterly journal of arts and sciences. Volume 30. – 1984. – № 1 // http://www.lituanus.org/1984_1/84_1_01.htm
- 25 Staszewski, J. Pamiętnik Piotra Łagowskiego o wojnie 1812 r. na Litwie / J. Staszewski. – Wilno, drukarnia artystyczna «Grafika», 1936. – 38 s.
- 26 Журнал военных действий с 6 (18) по 8 (20) февраля 1813 // http://www.museum.ru/1812/War/News_rus/izv167.html

УДК 312.95(476)«1950/1980»

В. А. Шейбак

(Минск, ГНУ «Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси»)

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ БССР В 1950–1980-Е ГОДЫ

Для современной белорусской этнологии все большую значимость приобретают региональные исследования. Изучение проблем этногенеза и этнической истории в границах каждого из историко-этнографических регионов нашей страны позволит лучше понять и осветить весьма сложный процесс этнокультурной эволюции Беларуси. В рамках статьи мы попытаемся рассмотреть динамику этнического состава населения Брестчины в течение 1950-х – 1980-х гг., принимая во внимание то обстоятельство, что указанный период являлся для жителей Западного Полесья временем, когда они полностью реализовали свое право на самоидентификацию, развитие этнического самосознания.

С момента включения западнополесского края, который в период между двумя мировыми войнами был частью польского государства, в состав БССР отчетливо проявляется тенденция к формированию в среде коренного населения Брестчины устойчивого восприятия своей принадлежности к белорусскому этносу. Активизируется процесс

оформления у большинства жителей региона (в том числе и посредством записи в соответствующей графе паспорта) белорусской идентичности, что прежде (в 1920-е – 1930-е гг.) было затруднено ввиду проводимой на территории Брестчины польскими властями политики полонизации. Об этом же свидетельствуют и материалы ряда проведенных в регионе в советский период переписей. Опираясь на данные переписей населения Брестской области БССР 1959, 1970, 1979, 1989 гг. (см. табл. 1), можно проследить и охарактеризовать динамику этнического состава региона. В целом с конца 1950-х по конец 1980-х гг. наблюдался постепенный неуклонный рост численности населения Брестчины. Если в 1959 г. проживали в области 1180133 человека, то в 1989 г. – 1449002. Белорусы на всем протяжении рассматриваемого периода составляли подавляющее большинство: их доля в общей численности населения колебалась в пределах от 82,8 % до 86,1 %. Второй по величине этнической группой (резко прибавившей и в количественном, и в процентном отношениях) были русские: процентные показатели роста – 7,5 % от общего числа жителей в 1959 г. и 10,1 % – в 1989 г. Третью и четвертую позиции в этнической структуре области делили между собой поляки и украинцы. И если для польской этнической группы была характерна тенденция к снижению численности (от 3,5 % до 2,2 %), то для украинской – к осязаемому росту (от 2,2 % до 4,2 %). В итоге, изначально количественно уступая, к 1989 г. украинцы по численности значительно превзошли поляков. В сравнении с межвоенным периодом была зафиксирована громадная убыль еврейского населения (основная причина – Холокост). В поствоенную эпоху влияла на постепенное снижение количественных показателей евреев (в этнической структуре Брестчины по численности занимали пятое место) их эмиграция на историческую родину. Если в 1959 г. в области насчитывалось 6022 еврея, то в 1989 г. – всего лишь 3227. Примечательно, что, несмотря на определяемую переписями полиэтничность региона, в котором проживали и проживают представители многих народов (например, татары, армяне, азербайджанцы, грузины, литовцы, латыши, немцы, цыгане, молдаване, казахи и др.), доля неславянского населения Брестчины была совсем незначительна: в 1989 г. белорусы, русские, украинцы и поляки вместе составляли 99,3 % от количества всех жителей области [2, с. 10–11].

Таблица 1 – Динамика этнического состава населения Брестской области, конец 1950-х – конец 1980-х гг.

	1959	1970	1979	1989	Доля лиц данной национальности в общей численности населения, процентов			
					1959	1970	1979	1989
Все население	1 180 133	1 292 622	1 357 902	1 449 002	100	100	100	100
Белорусы	1 013 957	1 112 813	1 149 177	1 199 536	85,9	86,1	84,6	82,8
Русские	88 075	106 030	124 396	145 887	7,5	8,2	9,2	10,1
Поляки	41 884	32 483	33 897	31 674	3,5	2,5	2,5	2,2
Украинцы	25 729	31 617	40 549	60 644	2,2	2,4	3,0	4,2
Евреи	6 022	5 015	4 076	3 227	0,5	0,4	0,3	0,2
Армяне	...	266	251	457	...	0,0	0,0	0,0
Татары	707	841	879	1 101	0,1	0,1	0,1	0,1
Цыгане	...	310	559	943	...	0,0	0,0	0,1
Азербайджанцы	...	121	227	477	...	0,0	0,0	0,0
Литовцы	...	385	398	509	...	0,0	0,0	0,0
Молдоване	...	258	641	794	...	0,0	0,0	0,1
Туркмены	67	0,0
Немцы	...	237	336	503	...	0,0	0,0	0,0
Грузины	...	126	153	242	...	0,0	0,0	0,0
Узбеки	...	244	292	278	...	0,0	0,0	0,0
Латыши	...	152	185	207	...	0,0	0,0	0,0
Казахи	...	121	139	163	...	0,0	0,0	0,0
Чуваши	...	231	247	387	...	0,0	0,0	0,0

Важной (в контексте распространения и укрепления в массовом сознании белорусской идентичности) тенденцией в динамике этнической структуры в рассматриваемом регионе является постепенный рост удельного веса белорусов в составе городского населения. Так, из материалов переписи 1959 г. следует, что доля белорусов в структуре сельского населения составляла 92,8 %, а городского – только 64,1 %. За тридцать лет (1959–1989) в Брестской области доля белорусов в структуре городского населения возросла до 76,2 % при сохранении высокого удельного веса белорусского населения в сельской местности – 91,3 %. Увеличение удельного веса белорусов-горожан в регионе во многом объясняется процессом урбанизации, осуществляемой (наряду с привлечением людских ресурсов извне) за счет внутренней миграции белорусов-сельчан в города. Если в 1959 г. жителями городских населенных пунктов Брестской области являлись 18 % от общей численности белорусов в регионе, то в 1989 г. таких уже

насчитывалось 52 % [1, с. 66–67]. Естественно, эти изменения служили основанием для нивелирования стереотипа о белорусах как преимущественно крестьянской общности, жителях деревни / села. Миграция белорусов-сельчан в города, повышение их образовательного уровня, расширение их кругозора и включение в межкультурные контакты – все это способствовало постепенному стиранию региональных / локальных этнокультурных черт, влияло на формирование национального (т.е. белорусского) самосознания.

Зафиксированное переписчиками наличие в этнической структуре Брестской области представителей ряда народов Закавказья и Средней Азии, что прежде не было типичным для данного региона, объясняется комплексом причин: на территорию Брестчины уроженцы разных республик многонационального Советского Союза прибывали на учебу, на работу в различных отраслях народного хозяйства, оставались здесь жить после прохождения службы в армии, заключали браки с местными (женились / выходили замуж) и пр. По такого же рода причинам некоторая часть уроженцев Брестчины оказывалась вне пределов БССР, покинувшие регион становились жителями других республик СССР.

Как известно, в СССР в послевоенные десятилетия культивировался образ Беларуси (Белорусской ССР) как «республики-партизанки», население которой (конкретно указывался белорусский народ) проявило массовый героизм не только на фронтах Великой Отечественной, но и на оккупированной гитлеровцами родной земле, сражаясь с захватчиками в составе многочисленных партизанских отрядов и бригад, участвуя в работе подпольных организаций и пр. Вместе с тем именно на территории Брестчины советскими воинами (пограничниками, красноармейцами) был совершен подвиг, который получил широчайшее освещение на всей территории Советского Союза – оборона Брестской крепости. Героический образ защитников крепости, распространяемый средствами массовой информации, создаваемый в художественной литературе, развиваемый в киноискусстве, олицетворял стойкость и мужество советского народа или, более правильно, народов СССР, армия которого была, бесспорно, многонациональной. Брестская крепость стала одним из наиболее тиражируемых и узнаваемых в Советском Союзе символов, используемых в сферах идеологии, образования, культуры для формирования у новых поколений советской идентичности. Кульминационным моментом в процессе оформления идентификации Брестской крепости и утверждения ее значимости как священного символа, места памяти и поклонения, особой историко-культурной достопримечательности явилось присвоение ей в 1965 г. уникального звания – «Крепость-герой», что

на государственном уровне и в общественном сознании воспринималось и признавалось высшей степенью отличия. Стереотипы о героическом партизанском прошлом и Брестской крепости-герое выполняли важную роль в формировании у населения западнopolесского региона устойчивой белорусской и, шире, советской идентичности.

На этническую ситуацию в Брестской области, на эволюцию самосознания ее жителей влияли также распространение русского и белорусского литературных языков (правда, сфера употребления белорусского языка – национального в БССР – постепенно сужалась, уступая позиции русскому), функционирование белорусской и общесоветской систем культуры. Это имело значение для этнокультурного развития Брестчины и для самоидентификации большинства ее жителей, определяемой двумя формами идентичности – национальной (принадлежность к белорусам, белорусскому народу) и общегражданской (принадлежность к советскому обществу, советскому государству).

Список использованных источников и литературы

- 1 Заруцкий, С. А. Трансформация этнического состава и структуры населения Брестской области в XX – начале XXI столетий / С. А. Заруцкий // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 5. Хімія. Біялогія. Навука аб зямлі. – 2015. – № 1. – С. 63–70.
- 2 Перепись населения 2009 : стат. сборник: в 3 т. / Нац. стат. ком-т Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Зиновский (пред.) [и др.]. – Минск : РУП «Информац.-вычисл. центр Нац. Статист. комитета Респ. Беларусь», 2011. – Т. III : Национальный состав населения Республики Беларусь. – 433 с.

УДК 94(476)«1832/1917»(092)

Т. Н. Щерба

(Минск, Белорусский государственный университет)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН В БЕЛАРУСИ (1832–1917)

В 1832 г. в Российской империи была учреждена новая привилегированная группа городского населения – почетные граждане [2]. Создание ее было связано с необходимостью

предоставления возможности социального лифта для тех, кто имел отличия в той или иной сфере и стремился получить дворянство. На протяжении середины XIX – начала XX в. происходили изменения в социально-правовом положении почетных граждан и эти изменения были синхронны с эволюцией сословно-корпоративной организации общества в целом.

Тема социально-правового положения почетных граждан в Беларуси не становилась предметом самостоятельного углубленного изучения. В дореволюционный период сословную группу почетных граждан изучали преимущественно юристы и в рамках всей Российской империи [5, 11, 15]. В советский период эта группа только вскользь упоминается в исследованиях по социальной и социальной-экономической истории Беларуси, Российской империи XIX – начала XX в. [3, 16]. Лишь в последнее десятилетие на данную тему обратили внимание белорусские исследователи А. Г. Кохановский, В. С. Макаревич, А. В. Бурачонок [4, 9, 10, 12]. Кроме того, к этой теме обращались российские исследователи Б. Н. Миронов, Н. А. Иванова и В. П. Желтова, В. Ю. Рикман и др. [8, 13, 14]. Российские исследователи рассматривают почетных граждан в общеимперском пространстве и не выделяют особенностей, касающихся территории Беларуси.

Манифест 10 апреля 1832 г. провозглашал создание новой сословной группы городских обывателей. Почетные граждане изначально обладали свободой от подушного налога, рекрутской повинности, телесного наказания. Новая сословная группа обладала правом участвовать в выборах, а также быть избранным на городские общественные должности не ниже тех, на которые могли избираться купцы 1 и 2 гильдий. В частности, была одна особенность в том, что, если почетные граждане, которые являлись учеными или художниками не были записаны в гильдии, тогда они могли избираться на любые должности по собственному согласию. К почетным гражданам причисляли с правом передачи по наследству (потомственно) или пожизненно без права передачи своим детям звания (лично) [2].

Получить потомственное почетное гражданство можно было тремя способами: по праву рождения, через награждение (пожалование) и причисление. По праву рождения могли быть причислены к потомственным гражданам законные дети потомственных почетных граждан и дети личных дворян [2, § 7, манифест]. Со временем потомственное почетное гражданство по праву рождения могли получить дети священнослужителей православного и армяно-грегорианского вероисповедания, протестантских проповедников [17, Ст. 511]. К примеру, по праву

рождения потомственным почетным гражданином стал Александр Степанович Сцепуро, который был признан законным сыном умершего православного священника [7, л. 3]. Быть причисленными к потомственному почетному гражданству могли купцы, лица свободных состояний за отличия в науке и искусстве, художники, владельцы мануфактур и фабрик [2, § 8]. Право на потомственное почетное гражданство получали ученые со степенью доктора или магистра, а также те, что вели успешную профессиональную деятельность более десяти лет [17, Ст. 5 Приложения к ст. 514]. Потомственное почетное гражданство могли просить о присвоении иностранные ученые, художники, купцы, владельцы мануфактур, которые уже имели звание личного почетного гражданина на протяжении 10 лет и после вступления в российское подданство [2, § 11].

Личное почетное гражданство получали по праву рождения и вступления в брак, награждение, причисление. По праву рождения и вступление в брак к личному почетному гражданству относились дети, которых усыновили дворяне или потомственные почетные граждане, дети церковных причетников православного и армяно-грегорианского вероисповеданий. При этом было не важно, когда и в каком состоянии дети были рождены. Личное почетное гражданство получали вдовы церковных причетников православного и армяно-грегорианского исповедания, которые не принадлежали к потомственному дворянству [17, Ст. 512]. Через награждение, к примеру, почетное гражданство могли получить за оказанную в разных сферах в течении не менее десяти лет полезную деятельность [17, Ст. 513]. Причисленными к личному почетному гражданству могли быть те, кто получил в одном из университетов аттестаты об успешном окончании курса учебы, звание действительного студента, степень кандидата, художники, получившие от Академии художеств аттестаты об окончании полного курса учебы [2, § 5]. Иностранным ученым, художникам, владельцам мануфактур и фабрик личное почетное гражданство даровалось, хотя они могли и не вступать в российское подданство, и в этом случае оно присваивалось особым указом Правительствующего сената. Получали права личного почетного гражданства и те, кто не принадлежал к дворянам, но поступил на гражданскую службу, где получил чин 14 класса или был уволен в этом чине [1]. Так, по ходатайству управляющего акцизными сборами Минской губернии о награждении званием личным почетным гражданством было предложено несколько сотрудников: старшего помощника надзирателя 5 округа Александра Левенсона, помощника секретаря Семена Сергеева и надсмотрщика Михаила Адамовича [6, л. 3]. К началу XX в. список тех, кто

причислялся к личному почетному гражданству, был расширен. К примеру, право на личное почетное гражданство получали управляющие сельскими ремесленными учебными мастерскими, управляющие техническими и ремесленными учебными мастерскими ведомства министра торговли и промышленности, артисты императорских театров первого разряда, которые прослужили не меньше 10 лет. Был расширен и список учебных заведений, по окончании которых причислялись к личному почетному гражданству, одним из таких учебных заведений стало Горыгорецкое земледельческое училище. Евреям также предоставлялась возможность причисления к личному почетному гражданству, к примеру, по представлению министерства народного просвещения личное почетное гражданство получали содержатели частных еврейских училищ и Почетные блюстители из евреев, при условии, что они были на службе не менее 15 лет. Если кто-то из числа евреев устраивал на государственной земле поселение своих единоверцев, строил там дома со всеми хозяйственными постройками, приобретал скот, земледельческие орудия, семена для 25 семейств то он также получал возможность быть причисленным к личному почетному гражданству [17, Ст. 515].

Таким образом, почетные граждане представляли вторую после дворянства привилегированную группу населения, относились к числу городских обывателей, но как таковые к ним не принадлежали и не имели своей корпоративной организации. В целом во второй половине XIX – начала XX в. материалы делопроизводства и законодательные документы позволяют определить тенденцию эволюции, в первую очередь, связанной с постепенным изменением и формализацией сословной принадлежности.

Список использованных источников и литературы

- 1 «О порядке приобретения дворянства службою»: 11 июня 1845 г., № 19086 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: в 55 т. – Спб., 1846. – Т. 20. Отд. 1. – С. 450–451.
- 2 «Об установлении в состоянии городских обывателей нового сословия почетных граждан и о правах и преимуществах сего сословия»: 10 апреля 1832 г., № 5284 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: в 55 т. – Спб., 1833. – Т. 7. Отд. 2. – С. 193–195.
- 3 Бич, М. О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861-1904 гг. / М. О. Бич; ред. И. М. Игнатенко; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1983. – 280 с.

- 4 Бурачонок, А. В. Развіццё прадпрымальніцтва ў фабрычна-заводскай вытворчасці Беларусі (1861–1914 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. / А. В. Бурачонок. – Мінск, 2012. – 183 л.
- 5 Горячев, А. П. Как получить почетное гражданство: Свод относящихся законов, образцы прошений и ходатайств и руководящие указания / [А. П. Горячев]. – СПб. : журн. «Коммерч. деятель», 1911. – 32 с.
- 6 Дело о награждении званием личного почетного гражданина чиновников Минского акцизного управления А. Левенсона, С. Сергеева и М. Адамовича // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 4179.
- 7 Дело о разрешении Сцепуро купить участок земли в им. Целянка Игуменского уезда // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1, Д. 4802.
- 8 Иванова, Н. А. Сословное общество Российской империи (XVIII– начало XX века) / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. – М. : Новый хронограф, 2009. – 741 с.
- 9 Каханоўскі, А. Г. Ганаровыя грамадзяне ў саслоўна-карпаратыўнай арганізацыі беларускага грамадства ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / А. Г. Каханоўскі // Весн. Брэсц. ун-та. – Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2016. – № 1. – С. 15–20.
- 10 Каханоўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914) / А. Г. Каханоўскі // Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с.
- 11 Коркунов, Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунова, доктора государственного права, под ред. и с доп. приват-доцентов Санкт-Петербургского университета З. Д. Авалова, М. Б. Горенберга, К. Н. Соколова: [в 2 т.]. – 7-е изд. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909– 1913. – Т. 1. VI, [2], 623 с.
- 12 Макарэвіч, В. С. Дробная шляхта Беларусі ў 30–60-я гг. XIX ст. : склад і эвалюцыя сацыяльна-прававога становішча: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. / В. С. Макарэвіч. – Мінск, 2008. – 158 л.
- 13 Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) : В 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб. : «Дмитрий Буланин». – 548 + 583 с.
- 14 Рикман, В. Ю. Второе дворянство. Сословие почетных граждан в России: Общие положения и законодательство. – М. : Деп. Герольдии, 1992. – 38 с.
- 15 Роговин, Л. М. Почетное гражданство. Законы и разъяснения Сената и Министерства / Сост. Л. М. Роговин, под ред. С. И. Хоронжицкого. – СПб. : «На страже закона», 1914. – 80 с.
- 16 Рындзюнский, П. Г. Городское гражданство дореформенной России / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 559 с.
- 17 Свод законов о состояниях // Свод законов Российской империи. Изданный А. М. Нюренбергом. В 16 т. – СПб., 1910. – Т. 9. – 572 с.

2 КУЛЬТУРА БЕЛАРУСІ

УДК 39(476) “19/20”

І. Г. Бачыла

(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

ВОПЫТ АЙЧЫННАЙ ЭТНАЛОГІІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX – ПАЧАТКУ XXI СТАГОДДЗЯ ПА ВЫВУЧЭННІ ПЫТАННЯЎ ГІСТАРЫЧНА-ЭТНАГРАФІЧНАГА РАЯНАВАННЯ БЕЛАРУСІ

У вызначэнні прыярытэтных накірункаў даследчай працы айчынных этнолагаў на бліжэйшую перспектыву немагчыма абыйсціся без адпаведнай ацэнкі навуковых дасягненняў папярэднікаў, абагульнення іх вопыту па вывучэнню пэўнай праблемы.

Спробы падзяліць тэрыторыю Беларусі на разнастайныя гістарычна-этнаграфічныя, культурныя, дыялектныя рэгіёны прадпрымаліся яшчэ на этапе станаўлення беларускай этналагічнай навукі. Звычайна навуковыя прапановы такога падзелу розніліся ў першую чаргу крытэрыямі, якія браліся за аснову, а таксама часам і абставінамі, у якіх працаваў той ці іншы даследчык.

Канцэпцыя гаспадарча-культурных тыпаў і гістарычна-этнаграфічных абласцей пачала распрацоўвацца ў межах савецкай этнаграфічнай навукі ў даваенны перыяд. Новы імпульс такія даследаванні набываюць у другой палове XX ст. У першае пасляваеннае дзесяцігоддзе на фоне працэсу аднаўлення навуковых устаноў адбывалася афармленне і актыўнае развіццё шэрагу накірункаў даследаванняў. Так, адно з ключавых месцаў у этналагічнай навуцы занялі пытанні матэрыяльнай культуры беларусаў. Пospехі вучоных у гэтай галіне, а таксама дастатковы вопыт у пытаннях этнічнай гісторыі і духоўнай культуры актуалізавалі вывучэнне праблем гістарычна-этнаграфічнага раянавання Беларусі і склалі надзейны падмурак для абгрунтавання пэўных навуковых канцэпцый. У другой палове XX ст. вывучэнне тэрытарыяльных адрозненняў з’яў культуры стала адной з важнейшых задач айчыннай этналогіі, былі распрацаваны падыходы да гістарычна-этнаграфічнага раянавання. У межах адзіных рыс нацыянальнай культуры рэгіянальныя адрозненні вызначаліся па прыродна-ландшафтных і кліматычных умовах, асаблівасцях

гаспадарання, гістарычнай сістэме рассялення, тыпах паселішчаў і іх планіроўкі, адметнасцях жылля, прамысловых і рамесных заняткаў, касцюма і іншых аспектах. Разам з тым абагульняюцца асаблівасці мясцовых гаворак і дыялектаў, рысы фальклору, традыцыі сямейных і грамадскіх адносін [3, с. 7].

Вызначальнае месца ў кагорце айчынных этнолагаў савецкай пары, якія закраналі пытанне ўнутрыэтнічных адрозненняў у кантэксце вывучэння матэрыяльнай культуры беларусаў, бяспрэчна займае Л. А. Малчанавы. Даследуючы адну з самых шырокіх абласцей традыцыйнай культуры на падставе аналізу архіўных і музейных матэрыялаў, этнаграфічнай спадчыны навукоўцаў XIX – пачатку XX ст. і ўласных палявых матэрыялаў, ёю было прапанавана асабістае навуковае бачанне падзелу краіны на этнаграфічныя рэгіёны: “Беларусь – краіна без рэзкіх кантрастаў як у фізіка-геаграфічных, так і ў моўных адносінах... Разам з тым у матэрыяльнай культуры беларусаў лёгка заўважыць і мясцовыя асаблівасці, звязаныя з этнічнымі адрозненнямі, а таксама асаблівасці, выкліканыя захаванымі ў асобных месцах архаічнымі з’явамі культуры” [5, с. 34]. Канцэпцыя Л. А. Малчанавы была выкладзена ў яе аўтарскай манаграфіі “Матэрыяльная культура беларусов” (1968). Згодна асаблівасцям матэрыяльнай культуры і географіі распаўсюджання яе элементаў (сельскагаспадарчыя прылады працы, жыллё, касцюм) у межах краіны Л. А. Малчанавы былі вылучаны тры этнаграфічныя вобласці (Падняпроўе, паўночна-ўсходняя і паўднёва-заходняя). У апошнюю былі ўключаны неаднародныя ў гістарычна-культурных і этналінгвістычных адносінах часткі – Заходняе Палессе, Панямонне і Цэнтральная Беларусь [6, с. 228]. Праца змяшчае шэраг карт, якія наглядна дэманструюць распаўсюджанне пэўных з’яў (сохі, дахі) на тэрыторыі краіны.

Ідэі Л. А. Малчанавы сталі адпраўной кропкай у далейшым, больш глыбокім даследаванні пытання гістарычна-этнаграфічнага раянавання Беларусі. Так, у 1960-х гг. у межах савецкай школы распрацоўвалася праблематыка фарміравання рэгіянальных і лакальных комплексаў культур у русле працы над гістарычна-этнаграфічным атласам. Гэта была частка глабальнага навуковага праекта па стварэнню спецыяльных прац, якія б маглі ахапіць усе вобласці традыцыйнай культуры народаў СССР. Атласы разглядаліся як адзін з найважнейшых відаў абагульняючых работ, якія б маглі адлюстраваць дасягненні этнаграфічнай навукі і ўводзілі б іх у даступнай форме ў навуковы зварот. У межах працы над атласам беларускімі навукоўцамі вяліся даследаванні па ўсёй тэрыторыі

Беларусі. Даследчыкі Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР сумесна са спецыялістамі Украіны і Малдовы падрыхтавалі рэгіянальны “Гістарычна-этнаграфічны атлас Украіны, Беларусі і Малдовы”, на базе якога былі выдадзены тры калектыўныя манаграфіі: “Беларускае народнае жыллё” (1973), “Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў” (1974), “Беларускае народнае адзенне” (1975). У іх было паказана распаўсюджанне асноўных форм матэрыяльнай культуры беларусаў, яе рэгіянальных асаблівасцей. Выкарыстанне метадаў картаграфавання дазволіла зафіксаваць некаторыя адметнасці жылля, прылад працы і касцюма беларусаў. Праводзячы абагульненне матэрыялаў па традыцыйнаму жыллю, Э. Р. Сабаленка ў працы «Беларускае народнае жыллё» (1973) на аснове арэальнай характарыстыкі канструктыўных і структурна-планіровачных асаблівасцей выказала меркаванне аб існаванні трох яго лакальных тыпаў: паўночна-ўсходняга і ўсходняга; сярэднебеларускага; паўднёва-заходняга (Палессе) [2, с. 93]. Гэты падзел не супаў з прапанаваным раней падзелам Л. А. Малчанавай паводле асаблівасцяў матэрыяльнай культуры. І наадварот, адноснае супадзенне назіраецца ў дачыненні да абласцей, што былі вылучаны ў адпаведнасці з распаўсюджаннем сельскагаспадарчай тэхнікі, яе канструктыўных асаблівасцей. Толькі асобныя высновы Л. А. Малчанавай знайшлі ўдакладненне ў працы «Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў» (1974). Пэўная рэгіянальная разнастайнасць была зафіксавана ў адносінах да сялянскага касцюма: “... беларускае адзенне ў XIX – пачатку XX ст., як паказвае картаграфаванне, не было аднародным на ўсёй беларускай тэрыторыі. Многімі асаблівасцямі касцюма выдзяляецца вялікая тэрыторыя на паўднёвым захадзе – Палессе, раёны Падняпроўя з усходняй Віцебшчынай і тэрыторыя, якая ахоплівае сучасную заходнюю Віцебшчыну і поўнач Гродзеншчыны” [1, с. 94]. Аўтары паказалі, што кожная з гэтых абласцей мела своеасаблівыя культурныя цэнтры і працяглыя сувязі з іншымі этнасамі.

Дэталёвая распрацоўка гістарычна-этнаграфічнага раянавання Беларусі была ажыццяўлена В. С. Цітовым. Даследчык справядліва адзначаў, што вылучэнне этнаграфічных рэгіёнаў на Беларусі мае свае складанасці ў сувязі з адсутнасцю дакладна вызначаных культурна-гістарычных правінцый. Аднак комплексны падыход да праблемы і картаграфаванне характэрных этнічных прыкмет матэрыяльнай культуры дазволілі аўтару зрабіць выснову пра тое, што гістарычна-этнаграфічныя рэгіёны Беларусі цягнуцца да бассейнаў вялікіх рэк. У гэтай сувязі геаграфічныя найменні, якія сустракаюцца

ў этналагічнай літаратуры (Падняпроўе, Панямонне і г.д.) не з’яўляюцца выпадковымі. У межах працы этнаграфічныя дадзеныя былі супастаўлены з матэрыяламі археалогіі, лінгвістыкі, тапанімікі. У аснове вылучаных В. С. Цітовым шасці рэгіёнаў (Падзвінне, Падняпроўе, Цэнтральная Беларусь, Заходняе і Усходняе Палессе, Панямонне) ляжаць культурна-гістарычныя адрозненні, якія калі лакалізуюцца ў тым ці іншым раёне, утвараюць цэласную сістэму ўзаемазвязаных кампанентаў – ландшафтна-геаграфічных умоў, характару рассялення і арганізацыі жылога асяродку, гаспадарчага ладу, этнасацыяльнай структуры насельніцтва, лінгвістычных асаблівасцей мясцовых гаворак [7, с. 64]. Канцэпцыя падзелу Беларусі на шэсць рэгіёнаў выкладзена В. С. Цітовым у шэрагу прац даследчыка (“Историко-этнографические регионы в экспозиции Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта”, 1982; “Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов”, 1983), а таксама калектыўным выданні “Помнікі этнаграфіі” (1981).

Вывучэнне гістарычна-этнаграфічнага раянавання, акрамя тэрытычнага асэнсавання, набыло і практычны выхад у межах стварэння і абгрунтавання канцэпцыі Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту. Калгасная палітыка, падзеі Вялікай Айчыннай вайны, пасляваенныя аграрныя рэформы актуалізавалі праблему захавання аўтэнтычных аб’ектаў матэрыяльнай культуры беларусаў. Пачалася распрацоўка метадычных асноў функцыянавання першага на Беларусі музея-скансена. Асаблівая ўвага звярталася на выяўленне рэгіянальных асаблівасцей матэрыяльнай культуры, збор прадметаў для экспазіцыі музея. У першую чаргу жылых, гаспадарчых і грамадскіх пабудоў. Арганізацыя музея пад адкрытым небам пачалася ў 1976 г. на беразе ракі Пціч, побач з Мінскам. Адпаведна праекту ў аснову музея былі пакладзены тэрытарыяльна-этнічны, функцыянальна-падпарадкавальны, гістарычны і сацыяльны прынцыпы. Была прапанавана канцэпцыя шасці рэгіёнаў. Такі падзел прыкладна адпавядае адміністрацыйна-тэрытарыяльнаму падзелу краіны дзеля больш зручнага адлюстравання ў экспазіцыях этнаграфічнай спадчыны абласцей. Экспазіцыйная зона складаецца з сектараў, прысвечаных культуры асноўных этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі (Падзвінне, Падняпроўе, Цэнтральная Беларусь, Панямонне, Заходняе і Усходняе Палессе) і сектара “Мястэчка”. Кожны сектар утварае адпаведны рэгіёну тып паселішча, у які ўваходзяць помнікі драўлянага дойлідства XVII – пачатку XX ст. У экспазіцыі размешчаны грамадскія, жылыя, гаспадарчыя і вытворчыя пабудовы,

у інтэр'ерах – прадметы хатняга ўжытку, прылады промыслаў і рамёстваў, адзенне, творы народнага мастацтва і інш. На жаль, на сённяшні дзень як самастойныя навукова-экспазіцыйныя сектары ў музеі функцыянуюць толькі тры.

У даследуемай праблематыцы адным з дыскусійных пытанняў стала магчымасць вызначэння этнаграфічнай спецыфікі цэнтральнага рэгіёну. Так, М. Ф. Піліпенка ў сваёй працы “Возникновение Беларуси: новая концепция” (1991), прысвечанай праблемам этнагенезу і этнічнай гісторыі беларусаў, вылучае толькі рэгіёны Падзвіння, Падняпроўя, Папрыпяцця і Панямоння.

Актуальнымі даследаваннямі па праблеме рэгіянальнай разнастайнасці гістарычна-культурнай спадчыны Беларусі з'яўляюцца працы А. І. Лакоткі. Сярод іх вылучаюцца манаграфіі “Историко-культурные регионы Беларуси” (2002) і “Историко-культурные ландшафты Беларуси” (2006). Даследчык сістэмна раскрывае ключавыя аспекты раянавання краіны, выкарыстоўваючы актуальную тэрміналогію. У манаграфіях адлюстравана карціна прыроднай і гістарычна-культурнай разнастайнасці Цэнтральнай Беларусі, Паазер'я, Падняпроўя, Палесся, Панямоння, а таксама больш за 30 лакальных раёнаў. Правамернасць вылучэння Цэнтральнага рэгіёну вучоны падкрэслівае асабліва: “В Центральном регионе есть возможность познакомиться с особенностями культуры Беларуси, характерными для всех регионов, так как здесь они соседствуют и синтезируют более общее, национальное. Отсюда при последовательном знакомстве с объектами туризма областей легче воспринимать их региональные черты” [4, с. 21].

Такім чынам, сёння прынята вылучаць на Беларусі шэсць гістарычна-этнаграфічных рэгіёнаў. Аднак мае такі падзел і сваіх крытыкаў: адны называюць яго штучным, другія – састарэлым. Сапраўды, навукова-тэхнічны прагрэс, масавае распаўсюджанне стандартызаваных форм культуры і іншае згладжваюць асаблівасці асобных рэгіёнаў. Тым не менш, дзеючая канцэпцыя як мінімум карысна тым, што дазваляе паказаць багацце, варыятыўнасць і ўнікальнасць культуры беларусаў.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

- 1 Беларускае народнае адзенне / Акадэмія навук БССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. В. К. Бандарчык. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 94 с.

- 2 Беларускае народнае жыллё / Акадэмія навук БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1973. – 125 с.
- 3 Лакотка, А. І. Гісторыка-культурныя рэгіёны Беларусі / А. І. Лакотка // Роднае слова. – 2006. – № 1. – С. 5–7.
- 4 Локотко, А. И. Историко-культурные ландшафты Беларуси / А. И. Локотко. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 470 с.
- 5 Малчанова, Л. А. Этнаграфічныя раёны рэспублікі / Л. А. Малчанова // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1972. – № 1. – С. 31–34.
- 6 Молчанова, Л. А. Матэрыяльная культура беларусов / Л. А. Молчанова. – Минск : Наука и техника, 1968. – 230 с.
- 7 Титов, В. С. Историко-этнографические регионы в экспозиции Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта / В. С. Титов. – Минск, 1982. – 69 с.

УДК 398.345 (476)

В. М. Бялявіна

(Мінск, ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі»)

ЗЕМЛЯРОБЧАЯ МАГІЯ БЕЛАРУСАЎ

Ва ўмовах сучаснага росту высокатэхналагічнай вытворчасці і культурна-эканамічнай інтэграцыі для кожнага народа неацэнна значэнне яго мінуўшчыны. На працягу многіх стагоддзяў у адзенні, жыллі, ежы, побыце, вераваннях, звычаях, абрадах, працоўнай дзейнасці народаў назапашваліся, сінтазаваліся і канцэнтраваліся іх самабытны нацыянальны вопыт і культурная адметнасць, страціўшы якія народ губляе і сваё этнічнае аблічча.

З глыбокай старажытнасці земляробства было асноўным гаспадарчым заняткам беларусаў, вызначаючы характар і асаблівасці іх матэрыяльнай і духоўнай культуры, лад жыцця, працоўныя навукі.

Адносна бедныя глебы, існаванне неспрыяльных фактарў клімату Беларусі – няўстойлівы характар надвор'я вясной і восенню, мяккая, з доўгімі адлігамі зіма, часта засушлівае або дажджлівае лета, познія веснавыя і раннія восеньскія замаразкі абумовілі існаванне ў традыцыйнай духоўнай культуры беларусаў складанай сістэмы апатрапейных аграрна-магічных дзеянняў і прыёмаў, скіраваных на абарону пасаваў ад непажаданых прыродных з'яў, чараўнікоў і злых людзей.

Першы выезд селяніна ў поле з сахою называўся ў беларусаў “заворваннем” і суправаджаўся шэрагам магічных дзеянняў. Да “заворвання” сяляне ніколі не ўбівалі ў зямлю ніякіх калоў, каб “не забіць зямлю”, бо лічылася, што пасеяннае пасля гэтага насенне не дасць усходаў [1, с. 91]. У Вілейскім павеце Віленскай губерні перад выездам у поле на заворванне гаспадар маліўся перад абразамі, ішоў у хлеў і ўзяўшы валоў на повад, выводзіў іх з хлява, а гаспадыня апрысквала іх свянцонай вадой. Прыехаўшы на пашню ён запрагаў валоў у саху і яшчэ раз асвячаў іх свянцонай вадой. Затым праворваў сахой некалькі барознаў і вяртаўся дадому, бо асноўны сэнс заворвання быў у тым, каб толькі распачаць земляробчыя работы [1, с. 91].

У Кобрынскім павеце Гродзенскай губерні сяляне ехалі заворваць поле вечарам на захадзе сонца, узяўшы з сабою хлеб і соль. Калі хтосьці пераходзіў дарогу, то бралі камень і перакідвалі цераз яго след, каб нейтралізаваць небяспеку ад гэтай сустрэчы [1, с. 92].

На паўночным усходзе Беларусі існаваў земляробчы абрад, звязаны з пачаткам веснавых палявых работ – “провідкі” (правідкі). За некалькі дзён да першага выезду ў поле з сахой на заворванне селянін ішоў у поле, узяўшы з сабой загорнутыя ў чысты ручнік хлеб, соль і асвечаныя ў царкве на Вербніцу галінкі вярбы. Паклаўшы на мяжы хлеб і соль, ён абходзіў палетак і ўтыкаў па краях гэтыя галінкі з мэтай асвячэння і абярэга поля. Калі провідкі прыходзіліся на час пасля Вялікадня, то селянін браў з сабой яшчэ і чырвоныя вялікодныя яйкі [2, с. 411–412].

У Мазырскім павеце Мінскай губерні ў дзень, калі першы раз ехалі ў поле араць або сеяць, ніхто не пазычаў суседзям з дому ніякай рэчы і агню, бо ў першым выпадку лічылі, што на ніве будзе неўраджай, а ў другім, што пасевы прападуць ад засухі [3, с. 227].

У Мсціслаўскім павеце Магілёўскай губерні, пачынаючы першы дзень араць, селянін выводзіў свайго каня ў поле, запрагаў яго ў саху і перад пачаткам работы качаў па ім курынае яйка, прыгаворваючы: “Будзь мой конь так гладак і повин як ето яйцо”. Пасля гэтае яйка аддаваў старцу каб той памаліўся аб здароўі яго каня [3, с. 228].

Да выезду на сяўбу ярыны сяляне, па старажытнаму звычайу рыхтаваліся як да вялікага свята. Мылі падлогу, вокны, лавы, засцілалі стол чыстым абрусам. Двор і хату падмяталі чацьвярговым венікам (венік, звязаны ў Чысты чацвер перад Вялікаднём), каб у пасеве не было пустазелля [4, с. 61].

Па традыцыі было прынята засяваць у адзін прыём такую плошчу поля, якую можна было б да вечара яшчэ заскародзіць. Сяляне лічылі,

што не заскароджанае на ноч зерне губляла палову ў росце і ўраджаі. Пасля задзелкі ў зямлю насення сейбіт з канём, запрэжаным у барану, спускаўся з раллі, бласлаўляючы, хрысціў ніву, і толькі тады лічыў сяўбу скончанай [5, с. 443–447]. На Палессі па заканчэнні засева поля сейбіт, па дзедаўскаму звычаю, абавязкова раскідаў пры дарозе тры жмені зерня – “дзеда палявому на пырог, або на кашу” [4, с. 61].

Потым хадзілі паглядзець “ці хуваіцца варона ў жыці на Міколу, ці ўзнялося яно па калені на Узнясенне, ці каласіцца на Сёмуху, ды як красуіцца, ці ядрона наліваець?”. Калі ў такім выпадку ў селяніна пыталіся, дзе ён быў, то ён адказваў: “Жыццо праведаў, у госці к жыццу хадзіў” [5, с. 445].

Перад пачаткам жніва, як і перад сяўбой, гаспадыня прыбірала хату, а гаспадар чысціў і наводзіў парадак на двары і ў гумне. Жанчыны спяшаліся вымыць і прыгатаваць сабе і мужу лёгкае адзенне, новыя лапці і белыя анучы, так як выходзіць на жніво па старадаўняй традыцыі трэба было ва ўсім чыстым і па-святочнаму апранутымі.

Перш чым прыступіць да жніва, селянін абходзіў сваю ніву і пільна ўглядаўся, ці няма на ей “залому” (“завіткі”, “закруцеі”) – жмені закручаных, звязаных і таму высыхлых каласоў. Лічылася, што заломы рабілі на ніве “ліхія” людзі, якія падчас іх “завівання” вымаўлялі заклінанне або пракляцце. Па народнаму павер’ю, калі не знайсці дасведчанага чараўніка, могшага зняць праклён, то “залом” прынясе няшчасце [6, с. 33–34]. Спробы прычынення шкоды суседзям пры дапамозе заломаў вядомы на Беларусі здаўна. Так, згодна дакументам, яшчэ ў 1687 г. прыгонныя людзі памешчыкаў Прысецкіх у полі Хрызастома Няміравіча Шчыта “во ржи местах въ двадцати слишкомъ, поделали заломы”, у сувязі з чым быў склікан народны суд навакольных сялян – капа [7, с. 315].

Яшчэ адной небяспекай, “зробленай” чараўнікамі і ведзьмамі, лічылі “абжатыя” загоны. Нібыта ў пару “красавання” (цвіцення) жыта ноччу ведзьмы і чараўнікі галышом хадзілі па палях і на кожным зжыналі па некалькі сцяблін, якія хавалі ў сваіх гумнах. Дзякуючы гэтаму нячыстая сіла пераносіла ў гумно чараўніка значную частку чужога ўраджаю [1, с. 143].

Зажынаць жыта сялянкі ішлі па традыцыі заўжды ў суботу ці аўторак у святочным адзенні, памаліўшыся дома перад іконай. На ніве яны прасілі боскага благаславення на пачатак работы [8, арк. 14] і абстаўлялі зажынкi рознымі абрадамі, сягаючымі сваімі каранямі ў сіваю даўніну. Калі жняя, ідучы зажнынаць жыта, сустракала па дарозе чалавека з балячкамі або з касою, то трэба было “зачураваць” сябе ад

бяды, інакш, лічылі палешукі, у час жніва часта будуць здарацца парэзы з гнілымі ранами [4, с. 39].

У Гомельскім павеце Магілёўскай губерні ў дзень зажынак жняя нажынала толькі адзін сноп жыта, які прыносіла дадому і ставіла на покуці пад іконамі. На світанні наступнага дня яна зноў ішла на ніву ў святочным адзенні і, прыступаючы да жніва, малілася Богу: “Госпадзі, благаславі пачаць жаць і памажы ў добрым здароўі кончыць” [9, с. 239]. Першы “зажыначны” сноп жыта стаяў у хаце да тых пор, пакуль не стануць звозіць жыта ў гумно [3, с. 235]. Зерне з яго потым прымешвалі да насеннага жыта [9, с. 240].

У Быхаўскім павеце Магілёўскай губерні перад пачаткам жніва гаспадыня, прышоўшы на поле і памаліўшыся Богу віталася з нівой: “Дабры дзень ніўка, ядраное жыта! Я к табе прышла!”, а нажаўшы першы сноп гаварыла: “Стаўлю сноп на сто коп, на тысячу мерак!”. Затым клала зажыначны сноп на зямлю і падкладвала пад яго сваю “ношку” з ежай. Пасля гэтага прыступала да жніва [9, с. 239].

Першыя зжатыя ў час зажынак каласы жнеі клалі крыж-накрыж у зажыначным вуглу нівы выражаючы ўдзячнасць Богу за ўраджай і веру ў засцерагальную моц крыжа супраць выкрадання злымі людзьмі “спора” [3, с. 237].

Цяжкасць работы жнеі стараліся аблегчыць пры дапамозе малітваў і магічных прыёмаў. Пачынаючы жаць у малітве прасілі: “Дай жа Божа, штоб лёгка жалась! Сярэдзінка ні балела, ручынькі ні млелі, ножынькі ні дзірвянелі, галава ні гарэла!” [9, с. 240].

У Мазырскім павеце Мінскай губерні жняя, зжаўшы першыя каласы трыма захопамі рукі, зразала затым левай рукой адно сцябло і затыкала яго пад пояс каб не балела спіна, агнулася так жа лёгка, як і сцябло жыта [3, с. 237]. З гэтай жа мэтай у Быхаўскім павеце жняя першую зжатую жменю жыта скручвала і падпяразвалася ёю [9, с. 239].

Дажынкi (дажон) спраўляліся сялянамі ў дзень заканчэння жніва жыта, хаця ў некаторых мясцовасцях Беларусі паўтаралі іх і пасля ўборкі яравых збожавых культур [5, с. 450–451]. Адзначалі дажынкi больш урачыста чым зажынкi, шчодро частуючы найманых на жніво работнікаў, суседзяў.

Для дажынак звычайна пакідалі невялікі ўчастак жытняй нівы. У гэты дзень жнеі апрадаліся ў святочнае адзенне і выконвалі пры дажынках шэраг абрадаў утылітарна-магічнага характару. Пры заканчэнні жніва жыта ў Мінскай губерні было прынята каб тры дзяўчыны вілі вянок: адна выбіралася самая вялікія каласы, другая віла з іх вянок, а трэцяя падтрымлівала яго. Закончыўшы жаць, жнеі

надзявалі гэты вянок на адну з дзяўчат і з песнямі ішлі да двара гаспадара нівы. Ля варот іх сустракала гаспадыня, брала з галавы дзяўчыны вянок і дала ёй сярэбраную манету. Затым жней частавалі святочным абедам, а яны пелі і танцавалі [9, с. 260].

У Быхаўскім і іншых паўднёвых паведах Магілёўскай губерні пры заканчэнні жніва жнеі пакідалі некалькі каласоў жыта “на бараду Богу” і звязвалі іх уверсе стужкай або саломінкай. Рукою, загорнутую ў рукаў сарочки, “бараду” чыста палолі ад пустазелля, расціралі сярод каласоў кавалачак чыстага палатна, з малітвамі і зямнымі паклонамі клалі на яго лусту хлеба з соллю. Затым кожная жняя павінна была тры разы пакаціцца па полі і сказаць:

Ніўка, ніўка, аддай маю сілку

На другую ніўку!

На коніка лой, на ніўку гной,

А мне здароўя!

Судзі, Божа, налета жаці

І ядранейшая і гусцейшая!

Толькі пасля гэтага абраду ішлі дадому, дзе быў прыгатаваны святочны абед з абавязковымі блінамі і крутой кашай [9, с. 262].

Закладка снапоў у гумно таксама суправаджалася ў беларусаў шэрагам магічных апатрапейных дзеянняў. У Слоніўскім павеце Гродзенскай губерні ў дзень, калі пачыналі звозіць у гумно снапы, гаспадар браў з сабой бохан хлеба, загортваў яго ў чысты абрус, клаў на таку каля дзвярэй з мэтай, каб у хаце ніколі не пераводзіўся хлеб (“Каб новы хлеб заўжды ўязджаў на старым”) і каля яго правозіў у гумно першы воз жыта. Затым асвячаў месца для кладкі снапоў вадохрышчанскай вадой і клаў туды камень (каб мышы не елі збожжа) і медную манету (каб у сям’і заўсёды былі хлеб і грошы). Затым першы сноп развязаў і раздзяліўшы надвая, клаў у застаронак крыжападобна. Астатняе збожжа складаў без усялякіх абрадавых дзеянняў [3, с. 235].

Добры гаспадар, – пісаў А. Я. Багдановіч, – насаджваючы ў асець снапы першы раз у гаду, каб прасушыць іх для малацьбы, звычайна кідае сноп жыта ў асетны агонь. Гэта несумненна адгалосак першабытных ахвяр агню [10, с. 17].

Такім чынам, традыцыйнае земляробства беларусаў вызначалася мноствам старажытных абрадаў, звычайў, магічных прыёмаў і дзеянняў, якія ўзбагацілі іх духоўную культуру і садзейнічалі фарміраванню яе нацыянальнай адметнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

- 1 Крачковский, Ю. Ф. Быт западно-русского селянина / Ю. Ф. Крачковский. – М., 1874.
- 2 Цітоў, В. С. Провідкі / В. С. Цітоў // Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя / І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1989. – С. 411–412.
- 3 Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П. В. Шейн. В 3 тт. : Т. 3. – СПб., 1902.
- 4 Сербай, І. А. Вічынскія паляне : матэрыяльная культура: этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся / І. А. Сербай. – Мінск, 1928.
- 5 Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белорусии и описание предметов обиходности (этнографические данные) / Н. Я. Никифоровский. – Витебск, 1895.
- 6 Сержпутовский, А. К. О завитках в Белоруссии / А. К. Сержпутовский // Живая старина. – 1907. – Вып. 1.
- 7 Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг Витебской и Могилёвской губерний. – 1874. – Вып. 6.
- 8 Архіў ІМЭФ НАН Беларусі. – Ф. 6. Воп. 14. Спр. 13. Арк. 14.
- 9 Романов, Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Вильна, 1912. – Вып. 8.
- 10 Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно, 1895.

УДК 271.22(476)

С. М. Восович

(Брест, УО «Брестский государственный технический университет»)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ МИНСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Минской епархии действовало немало православных общественных объединений. Особой активностью среди них отличались братства – церковно-общественные организации духовных и светских лиц, деятельность которых определялась интересами и потребностями Православной церкви. При этом следует признать, что именно братства, в отличие от других общественных объединений, в наибольшей степени соответствовали духу христианского общения

между людьми. Они соответствовали также и соборным устоям Православной церкви.

Согласно «Основным правилам для учреждения православных церковных братств» (8 мая 1864 г.) указанные объединения создавались «для служения нуждам и пользам Православной церкви, для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для создания и украшения православных храмов, для дел христианской благотворительности, для распространения и утверждения духовного просвещения» [1, с. 651–652]. Братства Минщины на протяжении 1863–1914 гг. занимались культурно-просветительским, благотворительным, миссионерским, политическим (участие в выборах в Государственную думу) и экономическим делом. Причем, если на последние три вида занятий братские союзы стали обращать серьезное внимание только с начала XX в., то проведением культурно-просветительских мероприятий и благотворительностью они занимались на протяжении всего своего существования.

Основу деятельности братств в сфере культуры и просвещения составляли школьная, религиозно-просветительная, церковно-благоустроительная и издательская работы. В зависимости от местных условий (наличия инославного населения, его состава, а также местных учреждений, дублировавших деятельность братств и фактически замещавших их), правительственной политики братские союзы акцентировали внимание на отдельных видах своей работы. С начала 1860-х гг. до начала 1870-х гг. они заботились, прежде всего, об украшении и благоустройстве православных храмов, а также оказании материальной помощи нуждающимся лицам. Минская Свято-Николаевская братская организация в указанный период оказывала материальную помощь «воссоединенным» – лицам, перешедшим в православие. В середине 1880-х гг. – начале XX в. большинство братских объединений сосредоточили свое внимание на школьной деятельности, а с начала XX в. – на религиозном просвещении взрослого населения. Последний вид занятий особенно усилился после издания закона «О веротерпимости» (17 апреля 1905 г.), разрешившего переходы православного населения в другие конфессии.

Православные братства Минщины оказывали материальную помощь различным учебным заведениям, преимущественно начальным училищам. Наибольших успехов в содействии народного образования имело Минское Свято-Николаевское братство после принятия нового устава 15 апреля 1888 г. Если по уставу 1865 г.

церковно-школьной работе отводилась этим братским объединением второстепенная роль, то с 1888 г. Свято-Николаевский союз обязан был, прежде всего, «заботиться об устройстве и поддержании церковно-приходских школ и школ грамотности в пределах епархии, применительно к Высочайше утвержденным 13 июня 1884 г. Правилам о сих школах» [2, с. 243]. Иными словами, согласно новому уставу, забота о развитии церковных школ превратилась в главнейшую задачу Свято-Николаевского объединения.

9 мая 1888 г. произошло соединение местного Епархиального училищного совета и совета Свято-Николаевского братства. Фактически с этого времени в ведение епархиальной братской организации и перешло руководство церковными школами, находившимися на территории Минской епархии. Были также внесены изменения как в состав братского совета, так и в штат наблюдателей церковно-приходских школ.

Несмотря на многочисленные трудности, школьная деятельность Минского Свято-Николаевского братства до 1896 г. была плодотворной. Об этом свидетельствует увеличение количества как самих учебных заведений, так и обучавшихся в них учащихся. К концу 1895/1896 учебного года в Минской епархии насчитывалось 1442 школы, то есть больше в 1,24 раза, чем в 1887/1888 учебном году [табл. 1].

Таблица 1 – Количество церковных школ в Минской епархии в 1888–1896 гг. [3, с. 396; 4, с. 4–7, табл. 2]

	Годы								
	1887/ 1888	1888/ 1889	1889/ 1890	1890/ 1891	1891/ 1892	1892/ 1893	1893/ 1894	1894/ 1895	1895/ 1896
Количество школ	1156	1160	1119	1126	1198	1251	1299	1388	1442

Соответственно увеличилось и количество учащихся [табл. 2].

Таблица 2 – Количество учащихся церковных школ в Минской епархии в 1888–1896 гг. [3, с. 423]

	Годы								
	1887/ 1888	1888/ 1889	1889/ 1890	1890/ 1891	1891/ 1892	1892/ 1893	1893/ 1894	1894/ 1895	1895/ 1896
Количество учащихся	18733	18487	18509	19241	20769	23500	24850	26474	28855

В 1896 г. при братстве был опять учрежден епархиальный училищный совет, который непосредственно руководил церковно-школьным делом в Минской губернии, а в 1909 г. Минский Свято-Николаевский братский союз отказался от управления школами Св. Синода.

Занимались отдельные братства Минской епархии и издательской работой. До конца XIX в. братская издательская деятельность ограничивалась регулярной публикацией ежегодных отчетов. На средства братств издавались также новые уставы, объявления о предстоящих религиозно-нравственных чтениях и беседах, приглашения на общие годовые собрания, бланки для различных документов.

В начале XX в. ситуация несколько изменилась. В указанное время Минское народное братство во имя Животворящего Креста Господня (которое выпустило к началу 1910 г. большим тиражом 14 различных брошюр) издало молитвослов. Указанное церковно-общественное объединение наряду с Минским Свято-Николаевским братством в отличие от других регионов Беларуси имело собственный периодический орган.

Минское народное братство для более успешного воздействия на народ и установления постоянной связи между отделами и отдельными братчиками с 1907 г. стало издавать еженедельную газету под названием «Братский листок». Девизом газеты был лозунг: «Православие. Самодержавие и русская народность».

Минское епархиальное Свято-Николаевское братство с целью оказания помощи православному духовенству в его борьбе с иновением и содействия его просветительской деятельности особенно в проведении внебогослужебных бесед с 1910 г. начало издавать духовный ежемесячный журнал «Православный братчик». Однако данный журнал выходил недолго. В 1911 г. он был закрыт. Слабые успехи и кратковременность издательской работы Свято-Николаевского братства были вызваны не только кризисом самого епархиального объединения, но и более успешной аналогичной деятельностью Минского губернского народного братства во имя Животворящего Креста Господня. Минское Свято-Николаевское братство не смогло составить конкуренции губернскому братству в данном виде деятельности, несмотря на свой епархиальный статус.

Братства Минщины также организовывали воскресные и праздничные чтения и беседы. Так, Свято-Николаевское братство стало заботиться о проведении внебогослужебных народных чтений и бесед только после принятия 15 апреля 1888 г. своего нового устава. Благоприятно сказались на организации указанных мероприятий и объединение братства с епархиальным училищным советом.

В середине 90-х гг. XIX в. внебогослужебные собеседования проводились под руководством Свято-Николаевского братства почти во всех приходах, где существовали церковно-приходские школы и народные училища, а чтения – во многих школах грамоты [3, с. 472].

Однако после воссоздания в 1896 г. епархиального училищного совета наблюдалось уменьшение количества братских чтений и собеседований. В 1899 г. в 307 церковных школах было организовано в праздничные дни только 4497 религиозно-нравственных чтений. Постепенно, по данным диакона Д. Шульги, в Минской епархии вообще забыли о подобных мероприятиях (по крайней мере, в крупных городах) [5, с. 55].

Возрождению чтений и бесед в Минской епархии способствовала деятельность Минского народного братства во имя Животворящего Креста Господня, открывшего свои отделения во многих местах Минской губернии. Указанный союз стал устраивать чтения и беседы по праздничным и воскресным дням с 9 марта 1907 г.

В указанный год до Пасхи данные мероприятия проводились в Екатерининском соборе, после Пасхи – в архиерейской Крестовой церкви, летом – в Екатерининском соборе (с 29 июля) и в Казанской привокзальной церкви (с 8 июля). Осенью братские беседы устраивались только в Крестовой церкви, так как причты Екатерининского собора и Казанского храма стали самостоятельно проводить подобные мероприятия. В период с 25 марта по 1 августа 1907 г. Минское народное братство провело 24 христианских чтения и беседы.

Устраивались аналогичные мероприятия и в зале Минского мужского Свято-Духова монастыря. С 1908 г. внебогослужебные народные беседы и чтения организовывались уже всеми отделами данного братства (в 1908 г. в Минской епархии действовало 33 братских отдела, в ноябре 1911 г. – 53).

Проводило подобные мероприятия и Минское Свято-Николаевское народное братство, образованное 6 декабря 1912 г., в результате объединения Свято-Николаевского и народного во имя Животворящего Креста Господня братств. Например, в течение первых трех месяцев 1913 г. вновь образованный церковно-общественный союз провел 20 чтений в зале Свято-Духова монастыря.

Заметим, братчики постоянно проводили религиозно-просветительную работу среди своих прихожан. Члены братств стремились познакомить народ с основами православного вероучения и укрепить в нем православную веру, утвердить в населении христианский образ жизни. Братчики также боролись с невежеством, пороками и суевериями. С конца первого – начала второго

десятилетия XX в. придавалось большое значение ограничению распространения пьянства.

Таким образом, деятельность православных братских объединений Минской епархии во второй половине XIX – начале XX в. была направлена на укрепление в указанном регионе позиций Русской православной церкви и развитие русской культуры.

Список использованных источников и литературы

- 1 Указ из Св. Синода // Литовские епархиальные ведомости. – 1864. – № 18. – С. 649–655.
- 2 Устав Минского епархиального братства во имя Святителя Николая // Минские епархиальные ведомости. – 1888. – № 9 (отдел неофиц.). – С. 242–257.
- 3 Краткий очерк состояния церковно-приходских школ Минской епархии за первое десятилетие их существования // Минские епархиальные ведомости. – 1895. – № 13 (часть неофиц.). – С. 370–375, № 14 (часть неофиц.). – С. 389–398, № 15 (часть неофиц.). – С. 422–428, № 16 (часть неофиц.). – С. 440–450, № 17 (часть неофиц.). – С. 471–476, № 21 (часть неофиц.). – С. 534–540, № 23 (часть неофиц.). – С. 621–626.
- 4 Статистические сведения о церковных школах Российской империи со времени издания высочайше утверждённых 13-го июня 1884 года правил о школах церковно-приходских. – СПб.: Статистический Отдел Синодального Училищного Совета, 1909. – 135 с.
- 5 Шульга, Д. Православные братства в Беларуси с 1864 по 1917 годы / Д. Шульга // Минские епархиальные ведомости. – 2005. – № 4(75). – С. 54–57.

УДК 908

Т. П. Иванова

(Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»)

БЫТ ГОРОЖАН ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919 ГОДУ

Современными исследователями повседневность рассматривается как реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира. Одновременно повседневность позволяет реконструировать не только

ментальность жителей определенного региона, но и макроклимат событийной истории в целом.

Сто лет назад, в 1919 г., в Витебске проживало 161827 человек, в губернии – 1423012 человек; действовал определенный порядок выдачи паспортов и временных свидетельств на жительство, их выдача возлагалась на управления милиции [1]. Перенаселенность Витебска и уездных городов губернии привела к созданию критического положения с жильем. Жилищный кризис усугублялся тем, что в период Первой мировой и Гражданской войн в прифронтовом Витебске новые здания не возводились, отсутствовали благоприятные условия и материальные возможности для ремонта зданий.

Угроза нашествия эпидемий напрямую зависела от количества жителей, проживающих в городе, состояния коммуникаций (водопроводных и канализационных труб), уборки улиц и т. д.

Отдел юстиции предложил организовать для освободившихся в 1919 году из тюрем интернат-убежища для временного проживания до трудоустройства лиц, не являющихся уроженцами Витебской губернии [4, с. 53].

В связи со вступлением в действие декрета «Об отмене частной собственности на недвижимое имущество», предполагалось массовое строительство домов-коммун. Однако началось «уплотнение» – жителей казарм стали переселять в «барские квартиры»; в городских квартирах постоянно проходили процессы выселения и переселения жильцов. Население испытывало сложности с обеспечением керосином, спичками, дровами [6, с. 124].

Безусловно, города, по сравнению с сельской местностью, имели преимущества в уровне обеспечения жителей медицинским обслуживанием. Так, в губернском Витебске действовало несколько больниц: инфекционная (располагалась на ул. Скотопрогонной), городская государственная (по ул. Генеральной), больница для застрахованных (бывшая больница Красного Креста), родильный дом (ул. Толстого, 14), губернская больница психических и венерических больных (ул. Больничная, 3). Также в городе имелись 7 аптек и аптечный склад, 3 зубопротезных кабинета. На улице Замковой располагался частный зубоврачебный кабинет. На Юрьевой горке действовала ветеринарно-бактериологическая лаборатория [3, с. 2].

И все же в условиях военного времени для уездных центров медицинская помощь была недостаточной. Ощущалась нехватка медицинского персонала. Так, всех жителей г. Суража и Суражского уезда губернии обслуживал один врач-стоматолог [6, с. 78].

В годы Гражданской войны наблюдалось обострение социальных проблем: рост преступности, безработицы, пьянства и проституции.

Положение каждой семьи, отдельного жителя зависели в значительной степени от лояльности к советской власти. Новая модель повседневной жизни складывалась постепенно [2, с. 35; 8].

Это были первые годы советской власти, осуществлялась реквизиция имущества у населения. Реквизиции выступали свидетельством постоянного передела различного имущества между государством, городом и отдельным человеком [8]. Так, в 1919 г. для организации в Невеле швейной мастерской у населения города были реквизированы швейные машины [4, с. 64].

Сохранял свою актуальность санитарный вопрос относительно как улиц, так и жилого сектора.

Хронический продовольственный кризис вынудил власти ввести нормированное снабжение продовольствием и товарами первой необходимости. Стали появляться столовые для безработных. Голод вынуждал людей приобретать товары на рынках. В обращении находились денежные знаки самого различного образца: николаевские, керенки, советские.

В повседневной жизни «маленького человека» активизировались поиски способов выживания. Расцвели такие аномальные явления, как спекуляция и «мешочничество».

И все же губернский Витебск сохранил атрибуты и черты мирной жизни. Осуществлялись гидрометеонаблюдения, в частности, они были организованы в фольварке Цицула Велижского уезда и в фольварке Пудоть на реке Учвяча [5, с. 40].

Сотрудники Великолетчанского ботанического сада были направлены в командировку в Москву «для приобретения опыта по созданию обратного капитала для селекционных станций» [5, с. 40].

В ответ на ходатайство в октябре 1919 г. об устройстве в Сураже электричества по решению губернских властей был составлен проект электростанции и выдано разрешение на приобретение в Москве динамо-машин, лампочек и других принадлежностей для оборудования станции.

Осуществлен переход на новое время. Так, согласно распоряжению СНК РСФСР о переводе стрелок на час вперед, с 15 февраля 1919 г. управление Витебского губвоенревкома предписывало всем учреждениям с названной даты проводить занятия с 10 часов утра до 4 часов дня по новому времени [6, с. 124].

После принятия Декрета о национализации кинематографа началась история советского кино, и жители города активно ее восприняли.

Таким образом, сто лет назад, в 1919 г., в условиях Гражданской войны, Витебская губерния, как и вся страна, испытывала трудности по всем направлениям экономической, социальной и культурной жизни. Вместе с тем, губернские власти делали все необходимое для возможного поддержания минимального уровня и статуса жизни жителей городов. Несмотря на сложную политическую ситуацию, губернские и городские органы управления решали вопросы по обеспечению деятельности коммунальных служб городов.

Список использованных источников и литературы

- 1 Бригадина, О. В. Парадигма повседневности в ранней советской истории (1917 – начало 1920-х гг.) : проблемное поле исследований / Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 6 / О. В. Бригадина // редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв.ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – С. 212–222.
- 2 Бригадина, О.В. Быт, нравы, поведение в годы революции и Гражданской войны в России (1919–1922) / О. В. Бригадина // Этнос и культура : развитие и взаимодействие темы : сб. матер. Межд. научн.-практ. конф., Минск, 9–10 июня 2016 г. / редкол. : Т. А. Новгородский [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – С. 35–40.
- 3 Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 557. Оп. 1. Д. 603.
- 4 ГАВО. – Ф. 2268. Оп. 1. Д. 42.
- 5 ГАВО. – Ф. 2268. Оп. 1. Д. 45.
- 6 ГАВО. – Ф. 2319. Оп. 1. Д. 11.
- 7 Елисеев, А. Б. Реценз. на кн. : Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг. : сб. ст. (ред.-сост. Е. Ф. Кринко, Т. Хлыстина) // А. Б. Елисеев. – Ростов н/Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – 384 с.
- 8 Федоров, А. Н. Повседневность советского города в 1918-1920-х гг. с санитарной точки зрения / А. Н. Федоров. – Ученые записки Петрозаводского гос. Ун-та. Серия : общ. и гуманитар. науки. – 2008. – № 1. – С. 64–69.
- 9 Яценко, О.Г. Быт жителей Витебска в начале XX в. / Книжное наследие А. П. Сапунова: матер. Республ. научно-практ. конф. к юбилеям издания А. П. Сапуновым книг «Витебская старина» (т. 1, 1883) и «Река Западная Двина» (1893), Витебск, 23 декабря 2013 г. / редкол. : А. И. Сёмкин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 160–164.

Н. В. Корникова

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

ЛЕТНИЙ ДОСУГ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ГОМЕЛЬЩИНЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Одним из немаловажных факторов, влияющих на специфику и характер времяпрепровождения в среде различных слоев населения Беларуси на современном этапе, является сезонность. В начале XXI в. наличие разветвленной досуговой инфраструктуры, развитость сферы туристических услуг, а также высокий уровень индивидуальной транспортной мобильности населения обуславливают значительную степень альтернативности форм досуга в летний период. При наличии целого ряда доминантных форм летнего времяпрепровождения в досуге представителей различных социальных групп населения может проявляться определенная специфика, выражающаяся в его вариативности. В данном контексте исследовательский интерес представляет обращение к изучению характера летнего досуга интеллигенции, являющейся одной из крупных социoproфессиональных групп в структуре населения Гомельского региона.

Цель работы – характеристика летнего досуга интеллигенции Гомельщины в начале XXI в.

Изучению форм досуга населения Беларуси посвящен целый ряд работ советских и современных исследователей [1–3]. Указанная проблематика также нашла отражение в некоторых работах автора [4–5]. Вместе с тем, стоит отметить, что специфика изучаемой темы, связанная непосредственно с исследованием форм летнего досуга интеллигенции Гомельщины в начале XXI в., не получила полного отображения в научной литературе.

Источниками для написания работы послужили материалы полевых этнографических исследований, проведенных автором, в рамках которых было опрошено 148 человек, являющихся представителями различных половозрастных и профессиональных групп интеллигенции Гомельского региона (педагоги, врачи, инженерно-технические работники, специалисты учреждений и организаций и пр. в возрастном диапазоне от 22 до 68 лет).

Результаты опросов респондентов свидетельствуют, что летний досуг интеллигенции Гомельщины на современном этапе характеризуется достаточно высокой степенью разнообразия.

Среди наиболее популярных форм времяпрепровождения в летний период большей частью респондентов были названы туристические поездки по Беларуси, странам ближнего и дальнего зарубежья (преимущественно европейского и азиатского регионов), а также отдых на приморских курортах. Опрошенные отмечали, что целенаправленно планируют досуг в летний отпускной период, предпочитая его более активные формы, связанные с посещением экскурсий, выездом на море или же отдыхом в санаторных-оздоровительных учреждениях. По словам респондентов, в процессе туристическо-экскурсионных поездок происходит знакомство как с объектами отечественного историко-культурного и природного наследия, так и зарубежными достопримечательностями. Так, респонденты отмечали, что в рамках культурно-познавательных путешествий по Беларуси посещали природные объекты (Национальные парки «Беловежская Пуща», «Припятский», «Нарочь»; Заславское водохранилище; меловые карьеры под Волковыском и т.д.), историко-культурные памятники и музеи (мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» и археологический музей «Берестье» в Бресте; Дворец Пусловских в Коссово; Софийский собор и Спасо-Евфросиниевский монастырь в Полоцке; Успенский и Воскресенский храмы в Витебске; Старый и Новый замки, Коложская церковь и Аптека-музей в Гродно; Мирский замок; «Белорусская этнографическая деревня XIX в.» в деревне Буйничи; Гомельский дворцово-парковый ансамбль и Гомельский областной музей военной славы; усадьба Козел-Поклевских в деревне Красный Берег; Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций имени Ф.Г. Шклярова; Юровичский мужской монастырь; Костёл Святых Симеона и Елены, Государственный музей истории Великой Отечественной войны, Национальная библиотека Республики Беларусь в Минске; Дворцово-парковый ансамбль в г. Несвиже; музей старинных народных ремесел и технологий «Дудутки» и т.д.), осматривали исторические центры городов (Минск, Гродно, Брест, Витебск, Могилев, Несвиж, Пинск, Полоцк, Туров, Мозырь и т.д.). Среди зарубежных памятников историко-культурного наследия, посещенных с познавательной целью, как наиболее запомнившиеся были названы, к примеру, музеи (Лувр, Уффици, Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея и пр.); соборы и храмы (Собор Святого Вита в Праге, Собор Святого Петра

в Ватикане, Собор Парижской Богоматери в Париже, Кельнский собор, Собор Святого Стефана в Вене, Храм Спас-на-крови в Санкт-Петербурге, Собор Василия Блаженного в Москве и пр.); архитектурные объекты (Колизей в Риме, Пизанская башня, Эйфелева башня, Бранденбургские ворота и пр.) и др.

Весьма распространенным в рамках летнего времяпрепровождения интеллигенции Гомельщины на современном этапе по свидетельствам респондентов является также отдых на морских курортах Болгарии, Черногории, России, Украины, Египта, Турции. Подобный досуг, как правило, предполагает посещение пляжей и аквапарков, местных достопримечательностей, а также знакомство с культурными традициями региона пребывания.

Одной из популярных форм летнего досуга, как отметили участвовавшие в опросах, является активное времяпрепровождение на свежем воздухе. Так, многие респонденты высказали мнение, что излюбленным досугом для них в летний период являются прогулки по паркам, скверам и зеленым зонам; пикники на природе; времяпрепровождение на даче и в загородных домах отдыха.

Целый ряд респондентов отметил, что в летний период ими регулярно практикуется досуг близ водоемов и лесных массивов, который сопряжен с рыбной ловлей, прогулками, а также сбором цветов, трав и ягод. Опрошенные отмечали, что с целью активного времяпрепровождения на свежем воздухе они совершают туристические походы, рассчитанные на несколько дней и предполагающие так называемый отдых «дикарем». Например, учитель математики из Гомеля, 1976 г.р., отметил: «Очень любим всей семьей выезжать летом на природу, как правило, едем на несколько дней с палатками. Таким образом мы уже отдыхали на Днепре, на Птиче, на озере Нарочь. Во время такого «дикого» отдыха я вместе с сыном часто заготавливаю на зиму травы – иван-чай и липу». Высокую степень популярности среди респондентов имеет также непосредственно пляжный досуг у водоемов как в городской черте, так и за ее пределами.

Досуг на свежем воздухе, в том числе дачный, по словам респондентов зачастую сопровождается различными формами активности – подвижными и настольными играми (бадминтон, фрисби, различные игры с мячом; шахматы, шашки, нарды, карточные игры и пр.), купанием, ездой на велосипеде, фотосъемкой. К примеру, инженер-программист из Речицы 1987 г.р. отметил: «В летний период я люблю проводить время активно. Много времени посвящаю своим хобби – фотографированию и катанию на

велосипеде. Вместе с друзьями часто выезжаю за город, где мы устраиваем пикники и весело проводим время».

Определенное распространение, как показали материалы опросов, имеет также корпоративное летнее времяпрепровождение на свежем воздухе, которое, как правило, организуется для сотрудников крупных предприятий и учреждений региона и предполагает активный досуг членов трудового коллектива в загородных развлекательных комплексах, базах отдыха и агроусадеб. К примеру, инженер предприятия «Белоруснефть», 1977 г.р., рассказал: «В летний период на нашем предприятии достаточно часто организуются интересные мероприятия для сотрудников с выездом в загородные места отдыха. Раз в несколько лет у нас проходит выездной туристический слет, где проводятся командные соревнования по спортивному ориентированию и развлекательные конкурсы. Также в рамках нашего профессионального праздника мы имеем традицию выезжать коллективом за город, останавливаясь в домах отдыха, где активно проводим время, например, устраиваем веселую развлекательную программу или играем в пейнтбол».

Популярной формой летнего досуга среди респондентов оказались также спортивные занятия, которые сопряжены с нахождением на свежем воздухе (бег, игра в теннис, волейбол, баскетбол, футбол, пинг-понг, катание на велосипеде и роликовых коньках, подтягивание на турнике и пр.). Некоторые респонденты также отметили, что имеют опыт участия в спортивно-туристических мероприятиях, к примеру, в турслетах, пеших походах или сплавах по рекам.

Значительной частью опрошенных представителей интеллигенции Гомельщины также было отмечено, что в летний период ими практикуется посещение общественно-массовых мероприятий, приуроченных к проведению общегосударственных, городских и районных праздников (к примеру, День Независимости, День защиты детей, Купалье, День Нептуна, День металлурга и пр.), в рамках которых они участвуют в игровых и конкурсных программах, посещают концертные и зрелищные мероприятия, выставки и ярмарки, наблюдают праздничный фейерверк и т.д.

Некоторые респонденты также рассказали, что имеют опыт, в том числе регулярный, посещения крупных фестивалей, проходящих в летний период в Беларуси. Среди подобных фестивальных событий, на которых побывали опрошенные представители интеллигенции Гомельщины, были названы, в первую очередь, музыкальные и тематические фестивали («Славянский базар» в Витебске, «Александрия собирает друзей» в Могилевской области,

«Музыкальные вечера в Мирском замке», «Мото-фэст» в Зябровке, «Джазовые вечера» у Минской Ратуши, Фестиваль «Вива» в Браславе и др.). К примеру, бывший экономист из Гомеля, 1957 г.р., рассказала: «Неоднократно посещала «Славянский базар» и музыкальный фестиваль в Александрии. Считаю, что это очень важные события в культурной жизни Беларуси. На концертах мне довелось увидеть многих белорусских и российских исполнителей – А. Буйнова, А. Пахмутову, А. Ермоленко, «Сябров», «Песняров», оркестр М. Финберга. В Витебске и в Шкловском районе у меня проживают родственники, так что это, помимо всего прочего, хороший повод встретиться с родными и погостить у них».

Таким образом, летний досуг интеллигенции Гомельщины в начале XXI в. характеризуется достаточно высокой степенью вариативности форм. В зависимости от индивидуальных предпочтений их времяпрепровождение в летний период может включать как культурно-познавательную составляющую, так и активный досуг, связанный с отдыхом на свежем воздухе. Определенную степень распространения в среде опрошенных представителей интеллигенции Гомельщины имеет также посещение общественно-массовых мероприятий развлекательного характера, приуроченных к общегосударственным праздникам и культурным акциям, крупным фестивальным событиям.

Список использованных источников и литературы

- 1 Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / АН БССР; редкол. : В. К. Бондарчык [и др.]. – Минск : Наука, 1990. – 248 с.
- 2 Беларусы : у 12 т. / рэдкал. : В. М. Бялявіна (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1994–2009. – Т. 6 : Грамадскія традыцыі / В.Н. Бялявіна [і інш.]. – 2002. – 606 с.
- 3 Изменения в быту и культуре городского населения БССР / АН БССР; редколл. : В. К. Бондарчык [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1976. – 111 с.
- 4 Корникова, Н. В. Посещение памятников истории и культуры в странах Европы интеллигенцией Гомельщины в начале XXI в. / Н. В. Корникова // Европа : актуальные проблемы этнокультуры : материалы VII междунар. науч-теорет. конф., Минск, 21 янв. 2013 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол. : В. В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МППТК полиграфии, 2014. – С. 216-218.
- 5 Корникова, Н. В. Посещение памятников историко-культурного и природного наследия в регионах Беларуси интеллигенцией в начале

XXI века / Н. В. Корникова // Віцебскі край : матэрыялы II Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 385-годдзю выхаду у свет «Буквара» Спірыдона Собаля, Віцебск, 24 ліст. 2016 г. / рэдкал. : Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нац. бібліятэка Беларусі, 2017. – Т. 2. – С. 222-227.

УДК 398.332.1 (476.2)

Т. І. Кухаронак

(Мінск, ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»)

**БЛАГАВЕШЧАННЕ Ў НАРАТЫВАХ І АБРАДАВАЙ
ПРАКТЫЦЫ ЖЫХАРОЎ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ: ПАВОДЛЕ
СУЧАСНЫХ ЭКСПЕДЫЦЫЙНЫХ ЗАПІСАЎ**

Благавешчанне – нерухомае свята беларускага народнага календара, якое вельмі шануецца ў народзе, часам завецца самым вялікім святам: *“Благавешчаньне –эта самы бальшы гадавы празьнік. Эта благая весць о зачацьці Ісуса Хрыста. Нічога няльзя дзелаць, дажа дзева косу не заплятае”* (Ева Баран, 1946 г.н., в. Перароўскі Млынок, Жыткавіцкі раён); *“Блогавешчанне – о-о-о! Очэнь строгі вялікі празьнік! Бабкі так козалі, што на Блогавешчанне пціца гнязда ня ўе, а дзеўка косы не заплятае”* (Ніна Глушэц, 1939 г.н., в. Антонаў, Нараўлянскі раён).

Успрыманне Благавешчання як вялікага свята падмацоўваецца суаднясеннем яго з Вялікаднем: *“Благавешчанне – вялікі празьнік, як первы дзень Пасхі”* (Яўгенія Кавальчук, 1928 г.н., в. Канатон, Нараўлянскі раён). У аповедах інфармантаў пра гэта свята на першым месцы выступаюць вераванні, прыкметы і павер’і. Шырока распаўсюджаным ва ўсім арэальным масіве сярод вясковых жыхароў і актуалізаваным сёння ў сваім традыцыйным выглядзе з’яўляецца павер’е аб строгай забароне на працу ў гэты святочны дзень, што вобразна ўвасобіліся ў вядомай па ўсёй Беларусі парэміі: *“На Благавешчаньне птушка гнязда не ўе, дзеўка касу не пляце”*. Існаваў разам з тым і шэраг канкрэтных забарон: *“Дажа хлеб рэзалі пад Благавешчаньне. Нічоганячка-нічоганячка ня дзелалі, дажа хлебчыка ня рэзалі. Нанач рэзалі хлеб пад Благавешчаньня”* (Ганна Яроменка, 1930 г.н., в. Марозавічы, Буда-Кашалёўскі раён); *“На Благавешчаньне, эта бальшы очэнь празьнік, мама мне ўсягда*

гаварыла, што няльзя дажа расчэсувацца ў гэты дзень” (Антаніна Бардзюгова, 1934 г.н., в. Чырвоны Кут, Веткаўскі раён); “На Благовешчанне тожа не робілі чаго богата, потому што казалі грэх дажа і кортошку чысціць. Бо это вялікі празьнік, так як і Паска” (Аляксандра Чугай, 1935 г.н., в. Завайць, Нараўлянскі раён).

У зафіксаваных аўтарам і калегамі-фалькларыстамі (палявыя запісы М. Антропава, А. Боганевай, Т. Валодзінай) падчас экспедыцыі у Гомельскую вобласць вусных бытавых расказах адлюстроўваюцца выпадкі непазбежнага пакарання за парушэнне забароны: “У нас абваліўся быў столбик, я кажу маме, пайду закапаю той столбик. Яна: “Ай, дзетачка, Благовешчаньне сёньня!”. – “Ну, што Благовешчаньне, я ж толькі столбик закапаю”. Пашла, закапала, і, знаяця, ад таго ці не ад таго, была кошка ў нас, бярэмянная хадзіла, і нарадзіла чэцьвяра кацянят, дак яны былі ўсе пазакручваныя, і лапачкі ў іх. Мама: “Во, я табе, мая дзетка, казала, што ў празьнік няльзя нічога дзелаць. Эта ж добра, што кошка, а каб скаціна, карова, свіньня” (Тацяна Лазарава, 1935 г.н., в. Кісцяні, Рагачоўскі раён); “У наседку дажа нікагда яечка, што знясла гусь, кура ці вутка на Благовешчаньне, не падлажвалі, яго сабіралі і страблялі, а ў наседку нікагда не падлажвалі. Будзе калечка, казалі” (Ева Баран, 1946 г.н., в. Перароўскі Млынок, Жыткавіцкі раён). Гэты дзень успрымаецца ў народным светаглядзе мясцовых жыхароў як час абуджэння зямлі, яе роды, адмыканне. У Жыткавіцкім раёне прама называюць зямлю цяжарнаю – “До Благовешчанья земля шчэ чэрэвата. І дупцом ее нельзя біць, і кола ўбіваць, і копаць”, у гэты ж дзень “вся земля колыхнеца ў гэты празьнік, усе корэнья здвінуца і пойдзёт ужэ ў рост” (в. Дзякавічы) [1, с. 176].

Паводле традыцыйных вераванняў, убіванне да гэтага дня колікаў, устаноўка платоў, “забівала” нябесную вільгаць, перапыняла дажджы. Лакальная супольнасць адназначна рэагавала на “няправільныя” дзеянні: не ў час пастаўленыя агароджы не проста разбіралі, але так ці інакш знішчалі іх, “выганяючы” такім чынам заключаную ў іх небяспеку для ўсёй вёскі: “На Благовешчанне нічога ня дзелалі, землю не варочалі, заборы не ставілі да Благовешчанья. Гаварылі, што воран кубла не вяжа, а хазяін забора не гародзіць. Еслі хто гарадзіў – то бурылі той забор, каб дож быў” (Яўгенія Кавальчук, 1928 г.н., в. Канатоп, Нараўлянскі раён).

Разам з тым на фоне забарон працаваць у гэты дзень на зямлі існуе прадпісанне пасеяць расаду: “Мама мая некалі казала: нада на захадзе сонца, заўтра Благовешчаньне, накапаць градку. Кажуць, канчаецца дзень, як заходзіць сонца, эта дзень кончыўся. Накапаць

градку, прыгатовіць, а ўтрам устаць і пасеяць расадку, дак, кажучь, вельмі добра” (Улляна Прыходзька, 1936 г.н., в. Смалегаў, Нараўлянскі раён).

У аповедах мясцовых носьбітаў традыцый, запісаных у апошнія гады, усебакова асвятляюцца павер’і пра бусла: “Бусел абычна на Благавешчаньне прылятае. Хто, гавора, раньша прылятае бусел ці бусьліха? -- Бусел раньша, а тады ўжо сваю палавіну ўстрачая, бусьліху” (Соф’я Паграбенка, 1937 г.н., в. Каменка, Кармянскі раён). Паводле традыцыйных уяўленьняў мясцовых жыхароў, лічылася добрым знакам убачыць першы раз бусла лятучым і абавязкова ў пары: “Бусел должен прылятаць на Благавешчаньне, кажучь, як убачыш пару – то будзя пара табе. Кажучь, як ляціць – будзеш лятаць, а як сядзіць на кубле – будзеш балець” (Улляна Прыходзька, 1936 г.н., в. Смалегаў, Нараўлянскі раён); “Бусел прылятая да Благавешчанья. Як адзін бусел паляцеў – значыць, будзеш адна, а як два буслы – будзеш у пары” (Любоў Мацвеева, 1931 г.н., в. Старая Рудня, Жлобінскі раён).

Добра памятаюць мясцовыя жыхары і рэкамендацыі акцыянальнага плану, прыкладам, куляцца ў час першай сустрэчы бусла або прыхінацца спіною да дрэва: “Первы раз як убачыш бусла, помню, матка гаварыла: “Станавіцеса спіной пад сьцяну, каб спіна не балела”. Эта як убачыш лятучага, дак скоронько, а як ужо ён ходзіць, кажучь, ой, будзе спіна балець летом” (Ева Баран, 1946 г.н., в. Перароўскі Млынок, Жыткавіцкі раён); “А бусел прылятае, як ужэ ў коласі пшаніца. Як первы раз бусла ўвідзіш, нада выцірацца красным платком, бягом выцірацца, штоб ня балець” (Марыя Баярчук, 1925 г.н., в. Баршчоўка, Хойніцкі раён).

Як сведчаць аповеды інфармантаў, нягледзячы на тое, што Благавешчанне выпадала на час посту, калі спевы забараняліся, гэты дзень становіўся ў некаторых лакальных традыцыях выключэннем: “Кажучь, трэба на Благавешчаньне гукаць вясну” (Улляна Прыходзька, 1936 г.н., в. Смалегаў, Нараўлянскі раён). Гукаць вясну хадзілі на рэчку, на ўзвышшы: “На Благавешчане ішлі на гору, гора така высокая, казалі Крута гора. Ходілі хлопцы і деўкі на Усеночну і на Благавешчане на ту гору і спеваюць весняныя песьні, весну гукаюць” (Вольга Фіцнер, 1929 г.н., в. Грабяні, Лельчыцкі раён). Яшчэ і зараз жывыя ўспаміны пра тое, што вясновыя спевы могуць паўплываць на ўвесь год. Раніцай на Благавешчанне дзяўчаты збіраліся групамі і пачыналі спяваць вяснянкі, імкнучыся зрабіць гэта што раней. Яны былі перакананыя, што ў тым канцы вёскі, дзе распачалі спевы раней, дзяўчаты хутчэй пойдучь замуж:

“Благавешчаньне, пелі, беглі цераз рэчку, Вілейка, стараліся пець. Хто первы запые - той первы замуж выйдзе. Тыя там крычаць, а мы тут крычым. Тут еты вір, а там дзярэўня, і тут дзярэўня. І кажды стараецца, каб первым запець. А мы тады пелі: “Цяклі рэчкі – ручаёчкі”. Пасьпяваем, бегаем, пяём, скачам, гуляем” (Наталля Сапажэнка, 1941 г.н., в. Акіяброва, Кармянскі раён) [1, с. 179 - 180].

У аповедах жыхароў Кармянскага раёна ёсць звесткі пра карагод “Луца”, якім суправаджалася гуканне вясны: *“Карагод вадзілі “Луца” на Благавешчаньне і посьле. Да Благавешчанья ж ня пелі, пост. У нас тут быў вір, месца на возеры. Была дзяўчына, яе звалі Луца, яна любіла хлопца беднага і вот. А не хацелі яго радныя яе браць. Яна, гавораць, скінулася з камня і ўтанілася, а хлопца пан утаніў. Дзеці на вуліцы гулялі, а старыя водзяць карагод еты, “Луцу”, і мы вучыліся. За рукі бяромся і ходзім кружком. Дзяўчата сядзелі на двух стулах і хадзілі васьмёркай. Дзеўкі выходжаюць, становяцца ў круг, дзьве дзевачкі становяцца ў срадзінку, і етыя дзевачкі... вяночкі ім надзяюць, і яны там тады ужо, як прасьпяваем: у-у-у-ух! - як птушачкі ляцяць. У вырай. У-у-ух! Як прапелі песеньку – апяць. Во эта так было. І васьмёркай водзіцца” (Тацяна Сітнікова, 1927 г.н., в. Акіяброва, Кармянскі раён) [1, с. 181]. Паводле ўспамінаў інфармантаў з Буда-Кашалёўскага раёна менавіта на Благавешчанне пачыналі вадзіць стралу.*

Карагодамі і гуканнем вясны суправаджалася на Гомельшчыне і паленне вогнішчаў на Благавешчанне: *“На Благавешчанне кажны раз костры полілі, на горэ, наносяць туды ўсяго і запальвалі. І там дзе-то горыць, спяваюць, і тут спяваюць. Это ў нас толькі на Благавешчанне костры полілі і спявалі, гулялі. Колісь козала матка, што і вясну гукалі, а як яе гукалі, я не знаю” (Аляксандра Чугай, 1935 г.н., в. Завайць, Нараўлянскі раён).*

Значна радзей сустракаюцца аповеды інфармантаў аб тым, што да гэтага свята прымеркавана “ігра” сонца: *“Сонца іграе, казалі, на Благавешчаньне – і жоўтае, і краснае – усякае” (Ганна Яроменка, 1930 г.н., в. Марозавічы, Буда-Кашалёўскі раён).*

У сучасны перыяд сярод мясцовых жыхароў трывала захоўваюцца традыцыйныя павер’і пра свята Благавешчанне як небяспечны час, калі патрэбна прытрымлівацца пэўных правіл паводзін, абмежаванняў і забаронаў, жыццёстойкасць якіх падтрымліваецца традыцыйнымі светапогляднымі ўяўленнямі беларусаў аб свяце наогул, як незвычайным “сакральным” часе, які проціпастаўляецца будням, а таксама нагляднацю прыкладаў, уласным вопытам.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

- 1 Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе. У 2 кн. Кн. 1 / Т. В. Валодзіна [і інш.]; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. школа, 2012. – 910 с.

УДК 94(476)

І. С. Махоўская

(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

ДЭФІЦЫТ, ВІЗІТОЎКІ І ТАЛОНЫ. 1991 ГОД У ГІСТОРЫІ ЭКАНАМІЧНАГА КРЫЗІСУ Ў БЕЛАРУСІ

Да мяжы 1990-х гг. Беларусь падыйшла ў стане глыбокага эканамічнага крызіса, які разгарнуўся яшчэ ў 1980-я гг. У выніку распада СССР і разрыва эканамічных сувязяў сталі відавочнымі хібы вытворчага сектара эканомікі, дзе доля спажывецкіх тавараў складала невялікую частку ад усяго аб’ёма, а дзяржаўны гандаль ў сілу сваёй неэластычнасці, вялізарнага упраўленчага апарата і вертыкальнага тыпа цыркуляцыі аказаўся не ў стане справіцца з задачай эфектыўнага задавальнення пастаянна растучага попыту. Састарэлыя тэхналогіі, якія не дазвалялі вырабляць якасныя тавары, манапалізацыя і дзяржаўная форма ўласнасці, неэфектыўная цэнавая стратэгія, хібы размеркавальнай палітыкі – усе гэтыя фактары стваралі сістэму, якая не магла эфектыўна рэагаваць на змены ў эканамічнай і сацыяльнай сферах. Сацыяльныя пераўтварэнні падчас перабудовы прадэманстравалі адсутнасць запаса трываласці на таварным рынку і яго вялікую залежнасць ад знешніх фактараў. Так, дастаткова было чутак аб павышэнні цэн, грашовай рэформе ці неўраджаі, каб справакаваць новы віток ажыятажнага попыту, дэфіцыта і інфляцыйных працэсаў [12, с. 15].

Савецкая эканоміка традыцыйна была дэфіцытарнай, і па вялікаму рахунку, ні дэфіцыт, ні чэргі не былі незнаёмыя беларускім спажыўцам. Але гэтым разам дэфіцыт набывае татальны характар, з магазінаў знікае літаральна – усё. З успамінаў нашых інфармантаў:

“Пуста ў магазіне, як Мамай прайшоў. У магазінах былі адны прадаўцы (Людміла З.). Усе прылаўкі пустыя. Зойдзеш у магазін, а там толькі трохлітровыя слоікі сока ці толькі чорны хлеб ляжыць. Пустыя паліцы! Нічога не было” (Валянціна Л.).

Татальны дэфіцыт, натуральна выклікаў ажыятажны попыт, калі пры магчымасці набываліся не толькі неабходныя рэчы, але і тое, што можа спатрэбіцца калісьці. Адзінай магчымай тактыкай стала па тэрміналогіі Я.Карнаі “манеўраванне спажыўца ва ўмовах дэфіцыту” [4, с. 14]: здзяйсненне пакупкі не тады, калі патрэбен тавар, а калі яго можна набыць альбо дастаць (“калі даюць”).

Ажыятажнаму попыту спрыяў і рост цэн, часам такі імклівы, што тавар даражэў у некалькі разоў напрацягу дня. Так, напрыклад, 15 лістапада 1990 г. у адной з крам Мінска было арганізавана спецабслугоўванне інвалідаў і ўдзельнікаў вайны, можна было набыць вострадэфіцытны тавар: адну банку кансерваў “Ласось”. Цана кансервы для стаячых у бясконцай чарзе людзей складала 1 руб. 2 кап., але толькі да паловы дванаццатай. Пасля – у пяць разоў даражэй [10, с. 3].

Ключавым рашэннем праблем у спажывецкім сектары стала ўвядзенне нармванага размеркавання праз сістэму талонаў і картак. З 2 студзеня 1991 г. ўводзяцца візітныя карткі пакупніка – дакумент, які даваў права на набыццё тавараў толькі па месцы прапіскі і толькі ў колькасці, пазначанай на выразных талонах візітоўкі ці на ўкладышах да яе. Карткі выдаваліся ў ЖЭСах, на іх пазначаліся імя і прозвішча ўладальніка, пашпартныя дадзеныя і ўклеявалася фатаграфія. Атрымаць яе маглі толькі людзі, старэйшыя за 15 год. На дзяцей выдаваліся асобныя ўкладышы аднаму з бацькоў.

Паколькі візітоўкі былі адзіным магчымым спосабам набыць тавары, ставіліся да іх беражна. З успамінаў таго часу: “... а яшчэ поліэтыленавыя вокладкі для сшыткаў – памятаеш, былі такія – калі яе разрэзаць напалову і запаяць прасам, атрымлівалася выдатная вокладка для такой кніжачкі спажыўца. Яе бераглі, тады ж здавалася, што ўсё гэта будзе цягнуцца вечна” [2].

Візітоўкі былі мужчынскія і жаночыя – адрозніваліся асартыментарам. На кожную катэгорыю тавараў устанаўліваліся адпаведныя нормы. Напрыклад, адзін тэлевізар на два гады ці (у мужчынскай візітоўцы) – дзве пары шкарпэтак на квартал. Нормы і катэгорыі ў талонах былі далёкія ад дасканаласці. На боты быў адзін талон на два гады, і пакупніку трэба было прыняць рашэнне: у гэтыя два гады ён набывае адны зімовыя ці адны асеннія боты. Яшчэ былі два талоны “скураны абутак”, то бок, дзве пары на два гады, але пад гэту катэгорыю падпадалі ў тым ліку дзіцячыя сандалі ці гімнастычныя чэшкі.

Увядзенне візітовак і талонаў значна ўскладніла працэс здзяйснення пакупкі. Каб не дапусціць падробкі, прадавец павінен

быў звяраць нумары талонаў з паметкай на вокладцы візітоўкі, якую прастаўлялі ў ЖЭСе. Але фальшывыя талоны з’явіліся вельмі хутка. Тым больш што адказнасць за падробку талонаў не прадугладжвалася. Распаўсюджвалася і такая з’ява, як гандаль талонамі. “Рэдка на якім стаўбе, – піша прэса у жніўні 1991 г., – у Гомелі не ўбачыш аб’яву пра абмен візітовак і талонаў грамадскага карыстання на любы тавар аж да аўтамабіля і кватэры” [8, с. 3].

Праверкі ў гэты час выяўляюць значныя парушэнні ў колькасці замоўленых візітовак, укладышаў і талонаў. Так, Упраўленне дзяржаўнай гандлёвай інспекцыі БССР у ходзе праверкі Новабеліцкага райвыканкама г. Гомеля высветліла недахоп 2462 укладыша “Тавары агульнасямейнага карыстання” і 134 укладыша “Тавары для дзяцей”. У Чыгуначным раёне г. Гомеля, – наадварот, знайшліся “лішнія” 473 візітныя карткі, 256 укладышаў “Тавары агульнасямейнага карыстання”, 184 укладыша “Тавары для дзяцей”, 1053 талона на прадукты харчавання і 84 – на спіртныя напоі [8, с. 3]. Той жа Чыгуначны раён трапляе ў сродкі масавай інфармацыі зноў праз два тыдні з нагоды праверкі Дзяржінспекцыі па гандлі і абароне праў спажывцоў. Высветлілася, што райвыканкам атрымаў з тыпаграфіі 77 тысяч лішніх камплектаў візітовак. 2700 візітовак знайшліся ў райвыканкаме, а дзе астатнія 74 тысячы 300 – засталася невядома [5, с. 4]. Па дадзеных Дзяржкамстата, насельніцтва Мінска ў 1992 г. складала 1 мільён 650 тысяч чалавек, а выканкамы замовілі талонаў на 1 мільён 800 тысяч [1, с. 3]. Масавыя парушэнні фіксуецца і ў ЖЭСах. Талоны актыўна прадаюцца на чорным рынку, кошт іх з двух рублёў за штуку да жніўня 1991 г. павысіўся да чатырох [5, с. 4].

Неўзабаве пасля ўвядзення візітовак была праведзена грашовая рэформа, якая насіла канфіскацыйны характар. Аўтарам і ініцыятарам рэформы быў Валянцін Паўлаў, які з 1989 г. займаў пост міністра фінансаў СССР, а 14 студзеня 1991 г. быў зацверджаны ў якасці прэм’ер-міністра. Па яго прозвішчы рэформа атрымала назву “паўлаўская”. 22 студзеня 1991 г. публікуецца пастанова Кабінета Міністраў СССР “Аб спыненні прыёма да плацяжу грашовых знакаў Дзяржбанка СССР наміналам 50 і 100 рублёў узору 1961 г. і парадку іх абмена і абмежавання выдачы наяўных грошай з рахункаў грамадзян”. У той жа дзень выходзіць Указ прэзідэнта СССР, дзе грашовая рэформа тлумачыцца “у інтарэсах пераважаючай большасці насельніцтва, узмацнення барацьбы са спекуляцыяй, карупцыяй, кантрабандай, вырабам фальшывых грошай, непрацоўнымі даходамі і ў мэтах нармалізацыі грашовага звароту і спажывецкага рынку...”.

Рэальнай і ўсім зразумелай мэтай рэформы было пазбаўленне ад залішняй грашовай масы, якая была надрукаваная напрыканцы 1980-х гг. і назапасілася на руках насельніцтва ва ўмовах татальнага таварнага дэфіцыту, яшчэ больш гэты дэфіцыт разганяючы.

Для выдалення са звароту як мага большай сумы грошай, быў скарыстаны прынцып раптоўнасці. Насельніцтва даведалася аб Указе з вячэрняга выпуску праграмы “Время” у 21 гадзіну, а таксама аб тым, што ў сілу ўказ уступае з 0 гадзін наступнага дня – 23 студзеня 1991 г., то бок, праз тры (!) гадзіны пасля яго абвяшчэння. Крамы і банкі, натуральна, ужо былі закрытыя. Найбольш спрытныя і кемлівыя за тыя пару гадзін паспелі размяняць грошы ў таксістаў, адправіць паштовыя грашовыя пераводы камусці са сваякоў ці набыць квіток на самалёт ці цягнік куды далей, каб назаўтра яго вярнуць і атрымаць ужо новыя купюры.

У астатніх тэрэтычна была магчымасць абмяняць наяўныя грошы, наміналам 50 і 100 рублёў на банкноты ўзору 1991 г. Але на абмен адводзіліся тры дні, гэта былі працоўныя дні з серады па пятніцу. Прычым кожны грамадзянін мог абмяняць не больш за 1000 рублёў. Да выканання ўказа аказаліся не гатовыя ні насельніцтва, ні банкі. Каля ашчадкас збіраюцца даўжэзныя чэргі, складаюцца і звяраюцца спісы тых, хто стаіць у чарзе. Супрацоўнікі Ашчадбанка скардзіліся на немагчымасць працаваць, бо літаральна кожныя 10 хвілін прыходзіла новая інфармацыя, працэдура была абсалютна не зразумелая. Выкладчыца Палітэхнічнага інстытута кажа журналісту 24 студзеня: “... да 12 гадзін стала велізарная чарга, па спісе было зарэгістравана ўжо 785 чалавек. Людзі з раніцы не працуюць і, падобна, не будуць працаваць, пакуль усё не высветліцца” [7, с. 1]. Уводзіліся абмежаванні на выдачу наяўных грошай з укладаў грамадзян, максімальная сума – 500 рублёў за месяц і не больш за 200 рублёў у дзень. Але безнаяўныя аперацыі былі магчымыя без абмежавання.

У выніку рэформы планавалася знізіць колькасць наяўных грошай на 81,5 млрд рублёў, рэальна ж удалося зняць толькі 14 млрд [6]. Прычым, заяў на абмен буйных сум практычна не паступала, відавочна, іх уладальнікі змаглі абыйсці афіцыйныя каналы абмену. Пацярпелымі ад рэформы аказаліся ў асноўным шэраговыя грамадзяне з невялікімі капіталамі, якія не мелі магчымасці пакінуць працу і дастаяцца ў чарзе на абмен і вымушаны былі змірыцца з тым, што пазбавіліся заробленых і накопленых грошай.

Наступным крокам шокавай тэрапіі стала павышэнне цэн з 2 красавіка 1991 г. Заранёў аб гэтым спажыўцоў папярэдзваць

не сталі, і толькі пазней было абвешчана, што такі крок быў загодзя спланаваны і заснаваны на Указе прэзідэнта СССР М. Гарбачова і пастанове Кабінета Міністраў. Цэны выраслі абсалютна на ўсе тавары мінімум у тры разы, на мяса і каўбасы – у чатыры, на некаторыя катэгорыі непрадавольчых тавараў – да 10 разоў. У некалькі разоў былі павышаны цэны на транспарт і камунальныя паслугі. Паступова ў крамах пачынаюць з’яўляцца хоць якія тавары на фоне катастрафічнага падзення пакупніцкай здольнасці спажыўцоў. Статыстычныя дадзеныя сведчаць аб падзенні рознічнага таваразвароту за красавік 1991 г. на 27 %.

У адказ на падвышэнне цэн у красавіку-маі 1991 г. разгарнуліся масавыя пратэсты ў гарадах Беларусі, так званыя “маршы пустых каструль”, у якіх узялі ўдзел сотні тысяч працаўнікоў. Першы стыхійны мітынг адбыўся на Мінскай электратэхнічным заводзе. Да яго далучыліся рабочыя некаторых іншых заводаў, забаставаў Мінскі аўтамабільны завод. Быў створаны рэспубліканскі страйкам, куды ўвашлі прадстаўнікі 98 прадпрыемстваў. Пратэстныя акцыі адбываліся штодня на Плошчы Незалежнасці, рабочыя пратэставалі супраць росту цэн, патрабавалі падвышэння зарплат і пенсій, выплат кампенсацый прапарцыянальна росту цэн. З 10 красавіка 1991 г. забастоўка прыняла агульнаацыянальны характар, страйкамы з’явіліся практычна ва ўсіх прамысловых цэнтрах. У Воршы дэманстрантамі на некалькі дзён была перакрыта чыгунка. Ёй выніку абсалютная большасць эканамічных патрабаванняў была задаволеная [11].

Цэлы шэраг тавараў заставаўся ў стане ўстойлівага дэфіцыту. Гэта тэлевізары, пральныя машыны “Мара”, фотаапараты “Зеніт”, мэбля, веласіпеды, электрапрасы, запалкі, дываны, посуд, хрусталь, гаспадарчае мыла і інш. [9, с. 2]. Уведзенае нармаванае размеркаванне не было забяспечана дастатковымі таварнымі рэсурсамі, якія б маглі задаволіць у поўным аб’ёме патрэбы спажыўцоў. Ні талоны, ні карткі спажыўца не былі гарантыяй набыцця тавара. Спрычынялася да фармавання дэфіцыту і сфера гандлю. У верасні 1992 г. органы ўнутраных спраў правялі маштабную аперацыю “Дэфіцыт”. Былі правераны больш за 7 тысяч гандлёвых аб’ектаў, і на кожным чацвёртым былі выяўленыя парушэнні правілаў гандлю. Тавараў, прыхаваных ад свабоднага продажу было знойдзена на 3 мільёны рублёў, у выніку былі ўзбуджаныя 264 крымінальныя справы [3, с. 4].

У сітуацыі татальнага дэфіцыта і неўпэўненасці ў магчымасці набыць неабходнае заўтра размеркаванне па талонах стварыла сітуацыю, калі тавар купляўся не таму, што ў ім была неабходнасць

цяпер ці ў перспектыве, але таму, што патрэбна было атаварыць талоны-купоны. Напрыклад, некурцы куплялі цыгарэты, тыя, хто не п'е – спіртное і г.д., каб не прапаў талон.

Аляксандр М. апісвае сітуацыю: *“Пасля што там пайшло, талоны. Гэта была самая вялікая памылка таварыша Гарбачова. Таму што хочаш – не хочаш, прыйшлося купляць. Спіртное і цыгарэты. А інакш прападзе”*.

Расказвае Людміла С.: *“Па картках усё было, бегалі куплялі. Панчохі нават, нават тое, што не патрэбна было. Таму што шкада было, калі гэтая картка прападала, ты браў, трэба гэта было ці не трэба, ты браў. ... А, дарэчы, у мяне зараз яшчэ рэчы твая вісяць, што тады купляла па картках, яны зараз не патрэбны”*.

Сёння людзі, успамінаючы свае некаторыя эканамічныя дзеянні таго перыяду, схільныя лічыць іх нерацыянальнымі. Але ў дэпрывацыйным стане афектыўныя дзеянні маюць сваю рацыянальнасць і мэтазгоднасць, яны, напрыклад, выконваюць ахоўную, псіхатэрапеўтычную функцыю. Акурат у такім ракурсе неабходна разглядаць адаптацыйныя практыкі пачатку 1990-х, якія сёння з'яўляюцца важнымі топасамі памяці аб тым часе. Панічнае набыццё непатрэбных рэчаў і стварэнне “залатога запасу”.

“Хапалі ўсё запар. Нават балонная куртка сіне-блакітная, да гэтага часу вісіць на гарышчы, ніхто ні разу не апрануў. І касцюм у мяне паркалёвы новенькі, так і ляжыць” (Галіна В.); *“Такое куплялі! [...] Браць хоць нешта, ніхто ж не ведаў, што чакае цябе наперадзе... Тое, што тады куплялі, тут яно, у гэтым [бацькоўскім] доме і валяецца. Нешта я парздавала, а нешта і раздаць не магу – нікому не трэба. Бедным я гэта ўсё парздавала. Ну, хоць так грошы не прапалі, хоць некаму спатрэбілася...”* (Станіслава М.).

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

- 1 Бараннікова, С. Кто выпил мой чай и съел мой сахар? // Советская Белоруссия. – 1992. – 1 апр. – С. 3.
- 2 Беларусь. Совершеннолетие. Год 1991-й [Электронны рэсурс]. – Рэжым досупа: <https://news.tut.by/politics/132022.html>. – Дата досупа: 23.07.2019.
- 3 Борются с дефицитом // Советская Белоруссия. – 1992. – 19 сент. – С. 4.
- 4 Корнаи, Я. Дефицит / Я. Корнаи. – М. : Наука, 1990. – С. 474.
- 5 Не лучше ли без талонов? // Советская Белоруссия. – 1991. – 13 авг. – С. 4.

- 6 Обмен денег. На чем сердце успокоится // Коммерсант. Власть. 28 января 1991 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.kommersant.ru/doc/265657>. – Дата доступа: 23.07.2019.
- 7 Оказались не готовы // Советская Белоруссия. – 1991. – 25 янв. – С. 1.
- 8 Откуда визитки // Советская Белоруссия. – 1991. – 1 авг. – С. 3.
- 9 Первый шаг к рынку // Советская Белоруссия. – 1991. – 21 июля. – С. 2.
- 10 Переходим на рынок... сразу после обеда // Советская Белоруссия. – 1991. – 31 янв. 1991. – С. 3.
- 11 Стуков, И. Как умеют протестовать белорусы // Заўтра тваёй краіны. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=8719. – Дата доступа: 23.07.2019.
- 12 Якупов, Р. А. Система потребления в СССР – России в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (по материалам Среднего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Р. А. Якупов. – Самара, 2010. – 15 с.

УДК 008:061.1(100)ЮНЕСКО(075.8)

М. А. Міхайлец

(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

ДАСЯГНЕННІ І ПРАБЛЕМЫ Ў ІМПЛЕМЕНТАЦЫІ РЭСПУБЛІКАЙ БЕЛАРУСЬ КАНВЕНЦЫІ АБ ЗАХАВАННІ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ 2003 ГОДА

У 2005 г. Беларусь ратыфікавала Канвенцыю аб захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны (далей – Канвенцыя), і зараз перад нашай краінай пастаўлена задача па эфектыўнай імплементацыі яе палажэнняў. У артыкуле аналізуецца дасягненні Беларусі на гэтым шляху, а таксама недахопы, на якія неабходна звярнуць увагу і выправіць.

Пры ратыфікацыі Канвенцыі дзяржавы прымаюць на сабе шэраг абавязкаў і пагаджаюцца прадпрымаць (ці імкнуцца прадпрымаць) розныя дзеянні дзеля дасягнення мэтай Канвенцыі.

Галоўным абавязкам дзяржаў-удзельніц з’яўляецца прыняцце мер па агульным захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны, што знаходзіцца на яе тэрыторыі, а таксама дазвол супольнасцям захоўваць асобныя элементы сваёй нематэрыяльнай спадчыны, аказанне ім падтрымкі ў гэтай справе. Гэта прапісана ў Канвенцыі: у артыкуле 11 гаворыцца, што “Кожнай дзяржаве-удзельніцы належыць: (а) прымаць неабходныя меры для забеспячэння захавання нематэрыяльнай культурнай спадчыны, што маецца на яе

тэрыторыі...”, а артыкул 15 утрымлівае палажэнне аб тым, што “ў рамках сваёй дзейнасці па захаванні ... кожная дзяржава-ўдзельніца імкнецца забяспечыць па магчымасці самы шырокі ўдзел супольнасцяў, груп і, у адпаведных выпадках, асобных асоб, ... і актыўна далучаць іх да кіравання такой спадчынай”.

У Беларусі 3 лютага 2017 г. уступіў у сілу Кодэкс аб культуры, у якім вызначаны дзяржаўны падыход да захавання нематэрыяльнай культурнай спадчыны. На жаль, нічога новага ў параўнанні з папярэднім Законам аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны ў адносінах да спадчыны нематэрыяльнай у Кодэксе не з’явілася. Па-ранейшаму асноўным тэрмінам, які выкарыстоўваецца ў заканадаўстве, з’яўляецца “нематэрыяльная культурная каштоўнасць”, вызначэнне якой дадзена ў артыкуле 69 Кодэкса. Гэтае азначэнне цалкам адрозніваецца ад дэфініцыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны Канвенцыі 2003 г. (нагадаем, што на той момант мінула ўжо 12 гадоў з моманту ратыфікацыі Беларуссю гэтай Канвенцыі). Зыходзячы з азначэння нематэрыяльнай культурнай каштоўнасці, да дадзенай катэгорыі адносяцца гербы гарадоў Беларусі, якія складаюць амаль што палову ад агульнай колькасці нематэрыяльных элементаў, уключаных у Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь.

Захаваўся у Кодэксе 2017 г. і штучны падзел нематэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей на катэгорыі “А” і “Б”, замацаваны ў артыкуле 96. Так, да катэгорыі “А” адносяцца нематэрыяльныя каштоўнасці, “поўная аўтэнтычнасць і дакладнасць якіх безумоўныя і нязменныя”, а да катэгорыі “Б” – “якія поўнасцю або часткова адноўлены (зафіксаваны) на другасным матэрыяле ці аб’ектыўна з часам могуць змяняцца”. Фармуліроўкі артыкула 96 выклікаюць здзіўленне, бо для любога навукоўца відавочна, што з цягам часу змяняецца ўсё, у тым ліку і праявы культуры, таму не існуе элементаў НКС, якія б захаваліся ў цалкам нязменным выглядзе. Канвенцыя 2003 г. і Камітэт нематэрыяльнай культурнай спадчыны ўвогуле нідзе не выкарыстоўваюць паняцце “аўтэнтычны” у адносінах да нематэрыяльнай спадчыны, а наадварот, увесь час падкрэсліваюць, што гэта “жывая” спадчына, “... якая перадаецца ад пакалення да пакалення, пастаянна ўзнаўляецца супольнасцямі і групамі ў залежнасці ад навакольнага ім асяроддзя, іх узаемадзеяння з прыродай і іх гісторыяй...” [1, арт. 2.1].

Асноўныя абавязкі дзяржаў-удзельніц вызначаны ў главе 3 Канвенцыі “Захаванне нематэрыяльнай культурнай спадчыны на нацыянальным узроўні”. Што тычыцца арганізацыі захавання нематэрыяльнай спадчыны ў Беларусі, то ёсць пэўная супярэчнасць

у тым, што згодна з Канвенцыяй 2003 г. дзяржава-удзельніца бярэ на сябе абавязак захавання усёй нематэрыяльнай культурнай спадчыны, што знаходзіцца на яе тэрыторыі [1, арт. 11(a)], тады як згодна з Кодэксам аб культуры 2017 г. дзяржава ахоўвае перад усім тыя элементы такой спадчыны, якія ўключаны ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей [2, арт. 107]. Прычым у Кодэксе аб культуры гаворка ідзе пра захаванне “нацыянальных культурных традыцый ... характэрных толькі для культуры беларускага народа”. Не зразумела, ці прадугледжвае гэта фармуліроўка захаванне нематэрыяльнай спадчыны нацыянальных меншасцей, у тым ліку імігрантаў, што прадугледжана Канвенцыяй.

Нідзе у Кодэксе аб культуры, нават на дэкларатыўным узроўні, не ўзгадваецца аб вядучай ролі носьбітаў нематэрыяльнай спадчыны ў справе яе захавання, што з’яўляецца цэнтральным момантам Канвенцыі 2003 г., у той час як згодна з артыкулам 15 Канвенцыі менавіта яны (а не дзяржава, і не эксперты) вызначаюць нематэрыяльную спадчыну і прымаюць самы шырокі ўдзел у яе захаванні.

Адным з галоўных абавязкаў дзяржаў-удзельніц Канвенцыі 2003 г. з’яўляецца складанне аднаго ці некалькіх пералікаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны, што існуе на яе тэрыторыі [1, арт. 12.1]. У Беларусі на афіцыйным узроўні існуе адзіны спіс – Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей, у які ўключаюцца, сярод іншых, і элементы нематэрыяльнай спадчыны. У той жа час пры дапамозе, атрыманай з Фонду нематэрыяльнай культурнай спадчыны, створаны і эфектыўна працуе электронны інвентар нематэрыяльнай спадчыны Беларусі “Жывая спадчына Беларусі” [3], на якім існуе і англамоўная версія. Гэта сучасны інтэрактыўны рэсурс, які дазваляе азнаёміцца з элементамі нематэрыяльнай спадчыны, якія ўключаны ці прапанаваны на ўключэнне ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей. Акрамя таго на ім прадстаўлены навіны, календар падзей, бібліятэка тэматычных публікацый, асноўныя прававыя дакументы, фота- і відэагалерыі і інш. Сайт рэгулярна абнаўляецца і прадастаўляе магчымасць падпісацца на навіны.

У артыкуле 13 Канвенцыі вызначаюцца шляхі, паводле якіх дзяржавы-ўдзельніцы могуць забяспечыць захаванне, развіццё і павышэнне ролі нематэрыяльнай спадчыны, што існуе на іх тэрыторыі. На жаль, можна канстатаваць, што большасць з гэтых пунктаў Беларуссю не выконваюцца або выконваюцца часткова.

Бадай што асноўным выклікам, які стаіць на шляху захавання нематэрыяльнай спадчыны Беларусі, з’яўляецца павышэнне матывацыі носьбітаў традыцый – членаў мясцовых супольнасцяў –

з тым, каб яны працягвалі практыкаваць канкрэтныя элементы гэтай спадчыны. Неабходна, каб носьбіты (у самым шырокім кантэксце) бачылі сэнс у працягу і перадачы традыцый наступным пакаленням, каб спадчына не становілася пэўным “перажыткам мінулага”, цікавым толькі для старых. Для гэтага трэба прымаць як меры папулярызацыйнага характару, так і комплексныя меры на дзяржаўным узроўні, звязаныя з падрыхтоўкай кадраў, стварэннем адукацыйных праграм (у тым ліку ў галіне нефармальнай адукацыі), правядзеннем мэтанакіраваных даследаванняў і інш.

Да сённяшняга часу не створана эфектыўнай дзяржаўнай структуры, якая б займалася пытаннямі аховы культурнай спадчыны ўвогуле і нематэрыяльнай спадчыны, у прыватнасці. Відавочна, што адпаведных намаганняў трох супрацоўнікаў аддзела арганізацыі аховы і ўліку гісторыка-культурнай спадчыны Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь недастаткова. Акрамя гэтага неабходна пастаяннае павышэнне кваліфікацыі як супрацоўнікаў Міністэрства культуры, так і супрацоўнікаў упраўленняў культуры абласных выканаўчых камітэтаў, з тым, каб яны эфектыўна выкарыстоўвалі напрацоўкі і рэкамендацыі органаў Канвенцыі 2003 г. і айчынных экспертаў.

Неабходна інтэграцыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў сістэму адукацыі, што знаходзіцца ў рэчышчы міжнародных тэндэнцый. У рэаліях сённяшняга свету гэта амаль што неабходная ўмова забеспячэння бесперапыннай перадачы ведаў і навыкаў, што адносяцца да нематэрыяльнай культурнай спадчыны. Пры гэтым неабходна ўлічваць, што гаворка ідзе перад усім не проста пра інфармаванне дзяцей і моладзі аб нематэрыяльнай спадчыне ўсёй краіны, а галоўным чынам, пра перадачу ведаў і навыкаў аб канкрэтных элементах, якія практыкуюцца ў дадзенай мясцовасці, з актыўным уцягненнем у гэты працэс непасрэдных носьбітаў з мясцовай супольнасці. Гэта патрабуе цеснага супрацоўніцтва з Міністэрствам адукацыі для выпрацоўкі належных падыходаў.

Пэўныя поспехі ёсць у Беларусі ў справе павышэння дасведчаннасці грамадскасці ў галіне захавання нематэрыяльнай спадчыны. Сярод галоўных мерапрыемстваў па яе папулярызацыі трэба назваць фальклорны фестываль “Берагіня”, фестываль нацыянальных меньшасцяў у Гродне, цыкл тэлеперадач “Жывая культура”.

На міжнародным узроўні два элементы нематэрыяльнай спадчыны Беларусі ўключаны ў спісы Канвенцыі – “Калядныя цары” з вёскі Семежава – у Спіс тэрміновай аховы, “Будслаўскі фэст” – у Рэпрэзентатыўны спіс. Акрамя гэтага, Беларусь у 2010 г. атрымала

міжнародную дапамогу з Фонду нематэрыяльнай культурнай спадчыны на распрацоўку нацыянальнага інвентара. Таксама Беларусь выконвае свае абавязкі, што датычаць прадстаўлення Камітэту нематэрыяльнай культурнай спадчыны перыядычных дакладаў аб рэалізацыі Канвенцы і стане элементаў, уключаных у спісы Канвенцыі.

Такім чынам, найбольшых поспехаў Беларусь дасягнула ў справе папулярызацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны. У той жа час неабходна імплементацыя палажэнняў Канвенцыі 2003 г. у нацыянальнае заканадаўства, стварэнне (ці прызначэнне) дзяржаўнай структуры, якая б займалася пытаннямі захавання, вывучэння і далейшай папулярызацыяй такой спадчыны, інтэграцыя нематэрыяльнай спадчыны ў сістэму адукацыі, уключэнне нематэрыяльнай спадчыны ў праграмы планавання не толькі ў галіне культуры, але ў іншых сферах.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

- 1 Конвенция об охране нематериального культурного наследия // ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml. – Дата доступа: 10.09.2019.
- 2 Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Нк1600413>. – Дата доступа: 10.09.2019.
- 3 Жывая спадчына Беларусі. Інвентар нематэрыяльнай культурнай спадчыны. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.livingheritage.by>. – Дата доступа: 10.09.2019.

УДК 392.8(=161.3)

Т. А. Навагродскі

(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

ТРАДЫЦЫІ ХАРЧАВАННЯ – ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТКА МАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ ЭТНАСУ

Даследаванне традыцый харчавання беларусаў з’яўляецца важнай задачай беларускай этналагічнай навукі. Ва ўмовах глабалізацыі і мадэрнізацыі беларускага грамадства, паскораныя тэмпы якіх

назіраюцца ў канцы XX – пачатку XXI ст., востра паўстае пытанне вывучэння і захавання традыцыйнай культуры этнасу. Гэта абумоўлена імклівым знікненнем у апошні час з ужытку элементаў традыцыйнага комплексу. У сувязі з гэтым, даследаванне традыцыйнай народнай культуры беларускага этнасу з’яўляецца не толькі актуальным накірункам сучаснай этналагічнай навукі, але і яе першачарговай задачай. Адною з важнейшых задач беларускай этналагічнай навукі з’яўляецца ўсебаковае вывучэнне традыцый харчавання беларускага этнасу. Асабліва актуальным з’яўляецца даследаванне асаблівасцей традыцый харчавання, вызначэння і характарыстыкі яе структурных кампанентаў, вывучэнне змен у традыцыях харчавання на працягу XIX–XX стст. Актуальнасць вырашэння гэтай задачы тлумачыцца месцам і роляй традыцый харчавання у культуры беларусаў. Дзякуючы сваёй кансерватыўнасці і ўстойлівасці да змен, яны з’яўляюцца той часткай культуры, якая ў найбольшай ступені захавала рысы этнічнага характару. Аналіз традыцый харчавання будзе з’яўляцца важнейшым аспектам даследавання этнакультурных працэсаў.

Актуальнасць вывучэння традыцый харчавання звязана з вялікай практычнай значнасцю і запатрабаванасцю гэтай часткі культуры ў сучаснай сферы харчавання, а таксама яе выкарыстаннем у турыстычнай галіне нашай краіны. Традыцыі харчавання з’яўляюцца візітнай карткай любога народа. Таму важна іх не толькі ведаць, але і папулярываць як важнейшы элемент нашай культурнай спадчыны.

Важна даследаваць тэарэтычныя аспекты традыцый харчавання этнасу. Тэарэтычныя распрацоўкі маюць важнае навуковае значэнне. Яны дапамогуць больш глыбока зразумець і асэнсаваць факты. Пра традыцыйную культуру харчавання беларусаў сабраны багаты фактычны этнаграфічны матэрыял, даследаваны яе асаблівасці, нядрэнна вывучаны асобныя перыяды, матэрыялы па народнай кулінарыі выкарыстоўваліся для гістарычна-этнаграфічнага раяніравання матэрыяльнай культуры Беларусі, выдзялення і разгляду асноўных яе структурных частак. Разам з тым не праводзіўся тэарэтычны аналіз традыцый народнага харчавання, не разглядаліся змены ў гэтай частцы культуры на працягу XX ст., амаль не паказана іх трансфармацыя і адаптацыя ў сучасны перыяд. Неабходна паказаць эвалюцыю асноўных элементаў традыцыйнай культуры харчавання беларусаў на працягу XIX–XX стст., шляхі выкарыстання традыцый народнага харчавання ў наш час: у хатніх умовах, у рэстаранах і кафэ, на аграэкасядзібах.

Народная кулінарыя залежыць ад многіх фактараў, сярод якіх можна вылучыць прыродна-геаграфічны; сацыяльна-эканамічны;

гістарычна-культурныя традыцыі; сезоннасць. Традыцыйная культура харчавання залежыць ад інтэнсіўнасці міжэтнічных кантактаў і культурнага ўзаемадзеяння народаў, а таксама ад наяўнасці і даступнасці зыходных сыравінных кампанентаў, узроўню развіцця навыкаў і ведаў у галіне кулінарнага майстэрства, уплыву запазычанняў і г. д.

Калі ж нас не цікавяць этнічныя аспекты харчавання і мы не звяртаем увагі на нейкія другасныя дэталі, а вызначаем, які прадукт дае асноўную каларыйнасць ежы, у якім выглядзе ён ужываецца, якімі прадуктамі забяспечваецца неабходнасць у бялках, то можна гаварыць аб мадэлі харчавання [1, с. 19]. На нашу думку, мадэль харчавання больш гнуткая і рухомая, чым сістэма харчавання. У аснове адной сістэмы харчавання – некалькі мадэляў. Вынаходніцтва ці запазычанне якога-небудзь прадукту, які паступова займае галоўнае месца ў харчовым рацыёне, прыводзіць да замены мадэлі або адначасовага існавання некалькіх (дзвюх і больш), што знаходзяцца ў розных спалучэннях. Для беларускай сістэмы харчавання да XIX ст. характэрна была зерневая мадэль харчавання, а з другой паловы XIX ст. да яе далучаецца і клубневая (за кошт актыўнага ўжывання бульбы). Зернева-клубневая мадэль харчавання адпавядае аналагічны тып харчавання, пры якім асноўнае спажыванне крухмалу адбываецца за кошт выкарыстання зерневых і клубневых у выглядзе печанага жытняга хлеба, каш і разнастайных страў з бульбы.

Уся карысная для здароўя чалавека інфармацыя змяшчаецца ў традыцыйных харчовых сістэмах, адмова ад якіх прывяла да праблем са здароўем насельніцтва, якое пагаршаецца ў буйных гарадах і прамысловых цэнтрах шырокім ужываннем прадуктаў з сінтэтычнымі дабаўкамі (кансервантамі, фарбавальнікамі).

Любыя традыцыйныя падзеі, якія з’яўляюцца вельмі важнымі для грамадства ці для асобнага чалавека, не абыходзяцца без прыёму спецыяльнай ежы: дні нараджэння ці імяніны, вяселле, пахаванне, дзяржаўныя і рэлігійныя святы. Паводзіны чалавека, звязаныя са здабычай, захоўваннем, прыгатаваннем і ўжываннем ежы, выходзяць за межы задавальнення біялагічных патрэб чалавечага арганізма і характарызуюцца разнастайнымі формамі культуры [2, с. 13].

Апазіцыя «традыцыя–інавацыя» ў галіне народнай кулінарыі вельмі ўмоўная, і часам цяжка правесці паміж імі мяжу: узнікшая навацыя за кароткі перыяд можа стаць традыцыяй, а ўстойлівая традыцыя з цягам часу забыцца і ўжо ў іншы гістарычны перыяд (часта ў выніку дыфузіі) успрымацца як навацыя. Працэс зараджэння і развіцця інавацыі ў культуры этнасу ў найбольш поўным выглядзе ўключае ў сябе чатыры асноўныя этапы: селекцыю, узнаўленне ці капіраванне, прыстасаванне ці мадыфікацыю, структурную

інтэграцыю [4, с. 41]. Многія інавацыі ў галіне культуры харчавання беларусаў прайшлі ўсе чатыры этапы. Аднак у розных канкрэтных варыянтах уводзін інавацыі ў культуру этнасу некаторыя этапы могуць выпадаць ці злівацца адзін з другім. Стравы з бульбы, якія з'явіліся ў беларускай народнай кулінарыі ў канцы XVIII ст., менш чым праз паўстагоддзе становяцца традыцыйнымі. Любое запазычанне не прыўецца, калі грамадства да гэтага не падрыхтавана. Але калі, напрыклад, у кулінарыі ёсць пэўная ніша, то яна абавязкова запоўніцца, асабліва калі гэта не парушае агульнай кулінарнай традыцыі.

Калі браць пад увагу, што запазычанні і новыя традыцыі – гэта адзін са шляхоў развіцця культуры, то можна гаварыць аб эвалюцыі сістэмы традыцыйнага харчавання беларусаў у XX ст.

Суадносіны паміж ежай расліннага і жывёльнага паходжання вар'іруюцца на працягу розных гістарычных перыядаў і вельмі цесна звязаны з гаспадарча-культурным тыпам. Мы можам прыкладна вызначыць характар харчавання пэўнага этнасу. У беларусаў да пачатку XX ст. пераважаў раслінны характар харчавання. Структурны аналіз страў беларускай народнай кулінарыі паказвае, што большасць іх састаўлялі мучныя, крупяныя, гароднінныя стравы, гэта значыць стравы расліннага паходжання, прыгатаваныя з прадуктаў земляробства.

Спажыванне ежы ў паўсядзённым жыцці адбываецца амаль заўсёды ў форме трапезы, у пэўнай паслядоўнасці [3, с. 63]. Звычайна трапеза складаецца з некалькіх відаў ежы, уключаючы напоі. Асноўную функцыянальную нагрузку выконваюць штодзённыя трапезы. Яны ўтвараюць ядро ўсёй сістэмы харчавання этнасу. Святочная трапеза з самага пачатку ўзнікла як апазіцыя ў адносінах да штодзённай. Відавочна, што штодзённая трапеза задавальняла патрэбы людзей. А для свят заўсёды характэрна ўжыванне больш багатай і разнастайнай ежы. У залежнасці ад часу прыёму трапез выдзяляюць ранішнія, дзённыя, вячэрнія; у залежнасці ад месца прыёму – хатнія, палявыя, у гасцях. Пры даследаванні трапез як кампанента народнай кулінарыі пэўнага этнасу неабходна звярнуць увагу на іх колькасць (за дзень), час правядзення, склад удзельнікаў; зафіксаваць адрозненні трапез, вызначыць паслядоўнасць, у якой ужываюцца розныя віды страў у складзе трапезы. Любая трапеза ўяўляе, нарэшце, дзеянне з пэўным знакавым зместам, таму з'яўляецца вельмі карыснай крыніцай для этналагічнага вывучэння.

Важна звярнуць увагу на вывучэнне народнага застольнага этыкету. Менавіта за сталом, калі сабіраліся ўсе члены сям'і, перадаваліся ад старэйшага пакалення малодшаму вопыт, пэўныя веды, многія сямейныя традыцыі, засвойваліся нормы маралі

і правілы паводзін. Характэрнай асаблівасцю беларускай народнай гасціннасці былі «прымус» і «прынука». У час застолля пасля падачы кожнай стравы гаспадары павінны былі запрашаць гасцей паспытаць яго са словамі: «Паспрабуйце, госці дарагія. Ешце на здароўе» і г. д. Калі гаспадар або гаспадыня дрэнна застаўлялі («прымушалі») гасцей есці стравы, то лічылася, што застолле было не вельмі ўдалым, і, вярнуўшыся з гасцей, гаварылі: «Усяго за сталом хапала: і ежы, і напой, толькі прымусу не было».

Адной з галоўных частак народнай кулінарыі з'яўляюцца стравы – аснова, тое, з чаго кожная трапеза складаецца. Яны найбольш хутка і адчувальна рэагуюць на змены ў гістарычным і сацыяльна-эканамічным развіцці. Пры этналагічным вывучэнні страў мэтазгодна рабіць іх класіфікацыю. У залежнасці ад складнікаў выдзяляюць наступныя віды страў: мучныя, крупяныя, гароднінныя, малочныя, мясныя, рыбныя, з яек, грыбныя. Асобную групу састаўляюць напоі. Напоі як кампанент харчавання ў асноўным прызначаны для задавальнення чалавечага арганізма вадкасцямі. Акрамя таго, ёсць састаўныя стравы, у склад якіх уваходзяць некалькі кампанентаў у розных спалучэннях. У склад традыцыйнай беларускай стравы – мачанкі (верашчакі, пражаніны), – напрыклад, уваходзяць наступныя кампаненты: мука, вада, соль, сала, каўбаса, свіныя рэбры, цыбуля, перац.

Пры даследаванні тэхналогіі прыгатавання страў мэтазгодна звярнуць увагу на этнічныя асаблівасці прыёмаў і спосабаў прыгатавання, а таксама на прадметы хатняга начыння, якія выкарыстоўваюць. Апрацоўка прадуктаў і спосабы прыгатавання страў даследаваліся этнолагамі значна менш, чым іншыя бакі матэрыяльнай культуры беларусаў, ды і разглядаліся яны ў асноўным пры апісанні страў. Сярод спосабаў і прыёмаў прыгатавання ежы найбольш вядомыя варка, пячэнне, тушэнне, тамленне і г. д. Асноўная бінарная апазіцыя на ўзроўні тэхналогіі прыгатавання страў праходзіць па восі «сырое – прыгатаванае». Так, для традыцыйных прыёмаў прыгатавання ў беларускай народнай кулінарыі характэрна выкарыстанне вялізных непадзеленых мас – запяканне цэлай нагі (кумпяк), цэлага страўніка, цэлага гуся, цэлай рыбіны – або, наадварот, змяльчэнне, драбненне, расціранне прадукту, гэта значыць ператварэнне яго яшчэ да цеплавой апрацоўкі ў рубленую масу, фарш, пюрэ, незалежна ад таго, мяса гэта, гародніна ці грыбы. Прыкладам страў, прыгатаваных першым спосабам, з'яўляецца пячыста, кумпяк, смажаны гусы і г. д., другога спосабу – дранікі, клецкі, камы і г. д. Першы спосаб больш старажытны, другі – больш характэрны для позняга часу, але іменна ён атрымаў у беларускай кулінарыі найбольшае развіццё.

У традыцыйнай культуры харчавання ёсць дзве процілеглыя асаблівасці. З аднаго боку, яна характарызуецца ўстойлівасцю, нават у нейкай ступені кансерватыўнасцю (асабліва абрадавыя віды страў). З другога, менавіта ў галіне народнай кулінарыі добра бачны міжэтнічныя сувязі на ўсіх узроўнях (выкарыстанне прадуктаў, тэхналогія прыгатавання, посуд і г. д.).

Спецыфіка феномена харчавання найбольш поўна раскрываецца з фразы, якая належыць французскаму антрапологу Клоду Леві-Стросу: «Чалавецтва пачынаецца з кухні». Ён жа лічыў, што найбольш ранні пераход ад прыроды да культуры адбываецца ў працэсе прыгатавання ежы. Наша задача – глыбока і ўсебакова даследаваць гэту важнейшую частку нацыянальнай культуры.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

- 1 Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов ; отв. ред. Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1989. – 243 с.
- 2 Добровольская, М. В. Человек и его пища : пищевые специализации и проблемы антропогенеза / М. В. Добровольская. – М. : Науч. мир, 2005. – 368 с.
- 3 Наваградскі, Т. А. Традыцыі народнага харчавання беларусаў / Т. А. Наваградскі. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2000. – 112 с.
- 4 Этнографические исследования развития культуры : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии ; отв. ред. : А. И. Першиц, Н. Б. Тер-Акопян. – М. : Наука, 1985. – 263 с.

УДК 930(476):94:327((47+57)+430)"192/193"

С. Н. Рожкова

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БССР В 1920–1930-Е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ)

В современной белорусской историографии наиболее глубоко и комплексно исследованы процессы формирования экономического и научно-технического сотрудничества. После Версаля державы Антанты повели настоящую «психологическую войну» и начали активно осуществлять политику «тотального молчания» вокруг

Германии. Главной задачей Антанты было сдерживание развития промышленности и технического прогресса Германии с целью ослабления ее конкурентоспособности. В сложившейся ситуации Германия сделала ставку на Советскую Россию. Белорусские ученые отмечают, что экспорт с 1923 по 1925 г. вырос в три раза. БССР закупала в Германии промышленное оборудование, трактора, молотарни и другие материалы. БССР поставляла в Германию большие партии лесоматериалов, продовольственных товаров, лекарственных трав и др. Немецкие капиталы вкладывались в развитие текстильной, химической и бумажной промышленности, металлообработки и машиностроения в Беларуси [1, 2].

Последние годы отмечены поворотом части белорусских историков к проблемам научного и культурного формата советско-германского сотрудничества. В. А. Космач отмечает, что в условиях изоляции от ведущих стран Запада и психологической войны в Германии обозначился советский вектор и области культурных отношений. Автор пишет: «...внешняя культурная политика Германии в отношении СССР использовалась немецким руководством как инструмент давления на Запад с целью ослабления, а потом и ликвидации политики «тотального молчания» вокруг немецкой науки и культуры» [3, с. 10–11]. Таким образом, духовная изоляция на Западе толкала Берлин в восточном направлении, отметил ученый [4, с. 66]. По мнению исследователя, оба государства были заинтересованы в научно-техническом и культурном взаимодействии. Организатором и проводником внешней политики Германии было министерство иностранных дел, в рамках которого функционировал культурный отдел. Он работал с культурным отделом германского посольства в Москве. Оба отдела осуществляли научно-технический и культурный обмен с СССР [3, с. 17; 5, с. 15]. В. А. Космач констатирует, что Германия на культурную политику в середине 1920-х гг. планировала выделить 1–1,5 млн. рейхсмарок, а в 1931 – 6,6 млн. рейхсмарок, что показывает активную работу правящих кругов Германии в этом направлении. Автор отмечает, что во внешней культурной политике Германии с 1919 по 1933 гг. преобладали демократические тенденции. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, Германия после поражения в Первой мировой войне могла только оказывать культурное влияние в мирных целях. Во-вторых, в основу немецкой культурной внешней политики были положены новые духовные ориентиры, которые «базируются на классическом либерализме и общехристианских духовных ценностях». Веймарская республика не допускала

проникновение духовных ценностей советского государства в Западную Европу, чтобы получить от стран Антанты снисхождение в деле выполнения Версальского договора [6, с. 174–175].

В. А. Космач отмечает, что внешняя культурная политика Германии была подчинена интересам правящих кругов, которые хотели восстановить «позиции великой державы». «Подобная цель определяла также политические, идеологические и хозяйственные интересы германской буржуазии». Автор представляет советско-германское взаимодействие в культурной сфере как идейно-политическую борьбу двух культур. Цели внешней культурной политики Германии в отношении СССР являлись враждебными, несмотря на положительные высказывания о советском государстве, которые были фоном для сохранения дипломатических отношений [3, с. 4; 7, с. 27]. Берлин с помощью внешней культурной политики рассчитывал найти себе союзников, а также самоутвердиться в «мировом сообществе», отмечал исследователь [4, с. 93]. Правительство Веймарской Республики при определении основных направлений германской внешней культурной политики вынуждено было считаться с деятелями пролетарской и левodemократической культуры Германии, которые выступали за налаживание контактов с СССР. Однако делая уступки давлению пролетариата, немецкое руководство использовало сотрудничество с СССР как «ширму для идеологического наступления на социализм». Особое внимание во внешней политике отводилось немцам, живущих за границей. Система немецкого образования за границей рассматривалась немецким руководством в качестве пропагандистского и информационного средства, что вызывало настороженность среди большевиков. Аналогичная тенденция наблюдалась и со стороны СССР. Современные белорусские исследователи делают вывод, что тайное и открытое идеологическое наступление использовалось обоими государствами [4, с. 94–95; 3, с. 8–9; 7, с. 27]. Большевистское руководство стремилось к реализации мировой революции, в том числе и в Германии. В связи с этим оно проводило пропагандистскую деятельность в Веймарской республике. Реализация этих планов осуществлялась через разные структуры, в том числе и через Коминтерн. Немецкое руководство принимало меры по предотвращению проникновения большевистской идеологии в Германию [4, с. 98–99].

В. А. Космач впервые в современной белорусской историографии называет четыре ключевых фактора, которые сыграли решающую роль в активном сотрудничестве Германии с СССР в культурной

сфере в 1917–1932 гг.: во-первых, стремление Германии выйти из международной изоляции во внешней культурной политике; во-вторых, активное сотрудничество с Советской Россией могло быть фоном для военного сотрудничества с советским руководством в обход Версаля; в-третьих, с помощью культурных связей Германия популяризировала немецкий образ жизни и собирала информацию о советском государстве, используя шпионаж; в-четвертых, через культурную политику немецкие власти боролись с большевизмом, чтобы вернуть Германию в Европу, в число демократических государств [3, с. 141]. Научно-технические связи достигли наибольшего развития в 1922–1932 гг. Советские и немецкие ученые провели ряд совместных исследований почти во всех областях науки. Между Советской Россией и Германией велся обмен научной информацией и специалистами в разных сферах науки и техники. В новейших белорусских исследованиях содержательно охарактеризованы наиболее распространенные формы советско-германского культурного сотрудничества: участие в выставках и ярмарках, книгообмен, совместные научные эксперименты и экспедиции, проведение недель различных наук и др. [3, с. 144; 5, с. 71].

В. А. Космач достаточно обоснованно выделяет три этапа научно-технического и культурного сотрудничества между СССР и Германией в веймарский период. На первом этапе (1922–1926) шел процесс установления культурных связей. На втором этапе (1926–1929) научные связи были наиболее интенсивными и плодотворными. Советские писатели, театральные и музыкальные коллективы и исполнители, кинематограф завоевали себе широкую аудиторию и признательность в Германии. На третьем этапе (1929–1932) сохранялось культурное сотрудничество, которое постепенно шло на спад из-за антисоветских тенденций во внешней культурной политике Германии [3, с. 145].

В последние годы в рамках этого перспективного исследовательского направления комплексно изучается «белорусский сегмент» советско-германских культурных связей. От Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС) было образовано отделение – Общество культурной связи Советской Беларуси с заграницей, председателем которого стал известный белорусский поэт и государственный деятель Т. Гартный (Д. Жилунович). Оно способствовало распространению немецкой литературы и публицистики в Беларуси. В 1927–1932 гг. на белорусский язык было переведено 14 немецких книг классической и современной

литературы. В немецкой прессе появился интерес к БССР, где размещались статьи о белорусском искусстве, театре, певцах, музыкантах и др. С особой теплотой встречали на концертах в Франкфурте-на-Майне белорусские народные песни в исполнении Л. Александровской [5, с. 110–111; 72, с. 162–163]. В новейшей историографии исследован значительный вклад, который внес в развитие культурных связей СССР и Германии белорусский кинематограф. Производился как экспорт, так и импорт кинофильмов, которые демонстрировались в обоих государствах. Белгоскино производило закупки в Германии киноаппаратуры, кино-фото товаров и кинофильмы [5, с. 114–115; 8, с. 165–166]. В то же время В. А. Космач отмечает, что развитие культурных связей Советской Беларуси и Германии сдерживала жесткая регламентация, «командируемым ставилась задача пропагандировать белорусскую культуру, и тем самым попытаться внести раскол среди белорусской политической и культурной эмиграции в Германии». Это осложняло процесс духовного сближения двух народов, пишет В. А. Космач [8, с. 167–168]. На протяжении 10 лет рапальского периода, акцентирует внимание И. А. Сараковик, между БССР и Германией происходил обмен научной литературой, а также личное знакомство белорусских ученых с достижениями немецкой науки в разных университетах Германии [9, с. 213–214].

Д. А. Мигун отмечает, что после подписания рапальского договора активизировались культурные связи БССР с Германией. Чтобы познакомить немецкий народ с белорусской культурой начали издаваться белорусские книги на немецком языке. В Германии стали публиковать белорусские произведения художественной литературы таких поэтов как Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, З. Бядули. С 1927 по 1929 гг. проводились книжные выставки в Германии, с помощью которых немецкая общественность знакомилась с культурой Беларуси [10, с. 78–79]. Белорусское товарищество культурной связи с зарубежьем, Народный комиссариат просвещения БССР, Инбелъкульт, крупнейшие заведения республики организовали заграничные поездки в Германию белорусских ученых для участия в международных конференциях. Деятели науки и культуры были вынуждены проводить идеологическую агитацию, что вызывало недоверие и снижало немецко-белорусские культурные связи [10, с. 84]. После 1929 г. количество белорусских публикаций в немецкой печати резко сокращается. Причиной стало ухудшение отношений с Германией, в печати которой критиковалась сталинская политика, в том числе гонения на ученых [10, с. 88].

История советско-германских отношений 1917–1933 гг. занимает особое место в белорусской исторической науке. Для Беларуси эти отношения важны тем, что их состояние существенно влияло на развитие белорусской государственности, судьбу белорусского народа. Улучшение отношений между государствами объясняется сложным международным положением Германии и Советской России в рамках Версальской системы международных отношений, а также их взаимной заинтересованностью в развитии широкомасштабных экономических и культурных связей.

Список использованных источников и литературы

- 1 Тихомиров, А. Международные проблемы белорусско-германских отношений 1914-1922 гг. / А. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 4. – С. 5.
- 2 Ганшевская, И. А. Белорусско-германские экономические, научно-технические и культурные связи в 20-е годы XX века / И. А. Ганшевская // Рапалльская политика: истоки, традиции и современность. Тез. докладов и сообщений участников науч. семинара (26–27 мая 1992 г.). – Минск: Изд. МГПИ им. А. М. Горького, 1992. – С. 28–30.
- 3 Космач, В. А. До и после Рапалло / В. А. Космач. – Витебск: изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2003. – 178 с.
- 4 Космач, В. А. Внешняя культурная политика в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.) / В. А. Космач. – Минск: БДПУ, 1994. – 373 с.
- 5 Космач, В. А. Советская Беларусь и Германия в 1917–1932 гг.: кампания солидарности, торговля, культурный обмен (уроки истории для современности) / В. А. Космач, Д. В. Романовский. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2001. – 155 с.
- 6 Космач, В. А. Внешняя культурная политика в германской истории нового времени / В. А. Космач // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: у 2 ч. – Мінск, 1995. – Ч. 2. – С. 173–178.
- 7 Космач, В. А. Рапалло и восточноевропейский аспект германской внешней культурной политики в годы Веймарской республики (1919–1933) / В. А. Космач // Рапалльская политика: истоки, традиции и современность. Тез. докладов и сообщений участников научного семинара (26–27 мая 1992 г.). – Минск: Изд. МГПИ им. А. М. Горького, 1992. – С. 25–28.
- 8 Космач, В. А. белорусско-германские культурные связи в 1922–1932 / В. А. Космач // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці,

- міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. артык. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – С. 162–170.
- 9 Саракавік, І. А. Беларуская-германскія навуковыя сувязі (1920-я – пачатак 1930-х гг.) / І. А. Саракавік // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы Міжнар. навук. канф. – Мінск, 2017. – С. 212–216.
- 10 Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.

УДК 392.8(476)

Чжан Иньлин

(Минск, ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»)

ПИЩЕВАЯ КУЛЬТУРА КИТАЙЦЕВ В БЕЛАРУСИ: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И АДАПТАЦИЯ

Элементы традиционной культуры сохраняются в структуре питания достаточно устойчиво в связи с неизбежной регулярностью самого процесса потребления пищи. Вместе с тем в контексте межэтнических контактов питание проще всего поддается заимствованиям, влияниям извне, новациям. В современный период происходит активная адаптация китайцев как к европейской системе питания в целом, так и к белорусской в частности. Для китайского населения данное исследование важно, поскольку способствует пищевой адаптации в новой среде и созданию глубокой коммуникации с белорусской системой питания. С другой стороны данное изучение способствует лучшему пониманию жителям Беларуси культуры Китая.

В контексте межэтнических контактов изучение особенностей питания китайцев в белорусском обществе приобретает двухстороннее этнокультурное значение. В целях нашего исследования был проведен опрос респондентов, приехавших из разных регионов Китая.

Изменения пищевой культуры китайцев в Беларуси проявляются в основном в двух ракурсах – материальном и духовном. В материальном отношении белорусская кухня сильно отличается от китайской в продуктах. В монографии «Белорусы» белорусским этнологом В. С. Титовым предлагается общий обзор традиционной

пищевой системы белорусов [4, с. 310–320]. Основным продуктом питания белорусов являются хлеб и мучные изделия. У китайцев рис составляет основу питания. Обычно используется круглозерный рис. В Беларуси многие китайцы привыкли к хлебу и используют его наряду с рисом [1, с. 9]. Распространенные в белорусской кухне макаронные изделия несколько похожи на китайскую лапшу. В Беларуси китайцы употребляют его как субститут китайской лапши.

К особенностям современной белорусской кухни относится широкое использование картофеля. Среди белорусских китайцев картофельные блюда занимают значительное место, в том числе пюре, draniki, клецки и картофельный суп. У них также такое любимое китайское блюдо – жареная тонко нарезанная картошка.

Из овощей наиболее характерны для белорусской кухни капуста, свекла, морковь, огурцы и другие. В китайской культуре питания употребление разных овощей имеет глубокие корни. Поэтому белорусские китайцы обычно кушают те овощи, что в республике есть. Они обычно едят жаренные горячие овощи, которые также подают как компонент мясных блюдах [5, с. 249]. Среди китайской диаспоры пользуются популярностью такие овощные блюда, как борщ, холодник, соленые огурцы и разнообразные салаты.

У белорусов мясо и мясные продукты нередко составляют основу многих блюд. В Беларуси на рынках нередко приобретается свинина, курица, говядина и баранина. Как у китайцев, так и у белорусов мясо обычно употребляется в пищу вареным, жареным и тушеным. Из мяса китайцы в Беларуси обычно готовят такие блюда, как тушеную грудинку в соевом соусе, свинину с перцами, жареную говядину с картошкой [1, с. 23].

Так как рек в стране немало, то рыба тоже является одним из основных и любимых белорусами продуктов. На белорусском рынке продаются как свежая, так и соленая рыба. А китайцы чаще готовят блюда из свежей рыбы [5, с. 251]. Многие белорусские китайцы часто употребляют крабовые палочки.

Молоко и молочные продукты широко используются для разнообразных блюд и кулинарных изделий в белорусской кухне. Китайцы в Беларуси обычно легко принимают молоко, йогурт, молочный коктейль, сливки и творог. Но они с трудом переносят сметану, поскольку её вкус для них слишком особый.

Немаловажное значение в питании белорусов имеют и напитки. Китайцы также любят такой здоровый и вкусный белорусский напиток – квас. Кроме этого им нравятся березовый сок, фруктовый

сок и сок из ягод. Что касается чаепития, то многие китайцы признают белорусский сорт чая. Они с удовольствием попробуют черный, зеленый и фруктовый чай, которые могут покупать в магазинах. Но многие сохраняли свои привычки к китайскому чаю. Уважением среди китайцев пользуется и спиртное. Белорусские традиционные напитки обычно сделаны из пшеницы, а китайские из риса. Для китайцев белорусское спиртное более мягкое. В Беларуси китайцам нравятся пиво, вино виноградное, водка и коньяк.

У белорусов специи добавляются, но острыми блюда обычно не бывают. А в китайской кухне бывают острые блюда. Под влиянием местной кулинарной культуры некоторые китайцы привыкли добавлять только необходимые масло и соль при приготовлении. А некоторые китайцы обычно берут разные добавки из магазинов китайских продуктов или сами привозят из Китая. Китайцы, проживающие в Минске, предпочитают покупать продукты на Комаровском рынке. Здесь бывают продукты не типичные для местных жителей, но хорошо знакомые в Восточной Азии. В их числе трюха свинины, ножки курицы, шеи утки, лук душистый, стрелка чеснока.

В отношении духовной составляющей культуры питания китайцев также заметны изменения. Для некоторых китайцев, в частности студентов, характерно полное изменение привычного на родине режима приема пищи. У них плотное расписание занятий и не бывает достаточно времени для готовки [1, с. 2]. Поэтому они обычно принимают питание два раза в день, нередко без особой системы.

В китайской культуре традиционен обязательный послеобеденный сон. Многие китайцы в Беларуси соблюдают эту традицию, а некоторые перестали отдыхать после обеда [1, с. 2].

В Беларуси распространены обед и ужин из трех блюд. В культуре китайской кухни не существует какого-то определенного порядка подачи блюд. А некоторые китайцы уже установили белорусские привычки приема питания. Они сначала едят суп, потом горячее блюдо с основной пищей, наконец напитки и десерты. Здесь они также научились пользоваться ножом и вилок [1, с. 2, 9].

Следует отметить, особенные черты культуры китайской кухни максимально сохраняются в обрядово-праздничной пище. Народная обрядово-праздничная еда не только средство удовлетворения жизненной потребности человека, но и важная форма социального общения, традиционная общественная ценность, несущая на себе символическую нагрузку.

Китайский новый год (Праздник весны) является главным и самым продолжительным праздником у китайцев. Традиционный Новый год приурочен к зимнему новолунию по завершении полного лунного цикла, первого после зимнего солнцестояния (то есть на второе новолуние после 21 декабря).

Новогодний ужин должен быть обильным и разнообразным. Одно из самых распространенных – пельмени. Фарш бывает самым разнообразным: из рубленого мяса, овощей, из мяса и овощей, из яиц и лука-порея и т. д. Иногда в отдельные пельмени помещают в начинку монету, или конфету, или арахис, и верят, что тому, кому попадет такой пельмень, будет везти в новом году. Своей формой пельмени напоминают слиток золота, а потому символизируют достаток [3, с. 44]. Интересно отметить, что в Беларуси некоторые китайцы в Китайский Новый Год покупают готовые белорусские пельмени, поскольку они не умеют лепить [1, с. 5].

Праздник Юаньсяоце или праздник Фонарей отмечают 15-го числа 1-го месяца по лунному календарю (то есть на второе полнолуние после 21 декабря). Этот праздник завершает новогодние торжества. В праздник Юаньсяоце принято любоваться фонарями и есть сладость юаньсяо. Их готовят в виде шариков из клейкого риса со сладкой начинкой. Начинку для юаньсяо делают из смеси сахара, масла, кунжута, пюре из фасоли, грецких орехов или пюре из фиников. Можно просто обвалить их в рисовой муке. В народе верят, что отведав всей семьей вкусные юаньсяо, члены семьи будут всегда жить счастливо и неразлучно. В этот праздник китайцы в Беларуси обычно покупают юаньсяо в магазинах китайских продуктов [1, с. 27]. Потому что на рынке Беларуси не бывает рисовой муки.

Праздник Дуанью, отмечаемый 5 числа 5 месяца по Лунному календарю (обычно приходится на июнь григорианского календаря), является одним из важнейших китайских традиционных праздников. Для китайцев в Беларуси он имеет важное символическое значение. В этот день они обычно едят цзун-цзы. Это приготавливаемое на пару кушанье из клейкого риса, обернутое тростниковыми, бамбуковыми или пальмовыми листьями и перевязанное разноцветными шелковыми нитками. По причине отсутствия данных листьев в Беларуси китайцы обычно покупают в магазинах китайских продуктов [1, с. 27].

У китайцев праздник Середины Осени приходится на 15-ое число 8-го месяца по лунному календарю (то есть на второе полнолуние после 21 июня). Также этот праздник называют и Праздником Луны, поскольку именно в этот день лучше всего наслаждаться

наблюдением за луной. Традиционным кушаньем в этот день считается юэбин (лунный пряник). По форме они напоминают лунный диск, а готовятся из пшеничной муки с маслом, бывают как сладкими (начинка из сахара, грецких орехов, изюма и сушеных фруктов), так и солеными. В этот день китайцы в Беларуси дарят друзьям и едят лунные пряники, поскольку это символ семейного счастья [1, с. 18; 2, с. 87].

На праздничном столе китайцев в Беларуси в день рождения обязательно присутствует лапша [1, с. 27]. Это символ долголетия. Друзья, поедая это блюдо, желают имениннику жить много лет.

В любые праздники когда собирается большая компания, белорусские китайцы вместе и готовят Хо-го [1, с. 18]. Это не блюдо, а способ приготовления еды, когда ингредиенты, подобранные каждым по вкусу, варят в общем котелке, перемежая процесс приготовления еды разговорами. Когда кушают Хо-го, в центре стола находится печь, на которую устанавливают горшок с бульоном или соусом. Друзья добавляют в горшок сырые продукты, которые впоследствии и станут ингредиентами Хо-го. В их числе мясо, морепродукты, овощи, соевые продукты, грибы и т.д. У китайцев разнообразие ингредиентов для Хо-го считается как символ достатка в жизни. А совместное приготовление еды в общем котелке способствует сближению.

На территории Беларуси праздничные блюда у китайцев имеют массовый характер и подразделяются по временам года. В праздничные дни сочетается благоприятное стечение обстоятельств – подходящее время, удобное расположение и сплочённость людей. В этом отражается традиционная черта китайской культуры.

Таким образом, в Беларуси китайцы в большой степени сохраняют китайские пищевые традиции. Рис составляет основу питания китайцев. Занимают важное место и мучные изделия. В то же время они легко принимали белорусские традиции питания. В целом они проявляют значительную способность адаптироваться к белорусской системе питания. В праздничном питании черты китайской традиционной культуры более устойчивы, вместе с тем праздничная пища у китайцев в Беларуси имеет неотъемлемое символическое значение. В этнокультурном контексте через поддержание традиций обрядово-праздничного питания сохраняется этническая идентичность китайской общности.

Список использованных источников и литературы

- 1 Архив Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. – Фонд 6. Оп. 14. Д. 250. Материалы полевых исследований Чжан Иньлин по теме «Китайцы в Беларуси: этнологическое исследование».
- 2 Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл / Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии СССР; отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. – М. : Наука, 1989. – 359 с.
- 3 Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии : Новый год / Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии СССР; отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. – М. : Наука, 1985. – 264 с.
- 4 Титов, В.С. Традиции питания / В.С. Титов // Белорусы / В. К. Бондарчик [и др.]; отв. ред. В. К. Бондарчик. – М. : Наука, 1998. – С. 310–320.
- 5 Этнические традиции национальной кухни Беларуси / А. Викт. Гурко, [и др.]; науч. ред. А. Викт. Гурко. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 254 с.

УДК 94:008(476.2)''1944''

О. Г. Ященко

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины»)

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА В ГОРОДАХ БССР В 1944 ГОДУ (НА ПРИМЕРЕ НОВОБЕЛИЦКОГО РАЙОНА ГОРОДА ГОМЕЛЯ)

Праздничная культура советского периода достаточно глубоко и всесторонне охарактеризована исследователями. В числе специальных исследований и труды белорусских этнологов, которые отобразили этапность в развитии праздников, их эволюцию, дали общую характеристику государственным и профессиональным праздникам, конкретизировали свои выводы, используя конкретные историко-культурные материалы по отдельным городам [1; 2]. Вместе с тем вопрос о том, каким образом отмечались праздничные даты календаря сразу же после освобождения территорий БССР от немецко-фашистских захватчиков в последние два года Великой

Отечественной войны, еще не нашел широкого освещения и надлежащей интерпретации в научной и научно-популярной литературе.

Исследование построено на ряде архивных документов, выявленных в фондах Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Это планы работы, протоколы заседаний, отчеты о состоявшихся мероприятиях. Выбор Новобелицы обусловлен как важностью этого района для жизнедеятельности крупного промышленного и транспортного центра БССР города Гомеля, так и довольно полной сохранностью документов, позволяющих раскрыть сюжет о праздничной культуре. С 1940 г. Новобелица являлась районом Гомеля, исключительно важным в отношении развития промышленности и транспорта, культурного потенциала.

Обращает на себя внимание стиль изложения материала о праздниках в партийных документах. Это перегруженность штампами, схожая калька событийного ряда, однобокость в преподнесении фактов, лакировка происходивших праздничных процессов, идеологические акценты на важных с точки зрения советской культуры позициях. В то же время особенностью содержания подобных документов выступает твердая решимость победить врага, стремление поднять героический дух жителей, отметить героизм народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Один из распространенных способов усиления воздействия на слушателя – это обращение агитаторов и пропагандистов к героическому прошлому белорусов. Также в документах неизбежно подчеркивалась роль Великой Октябрьской социалистической революции в обретении белорусами государственности. Здесь же часто в гипертрофированном виде представлялся вклад русского народа в произошедшие социальные преобразования, особо указывалась роль русского народа в завоевании светлого будущего, невозможность самостоятельного продвижения вперед к реализации коммунистических идей. В постановлении заседания Новобелицкого бюро райкома КПБ(б) от 24 декабря 1943 г. по вопросу о подготовке к празднованию 25-ой годовщины образования БССР отмечалось: «1 января 1944 г. исполняется 25 лет со дня образования БССР. Эту славную годовщину белорусский народ отмечает в условиях Великой Отечественной войны. Белорусский народ в борьбе с разными иноземными захватчиками всегда отстаивал свою независимость, свою культуру, свой язык и в результате Октябрьской

революции под руководством партии Ленина – Сталина, с помощью великого братского народа обрел свое государство» [3, л. 11].

Все учреждения и предприятия Новобелицы должны были в срок до наступления 1 января 1944 г. провести торжественные собрания, посвященные этой знаменательной дате. В докладах выступавших основные задачи формулировались под лозунгом мобилизации всех сил на скорейшее и полное освобождение страны от захватчиков и быстрое восстановление предприятий городов. Такие мероприятия прошли на хлебокомбинате, лесокомбинате, промкомбинате, фабрике «Везувий», в сапожной и пошивочной мастерских, а также они были актуальны для работников железной дороги. Собрания по юбилейной тематике охватывали также комсомольские организации, затрагивали работу уличных комитетов. Отдельное направление праздничных собраний – это учреждения образования, в первую очередь школы Новобелицы.

Международный день 8 Марта также относился к числу праздников, отмечаемых в освобожденных городах Беларуси. Схема празднования предлагалась стандартная: выпуск стенгазет, публичные выступления с агитационными материалами, организация вечеров. 8 марта 1944 г. на районном вечере в Новобелице, кроме прослушивания доклада лектора ГК КПБ(б) Шадурской и премирования лучших работниц деньгами и промышленными товарами, женщины также с вниманием посмотрели кинокартину «Машенька» [4, л. 75]. 23 февраля 1944 г. проводился вечер, посвященный Красной Армии, включавший как торжественную часть с докладом, так и художественные номера перед собравшимися в зале клуба [5, л. 1].

К 1 Мая 1944 г. в Новобелице были проведены 59 лекций и докладов в разных учреждениях и на предприятиях. Накануне 25 апреля для руководителей агитколлективов и докладчиков был прочитан инструктивный доклад о международном дне 1 Мая, на котором присутствовали 36 человек. Для жен военнослужащих и партизан 29 апреля в клубе «25 лет БССР» был организован вечер. Во всех школах дети принимали участие в детских утренниках, их также приглашали на дневные киносеансы. На городских улицах были размещены 12 газетных витрин, где вывешивались центральные газеты и сводки Совинформбюро. На предприятиях и в организациях были заполнены 10 досок показателей производственной работы, 7 досок почета. Неотъемлемым элементом празднования считались также боевые листки «молнии», отражавшие ход предмайского социалистического соревнования. Под руководством комсомольцев

на хлебозаводе и спиртзаводе организовали кружки самодеятельности. В школах осуществлялся сбор подарков для раненых бойцов и офицеров [4, л. 62].

Важным событием местного календаря являлось празднование третьей годовщины Гомельского полка народного ополчения [4, л. 64]. С населением Новобелицы проводились беседы, посвященные боевым традициям Гомельского полка народного ополчения, горожан агитировали принять участие в траурном митинге и похоронах ополченцев, зверски замученных немецко-фашистскими захватчиками. На беседах присутствовало более 3300 человек. Следует подчеркнуть, что еще в июне 1942 г. в Москве была создана комиссия по истории Великой Отечественной войны, которая осуществляла сбор информации о партизанской борьбе, подвигах на фронтах и тружениках тыла. Патриотическая работа на освобожденных территориях Беларуси была развернута широко, и предполагалось активное вовлечение в нее живых свидетелей военно-исторических событий.

Важным компонентом героизации выступали встречи жителей Новобелицы с участниками полка. Архивные документы запечатлели слова выступавших, их было более 40 человек, не считая докладчиков. Инвалид войны Стасенко, работавший начальником отдела кадров на заводе «Красный химик» произнес эмоциональную речь: «Еще недавно враг бомбил наш город, он пробовал нашу силу, нашу мощь, думал прорваться сюда, но Красная Армия со своим дружным народом сломала его сопротивление и гонит далеко на запад. Успехи наши нелегки, но мы должны их увеличить своим упорным трудом, плодотворной работой... ». 15 июля 1944 г. делегация рабочих и служащих Новобелицы во главе с руководством района принимала участие в Гомеле в митинге, приуроченном третьей годовщине полка и погребении 12 ополченцев, замученных в деревне Покалюбичи в 1941 г. На митинге присутствовали 627 человек [4, л. 67–67 об.].

Летом того же года массово отмечался День авиации, в торжествах оказались задействованы 2118 жителей. Накануне 20 августа горожане слушали выступления агитаторов, доклады которых были насыщены типичными идеологическими штампами своей эпохи в честь «сталинских соколов, метко разящих с воздуха ненавистного врага» [4, л. 67 об.].

В протоколе заседания бюро Новобелицкого райисполкома КПБ(б) от 12 октября 1944 г. детально рассматривался вопрос

о подготовке к проведению празднования 27-ой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции [6, л. 87–88].

Несомненный интерес представляет программа празднования первой годовщины освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. 2 октября того же года было принято постановление о проведении мероприятий в Новобелице. В период с 6 по 10 октября и с 20 по 26 ноября 1944 г. состоялись собрания трудящихся по данной тематике, накануне были проведены инструктивные доклады для докладчиков и агитаторов. Выпускались стенные газеты, боевые листки, в которых широко освещались вопросы об ущербе, нанесенном войной Гомелю и Новобелице, согласно идеологической доктрине тех лет здесь сообщали о достижениях местных жителей, лучше всего проявивших себя в процессе восстановления разрушенных предприятий города. 10–11 октября 1944 г. и 26 ноября были вывешены лозунги и плакаты, приуроченные к датам освобождения. Важным этапом праздника стало приведение в порядок мест захоронения воинов Красной Армии, партизан, погибших за освобождение и в оккупационный период. Каждую могилу ограждали и делали надписи с фамилиями погребенных, копии надписей хранились в Новобелицком райисполкоме. 26 ноября 1944 г. в клубе «25 лет БССР» жители посетили торжественное заседание, организованное совместно с партийными, комсомольскими, профсоюзными и общественными организациями, в нем были также задействованы стахановцы предприятий и учреждений [6, л. 73–74].

Из-за разрухи и военного лихолетья незначительное внимание уделялось использованию атрибутов праздников за исключением идеологических лозунгов и транспарантов. По той же причине горожане были вынуждены использовать на праздничных мероприятиях обычную одежду. Об этом же свидетельствуют документальные фотографии первых праздничных шествий в освобожденной Новобелице, где на переднем плане фото женщин в изношенной рабочей одежде со знаменами и лозунгами в руках. Но сияние их лиц и радость освобождения, которую разделяли тысячи жителей как Новобелицкого, так и других районов Гомеля, несомненно, превосходили материальные трудности и скудные праздничные ресурсы, внешние недостатки в процедуре отмечаемой той или иной даты.

Таким образом, изученные архивные документы позволяют утверждать, что официальная праздничная культура горожан Беларуси на освобожденных территориях в завершающий период

Великой Отечественной войны имела ряд особенностей. Вместе с тем партийные документы и документальные фотографии в содержании праздничных мероприятий позволяют выявить черты, указывающие на представленность основополагающих компонентов советской культурной традиции, преломлявшейся через призму военных лет.

Список использованных источников и литературы

- 1 Беларусь : У 10 т. / В. К. Бандарчык, М. Ф. Піліпенка, А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 1995-2007. – Т. 6 : Грамадскія традыцыі / В. М. Бялявіна [і інш.]. – 2002. – 606 с.
- 2 Изменения в быту и культуре городского населения Беларуси / Под ред. В. К. Бондарчика. – Минск : Наука и техника, 1976. – 111 с.
- 3 Государственный архив общественных организаций Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 20. Оп. 1. Д. 1.
- 4 ГАООГО. – Ф. 20. Оп. 1. Д. 13.
- 5 ГАООГО. – Ф. 20. Оп. 1. Д. 23.
- 6 ГАООГО. – Ф. 20. Оп. 1. Д. 8.

Звесткі пра аўтараў

Бабков Анатолий Михайлович, доцент кафедры всеобщей истории УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат исторических наук, доцент.

Бачыла Ірына Генадзьеўна, дацэнт кафедры этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

Бялявіна Валянціна Мікалаеўна, старшы навуковы супрацоўнік адзела народазнаўства ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі», кандыдат гістарычных навук.

Вермейчик Алина Евгеньевна, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук.

Восович Сергей Михайлович, доцент кафедры гуманитарных наук, начальник отдела воспитательной работы с молодежью УО «Брестский государственный технический университет», кандидат исторических наук, доцент.

Гребенчук Игорь Васильевич, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь», кандидат исторических наук, доцент.

Грищенко Ирина Адамовна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин УО «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого».

Дерюжин Роман Викторович, аспирант кафедры периодической печати и веб-журналистики факультета журналистики УО «Белорусский государственный университет».

Друзенюк Ольга Владимировна, преподаватель-стажер кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Дубовік Алена Аляксандраўна, выкладчык кафедры гісторыі беларускай дзяржаўнасці УА «Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт», кандыдат гістарычных навук.

Елизаров Сергей Александрович, профессор кафедры политологии и истории УО «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», доктор исторических наук, профессор.

Жихарев Сергей Борисович, доцент кафедры истории славян и специальных исторических дисциплин УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат исторических наук, доцент.

Иванова Татьяна Петровна, доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», кандидат исторических наук, доцент.

Кароль Маргарыта Міхайлаўна, аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Корникова Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Корсаков Дмитрий Геннадьевич, аспирант историко-филологического факультета УО «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова», магистр исторических наук.

Кухаронак Таццяна Іванаўна, старшы навуковы супрацоўнік адзела народазнаўства ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі», кандыдат гістарычных навук.

Лебедев Андрей Дмитриевич, доцент кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат исторических наук, доцент.

Лісоўская Таццяна Вітальеўна, загадчык кафедры гуманітарных навук УА «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт», кандыдат гістарычных навук, дацэнт.

Марченко Олег Валерьевич, доцент кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат исторических наук, доцент.

Махоўская Ірына Станіславаўна, дацэнт кафедры этналогіі, музеалогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.

Міхайлец Міхаіл Анатольевіч, дацэнт кафедры этналогіі, музеалогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.

Моторова Надежда Сергеевна, докторант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Наваградскі Тадэвуш Антонавіч, загадчык кафедры этналогіі, музеалогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук, прафесар.

Рожкова Светлана Николаевна, ассистент кафедры истории славян и специальных исторических дисциплин УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Романенко Ирина Васильевна, старший научный сотрудник отдела народоведения ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси», кандидат исторических наук.

Старовойтов Михаил Иванович, доцент кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат исторических наук, доцент.

Сушко Виктория Владимировна, доцент кафедры гуманитарных наук, начальник отдела воспитательной работы с молодежью УО «Брестский государственный технический университет», кандидат исторических наук.

Цацарин Вячеслав Владимирович, старший преподаватель кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Чаропка Станіслаў Аляксандравіч, дэкан гістарычнага факультэта УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны», кандыт гістарычных навук, дацэнт.

Чжан Иньлин, аспирант отдела народоведения ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси».

Шейбак Вадим Викторович, старший научный сотрудник ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси», кандидат исторических наук.

Щерба Татьяна Николаевна, аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета.

Ященко Оксана Григорьевна, заведующий кафедрой истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат исторических наук, доцент.

ЗМЕСТ

1 ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

Бабков А. М. Себежское уездное управление по эвакуации населения в 1920 году	3
Веремейчик А. Е. Политика правительства Российской империи в сфере частного земельного владения на территории Беларуси в первой половине XIX века.....	9
Гребенчук И. В. Виленская (Беняконская) сельско-хозяйственная опытная станция в 1910–1941 годах	14
Грищенко И. А. К истории строительства Никольской церкви в Гомеле	20
Дерюжин Р. В. Образование как фактор экономического развития БССР 1920–1930-х годов (на материале журналов Госплана и Наркомзема)	25
Друзенок О. В. Организационно-правовые основы деятельности уполномоченного по делам религиозных культов на Гомельщине в середине 1940-х – середине 1960-х годов.....	30
Дубовік А. А. Нацыянальна-дзяржаўнае і прафсаюзнае будаўніцтва ў БССР у 1920-я гады	36
Елизаров С. А. Самодеятельные общественные организации и органы в Белорусской ССР (1960-е годы)	42
Жихарев С. Б. Военно-тренировочная база крепости Осовец: создание и развитие (1901–1913)	47
Кароль М. М. Міжканфесійныя канверсіі ў 60-я гады XIX стагоддзя: сацыяльнае аблічча «ўпартых»	53
Корсаков Д. Г. Деятельность глазного отряда Попечительства императрицы Марии о слепых в Пинском уезде в 1900 году	57
Лебедев А. Д. Слухи как элемент общественных настроений в Белорусском советском обществе 1920–1930-х годов (на примере Гомельщины)	62
Лісоўская Т. В. Узаемаадносінны католікаў і пратэстантаў Заходняй Беларусі (1921–1939) у кантэксте рэлігійнай палітыкі Польшчы	68
Марченко О. В. Советское антифашистское подполье Хойникского района Полесской области в годы Великой Отечественной войны	73
Моторова Н. С. Роль генерал-губернаторов в реализации государственной социальной политики на территории белорусских губерний (вторая половина XIX – начало XX века)	78

Романенко И. В. Исторические трансграничные связи в традиционных хозяйственных занятиях населения белорусско-российского пограничья	83
Старовойтов М. И. Национальный состав населения малых и средних городов белорусско-российско-украинского пограничья в 1939 году	88
Сушко В. В. Деятельность религиозных объединений евангельских христиан-баптистов на территории Брестского региона в период 1945–1965 годов в контексте взаимоотношений с местными властными структурами	95
Цацарин В. В. Деятельность Покотского военного комиссариата по борьбе с дезертирством в 1920 году	100
Чаропка С. А. Літоўская армія 1812 года: структура і арганізацыя	104
Шейбак В. В. К вопросу о динамике этнического состава населения Брестской области БССР в 1950–1980-е годы	109
Щерба Т. Н. Социально-правовое положение почетных граждан в Беларуси (1832–1917).....	113

2 КУЛЬТУРА БЕЛАРУСІ

Бачыла І. Г. Вопыт айчынай этналогіі другой паловы ХХ – пачатку ХХІ стагоддзя па вывучэнні пытанняў гістарычна-этнаграфічнага раянавання Беларусі	118
Бялявіна В. М. Земляробчая магія беларусаў	123
Восович С. М. Культурно-просветительская деятельность православных братств Минской епархии во второй половине ХІХ – начале ХХ века	128
Иванова Т. П. Быт горожан Витебской губернии в 1919 году...	133
Корникова Н. В. Летний досуг интеллигенции Гомельщины в начале ХХІ века	137
Кухаронак Т. І. Благавешчанне ў наратывах і абрадавай практыцы жыхароў Гомельшчыны: паводле сучасных экспедыцыйных запісаў	142
Махоўская І. С. Дэфіцыт, візітоўкі і талоны. 1991 год у гісторыі эканамічнага крызісу ў Беларусі	146
Міхайлец М. А. Дасягненні і праблемы ў імплементацыі Рэспублікай Беларусь Канвенцыі аб захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны 2003 года	152
Наваградскі Т. А. Традыцыі харчавання – важнейшая частка матэрыяльнай культуры этнасу	156

Рожкова С. Н. Культурное развитие БССР в 1920–1930-е годы в контексте советско-германских отношений (отечественная историография)	161
Чжан Иньлин Пищевая культура китайцев в Беларуси: сохранение традиций и адаптация	167
Яценко О. Г. Праздничная культура в городах БССР в 1944 году (на примере Новобелицкого района города Гомеля)	172
Звесткі пра аўтараў	178

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСЬ У ГІСТАРЫЧНАЙ РЭТРАСПЕКТЫВЕ
XIX–XX СТАГОДДЗЯЎ:
ЭТНАКУЛЬТУРНЫЯ
І НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНЫЯ ПРАЦЭСЫ**

Матэрыялы Рэспубліканскай
навуковай канферэнцыі

(Гомель, 3 кастрычніка 2019 г.)

Падпісана да друку 03.12.2019. Фармат 60x84 1/16.
Папера афсетная. Рызаграфія. Ум. др. арк. 10,7.
Ул.-выд. арк. 11,7. Тыраж 70 экз. Заказ 783.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі
“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны”

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 3/1452 ад 17.04.2017.

Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013.

Вул. Савецкая, 104, 246019, Гомель